ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 3 ЯНВАРЬ 1987

ДОРОГА ЧЕРЕЗ «КРЫШУ МИРА»

РАССКАЗЫВАЕТ АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ПРЕЗИДЕНТ АН СССР

СЕГОДНЯ В КИТАЕ

ВЫСОКОЕ ПАДЕНИЕ

КРАСНА ИЗБА УГЛАМИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 3 (3104)

17—24 ЯНВАРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Лариса Мирошниченко — одна из воспитателей детского сада в колхозе «Дружба» Белгородской области (см. в номере материал «Озимь»).

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 26.12.86. Подписано к печати 13.01.87. А 00305. Формат 70×108$^1/_8$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 64. Заказ № 4200.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

В ПРАЗДНИЧНЫЕ НОВОГОДНИЕ ДНИ У НАС, ДВУХ РЕПОРТЕРОВ «ОГОНЬКА», БЫЛО НЕОБЫЧНОЕ ЗАДАНИЕ — В ОДНОМ ИЗ РОДИЛЬНЫХ ДОМОВ ОТЫСКАТЬ ГЕРОЯ ДЛЯ РЕПОРТАЖЕЙ НА ВЕСЬ НАЧАВШИЙСЯ ГОД. ИМ ДОЛЖЕН БЫЛ СТАТЬ ПЕРВЕНЕЦ — МАЛЬЧИК ИЛИ ДЕВОЧКА, КОТОРЫЙ РОДИТСЯ В САМОЙ ОБЫКНОВЕННОЙ МОЛОДОЙ СЕМЬЕ СО СРЕДНИМИ ДОХОДАМИ.

Я И СЕМЬЯ

Новелла ИВАНОВА,
фото Геннадия КОПОСОВА

Почему именно такое условие? Дело в том, что в почте рубрики «Я и семья» много писем от молодых родителей, которые предлагают честно и откровенно поговорить о проблемах, связанных с появлением в семье малыша.

Прежде всего назывались проблемы материального характера. «Дети стали очень дорого стоить» — вот дословные строки из письма молодого отца из Новосибирска. А чтобы мы не заподозрили его в стремлении сгустить краски, он привел полный расклад «детских расходов» в своей семье, и, скажем откровенно, этот отцовский список наводит на серьезные размышления! Нельзя отмахнуться и от писем, авторы которых возмущены равнодушием и безынициативностью тех, кто по долгу своей службы обязан заботиться о том, чтобы облегчить бытовые, медицинские и педагогические проб ... ителей. Вот вопросы, которые ... м.

«Почему наши соски ... ворожденных уступают уров ... зцов?»

«Кто разберется в то ... рушки стали такими некрасив ... ремушки для самых маленьк ... г преимущественно ядовито-: ... о цвета!»

«Мы с мужем целыми днями бегаем по городу за импортным детским питанием. Зачем государству тратить валюту? Неужели мы не можем сами сделать качественное детское меню и в достаточном количестве?»

«Я была недавно в Чехословакии и позавидовала — до чего же там ярко и нарядно одеты малыши! Когда же в нашем «Детском мире» я смогу выбрать и купить своей годовалой дочке нарядное платье вместо той убогой по расцветке фланелевой хламиды, что вынуждены покупать расстроенные мамы, папы, бабушки?»

«Где приобрести доходчиво написанные для родителей советы по медицинскому уходу за новорожденными?»

Наконец, вопросы более серьезные. Они связаны с проблемой заработка в молодой семье. Как строить свой бюджет, чтобы можно было бы выдержать новые материальные нагрузки? Некоторые спрашивают о том, какие льготы существуют для молодой семьи.

Вот мы и решили взять под наблюдение «Огонька» молодую семью, которой предстоит столкнуться с этими да и с друг ... и попытаться разобраться, как ... жно решить уже сегодня, сейч ... стротой в масштабах страны вс ... ы материнства и укрепления се

Так мы оказались ут ... оддоме номер шесть имени Н. ... абинете

В 11 УТРА 3 ЯНВАРЯ ПОЯВИЛСЯ СЕРЕЖА ИРИНА ФОКИНА СТАЛА МАМОЙ

ЕЖЕГОДНО В НАШЕЙ СТРАНЕ РОЖДАЕТСЯ 5 МИЛЛИОНОВ МАЛЫШЕЙ

ЗДРАВСТВУЙ, СЕРЕЖА!

В 11 УТРА
3 ЯНВАРЯ
ПОЯВИЛСЯ
СЕРЕЖА
ИРИНА ФОКИНА
СТАЛА МАМОЙ

ЕЖЕГОДНО
В НАШЕЙ СТРАНЕ
РОЖДАЕТСЯ
5 МИЛЛИОНОВ
МАЛЫШЕЙ

СОБЫТИЕ НЕДЕЛИ

ИТОГИ ГОДА МИРА

ИЗ ПОСЛАНИЯ М. С. ГОРБАЧЕВА ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ООН Х. ПЕРЕСУ ДЕ КУЭЛЬЯРУ

«...Сейчас, когда Международный год мира уходит в летопись истории, не обязано ли каждое государство в ответ на единогласно принятую резолюцию представить ООН своего рода отчет о том, что оно предприняло для того, чтобы Год мира действительно соответствовал своему названию. Во всяком случае, что касается нас, то мы считаем своим долгом, хотя бы в общих чертах, суммарно проинформировать через Вас всю Организацию Объединенных Наций о том, что конкретно было сделано Советским Союзом для того, чтобы прошедший год оправдал возлагавшиеся на него надежды.

Начну с того, что в самый первый месяц Международного года мира, 15 января, Советский Союз выступил с инициативой небывалой по своим масштабам и целям, выдвинув программу создания безъядерного мира и ликвидации всех видов оружия массового уничтожения, включая химическое оружие, до конца нынешнего столетия. В течение всего года мы конкретизировали эту программу по отдельным направлениям, подкрепляли ее практическими делами.

Когда Советский Союз вступил в Год мира, то на его ядерных полигонах уже пять месяцев царила тишина. Весь год мы продлевали мораторий на ядерные взрывы, несмотря на то, что другие продолжали совершенствовать и без того всеразрушающее оружие смерти. Продление Советским Союзом моратория и после 1 января 1987 года — до первого американского взрыва — дает еще один шанс поставить эффективный барьер на пути гонки ядерных вооружений».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Газета основана 5 мая 1912 года В. И. ЛЕНИНЫМ

Орган Центрального Комитета КПСС

№ 13 (25000) • Вторник, 13 января 1987 года • Цена 4 коп.

Читайте в номере:

◆ Как дела у энергетиков, добытчиков нефти, газа, угля, животноводов? Об этом рассказывают наши корреспонденты. — 1—2 страницы.

◆ Успех в любом деле зависит от того, насколько инициативно включаются в него люди. — 2 страница.

◆ Отклики читателей на выступления «Правды». — 3 страница.

25 тысяч номеров «Правды»

ПРАВДА

ДВАДЦАТИПЯТИТЫСЯЧНЫЙ НОМЕР «ПРАВДЫ» — НАШ ОБЩИЙ ПРАЗДНИК.

ПОЗДРАВЛЯЕМ КОЛЛЕГ-ПРАВДИСТОВ И ВСЕХ ЧИТАТЕЛЕЙ ГЛАВНОЙ ГАЗЕТЫ СТРАНЫ!

ОГОНЬКОВЦЫ

главного врача Галины Васильевны Акимовой. Она поняла нас с полуслова.

— Вот вам халаты, бахилы, шапочки и маски. Одевайтесь побыстрее! Как раз сейчас повезли на роды молоденькую женщину из семьи, которая подходит для вас.

Вслед за Галиной Васильевной мы прошли в «святая святых» — родблок. Здесь уже вокруг роженицы хлопотала дежурная бригада из пяти человек во главе с заведующим Леонидом Владимировичем Вельским.

— Все идет хорошо! — сказал он.— Ира мужественный человек. Ей 21 год, медсестра...

— Молодец, Ирочка, молодец! — ласково приговаривали акушерки, помогая женщине справиться с родовыми муками.

И вот он, наконец, счастливый миг высвобождения от боли и страха за малыша. Кричит! Живой! А кто кричит? Девочка? Мальчик? Опытная акушерка Александра Ивановна Кожевникова, та, что из материнского лона приняла на свои руки малыша, подносит его к залитому слезами лицу:

— Ну, мама, кого ждала?

— Мальчика!

— Вот и получай сына!

Геннадий Копосов снимает кадр за кадром. Не знаю, можно ли снять на пленку пробуждение материнской нежности? И эту счастливо-усталую улыбку, с которой мать впервые обращается к сыну: "Здравствуй, Сереженька!"

Мы поздравляем Ирину.

— Значит, мальчик по заказу?

— Да, я всем угодила, но особенно обрадуется мама моего мужа. Ведь Сергеем звали ее отца, а был он человек геройский — сражался в гражданскую войну и в Великую Отечественную...

И вдруг она по-детски испуганно вскрикивает:

— Ой, Сереженька родился в год зайца — а вдруг будет трусом?

Акушерки улыбаются. Я успокаиваю молодую маму. Гены — дело серьезное, так что надо надеяться на прадеда, но и на свои педагогические способности тоже. Кстати, как Сережин папа, серьезный человек? Можно на него положиться?

— Да что вы, мой Дима такой самостоятельный, он все умеет делать, а старше меня всего-то на год. Он много работает. И сейчас, в праздники, на работе, так что позвоните, пожалуйста, Диминой маме, мы с ней живем вместе, и обрадуйте!..

— А где и кем работает Дима?

— Он наладчик микро-ЭВМ в научно-производственном объединении Главмосавтотранса...

Пока шло это коротенькое интервью, ловкие и нежные руки акушерки проделали самый первый и самый важный в жизни Сережи туалет: почистили кожу, обработали пуповину и промыли раствором серебра глазки. Какой вес? 3700. А рост — 53 сантиметра. На ручку малыша надели браслетик с надписью «Ирина Павловна Фокина. Мальчик». И Сережа Фокин, спеленутый в стерилизованный темно-зеленый комплект, отправляется в детскую. До скорой встречи, Сережа! Мы не прощаемся с тобой, потому что твоя мама сказала, что вся ваша семья будет рада подружиться с «Огоньком».

Кстати, сколько стоят роды, как вы полагаете? Кто-нибудь из тех, кто брал из роддома своего малыша, задумывался над этим? Я почти твердо убеждена: не задумывался ведь. Нам и в голову не приходит представить себе, сколько же стоит то, что в силу нашей давно укоренившейся социальной привычки мы привыкли воспринимать как благо, ничего не стоящее и само собой разумеющееся.

Когда я задала этот вопрос врачам и акушерам, проработавшим более четверти века в этом старейшем столичном родильном доме, они оказались в замешательстве и тут же стали припоминать, что им известно о затратах, связанных с родами в капиталистических странах. Главный врач, которой довелось работать за рубежом, слышала о сумме в две тысячи долларов. Мне же припомнилась Вена конца пятидесятых годов, где я навещала в частном роддоме подругу-ленинградку, родившую Аленку. Ее отец прибежал к нам, потрясенный фантастическим счетом, который ему выдали вместе с младенцем. В нем было скрупулезно подсчитано все вплоть до амортизации кровати и каждой испачканной пеленки.

Я рассказала об этом и услышала:

— Ну, конечно, они понаписали все как есть! Ведь у нас на каждого малыша каждый день расходуется 28 пеленок! Только на белье каждый год роддому отпускается 30 тысяч рублей. А на лекарства для нашей аптеки мы получаем около полумиллиона!

В минувшем году в роддоме номер шесть родилось 4188 ребятишек. Интересно, во сколько же это обошлось государству?

— Я могу сказать только одно — дорого обошлось! — сказала Галина Васильевна Акимова.— Ведь надо включить в эту сумму не только нашу заработную плату — а у нас на 200 коек 210 человек персонала,— но и стоимость содержания роддома, медикаментов, особенно дорога кровь и кровезаменяющие средства, и, конечно, всевозможную аппаратуру — английскую, западногерманскую, венгерскую, отечественную. У нас есть ультразвуковой аппарат, инкубационные кроватки для недоношенных детишек, наборы для реанимации новорожденных, специальные лампы для лечения желтух у малышей, наркозные приборы — всего и не перечислишь. Об этих расходах наши женщины, конечно, понятия не имеют. А надо, чтобы знали и ценили всю эту заботу. Я уже и не говорю о том, что при лечении осложнений новыми антибиотиками на каждую маму в день уходит десять рублей, а курс лечения 8—10 дней. Вот и подсчитайте сами...

Мне очень захотелось подсчитать, чтобы узнать, во сколько, например, обошлось государству появление на свет Сережи Фокина. Однако все мои попытки получить в разных инстанциях ответ на этот вопрос оказались бесплодными. Мне сказали, что ежегодно в стране рождается 5 миллионов детей, называли суммы в миллионы, даже миллиарды, которые затрачиваются в нашей стране на дородовой и послеродовой отпуск матерям, на бесплатное выделение медикаментозных препаратов для лечения детишек до года, и суммы эти, конечно же, впечатляют. Но сколько же все-таки стоят советской системе здравоохранения роды? Я обратилась с просьбой помочь «Огоньку» получить ответ на этот вопрос к первому заместителю министра здравоохранения СССР Олегу Прокопьевичу Щепину. К сожалению, в эти дни он был очень загружен работой, и наша встреча с ним не состоялась. Но обещание его было выполнено, и сотрудники Главного управления лечебно-профилактической помощи детям и матерям Минздрава СССР специально для «Огонька» сделали расчеты.

И оказалось, что даже при очень приблизительном учете всех расходов по наблюдению за беременной женщиной в консультации и пребыванию ее в родильном доме (вместе с пособием по беременности и родам) это обходится государству более чем в тысячу рублей!

...Я позвонила папе Сережи Фокина, поздравила его с сыном и спросила, есть ли у него в наличии сегодня тысяча рублей. «Да откуда же?» — разволновался он. Я рассказала о том, что вы только что прочитали, и услышала веселый смех очень счастливого человека.

* * *

В следующем репортаже из серии **«Один год из жизни Сережи Фокина»** мы познакомим вас со всей его семьей и первыми заботами его родителей.

Михаил АНТОНОВ

ПОРЯДОК И ПОРЯДОЧНОСТЬ

«Нравственность экономики» — так называется книга, вышедшая два года назад в издательстве «Молодая гвардия». Эта работа, написанная кандидатом технических наук М. Ф. Антоновым на, казалось бы, специальную тему, вызвала самый горячий читательский интерес. Она разошлась мгновенно. Мы попросили Михаила Федоровича Антонова продолжить этот важный разговор на страницах «Огонька».

После XXVII съезда партии с его суровым и мужественным уроком правды нам уже нельзя жить по-старому, оценивать положение дел в стране и мире по прежним критериям. Наших великих достижений не отрицают даже недруги, но мы свежим взглядом посмотрели и на собственные упущения. Отставание на многих направлениях развития науки и техники, закупка некоторых видов продовольствия за рубежом и другие подобные отрицательные явления оскорбляют чувство народного достоинства и должны быть устранены как можно скорее. Для этого нужны упорный труд и немалые средства, но главное — надо побудить энергию людей, без чего не принесут ожидаемых плодов ни новейшая техника, ни большие капиталовложения.

Прошлой осенью я вернулся из поездки по колхозам, с которыми связан уже не один год, и до сих пор нахожусь под впечатлением от увиденного и услышанного там. Во многих районах страны урожай зерновых в минувшем году был неплохим. Но уборка проходила в тяжелых погодных условиях, комбайнеры терпеливо ждали «окошка» между дождями, а уловив его, старались не упустить ни одного погожего часа, убирали хлеб ночью, при свете фар, так что руководителям хозяйств и специалистам приходилось не подгонять их, а останавливать, чтобы они хоть немного отдохнули. И так люди работали не только из-за заработка — они сознавали, что выращенный с таким трудом хлеб надо убрать без потерь. А в то же время в одном отстающем совхозе доярка не захотела раздать корм коровам, которые ревели от голода. Почему? На этот вопрос она ответила так:

— Мне за выход на работу и за дойку коров платят 370 рублей в месяц, с меня этого хватает. А если еще и за кормлением коров следить — это себе дороже станет.

Спрашивается, можно ли ожидать увеличения надоев у доярки, которая предпочитает ничего не делать за 370 рублей, чем «вкалывать» за 400, если дать ей племенных коров, вложить большие средства в сооружение нового молочного комплекса?

Более того, все мы столкнулись с новой реальностью нашего времени: роль человека, цена его возможной ошибки неизмеримо возросли. Беспечность, недобросовестность, халатность или недостаточная профессиональная и психологическая подготовленность работника могут привести к такой аварии, которая причинит ущерб в миллионы, а то и в миллиарды рублей, унесет человеческие жизни и даже отразится на судьбах будущих поколений. Не случайно в развитых странах все более приходят к выводу, что совершенная техника требует совершенного человека, причем такие качества личности, как добросовестность, порядочность, уважительность, любовь к людям, приобретают даже бóльшее значение, чем талант, образованность или коммерческие способности.

Итак, человеческий фактор превратился в важнейшее условие производства, не менее значимое, чем размеры и качество производственных фондов. Мало это признать на словах — надо из новых реальностей сделать надлежащие выводы. Какие же именно?

Наверное, прежде всего оценивая, как мы живем и работаем, насколько идем в ногу с другими развитыми странами, ныне уже недостаточно, как прежде, сопоставлять лишь цифры национального дохода и выплавки стали, производительности труда и производства молока. Надо еще охарактеризовать и, так сказать, количество, и качество человеческого материала по самым современным меркам.

На мой взгляд, не стоило бы делать секрета из такого показателя, в обобщенном виде отражающего всю совокупность условий жизни населения, как средняя продолжительность жизни. И если бы даже оказалось, что по данному показателю мы пока отстаем от ряда других развитых стран, это заставило бы нас глубже разобраться в причинах и более целенаправленно улучшать условия жизни людей. Побольше бы гласности и в частных характеристиках качества жизни людей — экологической обстановки, состояния здоровья и уровня медицинского обслуживания (а не только количества врачей и больничных коек), качества питания, гарантий охраны жизни, достоинства и имущества граждан. Следует также более последовательно и системно следить за тенденциями в понимании смысла жизни и человеческого призвания, в отношении к классике мировой культуры. Между тем, на мой взгляд, еще мало делается и в этом плане, в общегосударственном масштабе и особенно на местах. О человеческом факторе много говорят и пишут, но главным образом под одним углом зрения: надо заботиться о человеке, чтобы он лучше работал. Но разве человек — только «рабочая сила», «трудовой ресурс», а не социальное и нравственное существо, не главное богатство нашего общества?

Совсем недавно я разговаривал с дояркой, которую председатель, считающийся образцовым хозяйственником, буквально выжил из колхоза за то, что она, по его словам, «превысила предел» — родила третьего ребенка. Пришлось ей переехать в другой колхоз, где ее материнские чувства встретили полное понимание:

— Рожайте хоть десятерых, чем больше детей, тем обеспеченнее наше будущее. В поселке хороший детский комбинат, а мало будет — другой построим.

В этой грустной истории (хотя и с благополучным концом) отразились два подхода к человеку, пожалуй, еще одинаково распространенные. Деляческий подход к людям еще далеко не изжит. Даже общественные науки пока еще рассматривают человека прежде всего как работника, по сути, мало отличающегося от робота. В трудах ученых-экономистов говорится прежде всего о производственных фондах и рентабельности и лишь потом мимоходом о человеке, да и то как о безликом трудящемся, абстрактном индивиде, а не как о личности во всем многообразии ее жизнедеятельности. Такой подход безнадежно устарел, сегодня надо повнимательнее приглядеться к человеку. И тогда мы, быть может, даже к некоторому нашему удивлению, обнаружим, что за последние три-четыре десятилетия у нас в этой области были не только радующие приобретения, но и огорчительные утраты.

То, что советские люди избавлены от угрозы голода или безработицы,— это наше великое социальное завоевание. Но не слишком ли часто сталкиваемся мы в последние годы со снижением «качества» человека, с настроениями безответственности, легкого отношения к труду и к жизни вообще? Ведь разрушение первоосновы — человеческого материала — не менее опасно, чем разрушение природной среды, гибельность которого мы все более осознаем. Впрочем, эти два явления взаимосвязаны. Если, скажем, тракторист в погоне за заработком спешит лишь вспахать больше гектаров, не думая о качестве вспашки и будущем урожае, то такое варварское отношение к земле-кормилице, как и хамское отношение к матери, неизбежно разрушает что-то очень важное в душах людей. В конечном же счете оно ведет и к упадку в экономике, ибо никакая техника, никакие капиталовложения не смогут компенсировать падение добросовестности работников. А значит, чтобы противостоять этому губительному процессу, сегодня надо на первое место поставить воспитание в людях порядочности. Но так ли мы поступали на деле?

К сожалению, не так. Долгие годы у нас процветал да во многих местах еще и до сих пор процветает культ формального передовика производства, победителя в соревновании по единственному показателю — проценту выполнения плана независимо от чисто человеческих качеств. Разумеется, я уважаю подлинных передовиков, но, к сожалению, вот что подчас приходится наблюдать.

В одном из колхозов было решено стимулировать соревнование комбайнеров и поощрить победителя — премировать его цветным телевизором. Какая горячка охватила комбайнеров: в стремлении скосить как можно больше гектаров и намолотить больше центнеров зерна они вели комбайны на повышенных скоростях. Победитель зарабатывал до 70 рублей в день и в конце страды получил свой приз. Но через некоторое время передовика свозили на убранное им поле. Оно выглядело так, будто было уже засеяно, а это лишь взошло потерянное зерно — не менее пяти, а то и семи центнеров на гектар. Посмотрел наш передовик — и перешел на другую работу. Вскоре выяснилась еще одна тому причина: за страду он выжал из комбайна все и довел его, что называется, до ручки, так что вот уже два года никто не в состоянии привести машину в порядок.

Да, этот механизатор показал, что умеет хорошо работать, когда это ему выгодно, но порядочным человеком его не назовешь.

А возьмем такую нашу застарелую болезнь, как ведомственность. Комбайны в поле стоят, теряется урожай,

потому что автотранспортному предприятию ради накручивания тонно-километров выгоднее послать машины с тяжелыми грузами сторонних организаций, чем вывозить зерно с полей. Тонно-километры оно натянет и премии получит, но можно ли и здесь говорить о порядочности?

Какое это емкое слово — «порядочность», сколько его значений, подкрепленных меткими пословицами, приводит в своем знаменитом словаре Владимир Даль. Но смысл их един: порядочный человек — тот, кто держит себя изрядно, прилично, как до́лжно, тот, на кого можно твердо положиться во всяком деле, кто не солжет, не нарушит данного слова, не совершит недостойного поступка. Он осознает свое достоинство и не уронит его ради лишнего червонца в получку или какой-нибудь другой выгоды. Поэтому порядочность — основа культуры личности. А стержнем внутренней организации духовного мира человека выступает совесть.

Не поленитесь, посмотрите, какие определения, отражающие разные грани этого явления, дает Владимир Даль понятию совести. Ограничусь одним: это тайник души, в котором отзывается одобрением или осуждением каждый поступок человека. Когда человек теряет совесть, он перестает быть человеком, становится живым мертвецом, хотя и может при этом преуспевать в житейском отношении.

Как же можно было растерять веками накапливавшиеся духовно-нравственные ценности и принести их в жертву идолопоклонству перед цифрой? Кажется, это упущение уже осознано. Не случайно Михаил Сергеевич Горбачев говорил на встрече с трудящимися Куйбышевской области: «Кое-кто позабыл, что совесть нужна и на работе, и среди товарищей, и в кругу семьи. Жить надо по совести. Это — наша советская мораль».

А как корыстный труд комбайнера-рвача или перевыполнение плана автотранспортным предприятием, обрекшим колхоз на потерю урожая, оценить с нравственных позиций? Это — проявление эгоизма, неспособности поставить общенародный интерес выше личного или группового.

А разве можно считать разумной такую организацию земледелия, которая ведет к эрозии почв и снижению содержания гумуса в них, к отравлению окружающей среды, словом, показывает экологическую безграмотность общества? И тут мы подходим, пожалуй, к главному выводу из рассмотрения человеческого фактора. За долгий период, когда главное внимание уделялось не человеку, а вещественным факторам производства, многие работники — от слесаря до министра — не сумели приобрести широкого взгляда на хозяйство страны, его долговременные и конечные цели, стремились к достижению сиюминутных результатов, выгодных лишь для них самих, а это неизбежно приводит к снижению эффективности общественного производства. Ведь эта эффективность есть равнодействующая усилий всех участников производства, поэтому она максимальна, когда устремления всех звеньев системы совпадают, и может упасть до минимума, почти до нуля, когда одному подразделению выгодно копать яму, а другому — тут же засыпать ее. Не убоимся дать этому явлению принципиальную оценку: оно означает, что участники современного общественного производства в массе своей не отвечают своему призванию, не обладают теми человеческими качествами, каких требует наша переломная эпоха, когда решается вопрос, быть или не быть человечеству.

Этим я вовсе не хочу сказать, что наши люди в массе своей люди никудышные, черствые эгоисты и индивидуалисты. Советские люди на всех этапах развития страны неизменно показывали образцы героизма в труде и бою, готовность отдать все силы делу процветания Родины. Просто в силу ряда обстоятельств, прежде всего из-за длительного отставания общественных наук, на какое-то время мы были лишены четких нравственных ориентиров, частично захвачены настроениями потребительства, корыстными устремлениями. Способствовало этому и распространение в экономике административных методов управления, почти командования, чаще всего безответственного. Но всякий раз, когда тот или иной руководитель находил путь к душам людей, он неизменно добивался успеха. В этом отношении показателен следующий пример.

В восемьдесят втором году я пытливо расспрашивал руководителей, специалистов и рядовых тружеников колхозов и совхозов Котельничского района Кировской области о разных сторонах жизни современного села, и не раз мне доводилось услышать в ответ:

— Вам бы поговорить об этом с Леонидом Фокеевичем Новоселовым...

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что Новоселов — председатель... самого отстающего колхоза, который много лет занимал последнее место в районных сводках чуть ли не по всем показателям. Новоселов — опытный хозяйственник, восемнадцать лет возглавлял другой колхоз, который вывел из отстающих в передовые, а затем, как Валентина Гаганова, изъявил желание взять самое отстающее хозяйство. При этом он не требовал себе никаких льгот и поблажек. На что же он рассчитывал? На совесть людей, их желание порядка и справедливости — одним словом, на лучшие их нравственные качества.

Правда, многие колхозники при прежних председателях слишком распустились и считали, что зарплата по тарифу им положена уже только за то, что они выходят на работу, а за выполнение конкретных заданий требовали доплат и премий. Поэтому новому председателю приходилось быть строгим, наводить порядок, неукоснительно проводить в жизнь принцип: «Чтобы заработать, надо работать». Но он был справедлив, в быту скромен, жил с семьей в самой плохонькой избушке, пока не обеспечил благоустроенными квартирами всех нуждающихся доярок, механизаторов и специалистов. Но главное — он сумел в каждом разглядеть его лучшие качества, обратиться к его профессиональному достоинству, чести и совести, поставить перед ним трудную, но достижимую цель. И люди оценили веру в них, не подвели. Прошло всего четыре года, а колхоз прочно занимает место в середине районных сводок, а кое в чем уже начинает наступать на пятки передовикам.

Великое это дело — доверие людям, обращенное к ним доброе слово, способность заметить и пробудить лучшие их качества, о которых они подчас и сами не подозревают. Но это дается лишь, как говорится, вожакам милостью божьей, которых отличает горячая заинтересованность в людях, любовь к ним.

Да, любовь. Ныне серьезные исследователи говорят о том, что современное производство нельзя вести успешно без любви к земле, любви к труду, любви к людям, и любовь становится, если угодно, не только нравственной, но и экономической категорией. Целью производства сегодня становится не только создание материальных благ, но и воспитание в людях человеческого благородства. Настало время всем нам осознать, что главный продукт производства не производственные товары, а человек данного общества, степень его совершенства.

По опыту знаю, что эта моя точка зрения разделяется далеко не всеми. Я считаю, что всю нашу производственную деятельность должно пронизывать высокое нравственное начало, что каждый должен честно выполнять свой долг, не смущаясь соблазнами легкого житья. Меня возмущает, когда леспромхозу из года в год наращивают план заготовки древесины, хотя железная дорога не справляется с вывозом его продукции и срубленный лес обрекается на гниение. Я убежден, что, как бы ни обосновывали ведомства подобный подход, это — преступление, участвовать в котором не имеют морального права ни честный лесоруб, ни совестливый директор. Прояви они принципиальность — и министерству быстро пришлось бы ликвидировать эту позорную практику, продолжающуюся десятилетиями.

Но стоит лишь мне так высказаться, как тут же раздаются голоса: «Нет, вы не правы, людей заставляет поступать вопреки общенародным интересам негодный хозяйственный механизм. Вот вы измените этот механизм и сделайте так, чтобы честность стала выгодной, тогда и исчезнут из нашей жизни подобные экономические парадоксы».

Разумеется, я понимаю, что наш хозяйственный механизм отстал от потребностей жизни и нуждается в коренном усовершенствовании. Я также и за то, чтобы во всех сферах нашей жизни утвердилась социальная справедливость. Но я уверен, что еще долго, а может быть, и никогда не установится такой порядок, когда все работы станут реально выгодными и привлекательными и автоматически возникнут условия для честного поведения всех. Нет, еще в глубокой древности было сказано, что прожить жизнь достойно — это всегда «узкий путь», следование им требует личных усилий. «Все воруют, а ты не воруй»— вот чему учила неграмотная бабушка мальчика, героя одной талантливой повести, и, кажется, эта старушка без всякого образования понимала жизнь глубже, чем многие профессора, создающие теории, основанные исключительно на материальном стимулировании. Никакой технический прогресс никогда не отменит необходимости нравственных усилий человека, никакая компьютеризация не снимает с личности ответственности за выбор между добром и злом, между рублем и совестью. В противном случае возникла бы опасность механизации жизни, люди превратились бы в придаток к технике. Настоящий же человек не променяет своего достоинства на материальную выгоду, не поступит вопреки своей совести.

«Так что же, вы против первостепенного значения экономических факторов?»— спрашивают меня мои оппоненты. Нет, не против. Я признаю, что экономика — решающая сфера человеческой деятельности, но цель-то ее определяется не самой экономикой: мы сначала вырабатываем свой социальный и нравственный идеал, определяем, какого человека хотим воспитать, а уж исходя из этого планируем развитие экономики. Пусть это не всегда удавалось в прошлом, но так должно быть, особенно сегодня.

Мой хороший знакомый, ветеринарный врач Юлиан Сергеевич Селю, человек универсальной образованности и тончайший знаток литературы и искусства, рассказывает, как в одном рязанском селе люди понастроили себе роскошные хоромы, превратив их в своеобразные музеи благосостояния, а сами спят в кухнях, потому что не воспитали в себе потребности жить по более высоким стандартам. Подобные же вещи приходилось мне слышать от наиболее дальновидных председателей колхозов и директоров совхозов. Они с тревогой говорили о том, что если мы своевременно не дадим людям более высоких духовных ориентиров, то можем в скором времени столкнуться с прямо-таки пугающим спадом эффективности производства. Голода сейчас нет, приобретательство не от нужды, а в силу ложно понятого престижа ныне для многих уже теряет свою привлекательность. Юлиан Сергеевич Селю делает из всего этого такой вывод:

— Эра приобретательства заканчивается во всем цивилизованном мире, а у нас тем более. Надо учить людей не только тому, как лучше трудиться и больше зарабатывать, но и как лучше, достойнее жить. Надо, чтобы человек обретал подлинное достоинство, а труд стимулировал бы именно это, а не приобретательство. Наступает эпоха, когда на первый план выступает значительность личности, когда в людях будут превыше всего ценить то, чего не почерпнешь из популярных журналов и передач телевидения. Надо вырваться из сетей «массовой культуры», обретать достоинство, создавать вокруг себя среду подлинной культуры, доброжелательности, благородства — советский строй открывает для этого невиданные возможности.

Как оказалось, научно-технический прогресс не только приносит человечеству возрастающие материальные блага, но и порождает множество проблем, подчас трудно разрешимых, а при капитализме и вовсе не разрешимых. Там, видимо, уже нет иного выхода, кроме как создать общество из правящей элиты, прослойки «живых роботов», обслуживающих роботы металлические, и массы «амортизированных людей», «живых отходов производства», которых с помощью психотропных и иных средств придется превратить в послушное стадо,— перед такой перспективой, наверное, содрогнулся бы и Достоевский — автор «Легенды о великом инквизиторе». Надо ли доказывать, что наша страна, оплот мира и прогресса, не может пойти по тому же пути, что нам надо выработать собственную стратегию научно-технической революции, создающую условия для облагораживания самого человека? Это необходимо прежде всего для решения наших собственных задач. Это же явится и примером для всего мира, укажет выход из тупиков, порожденных буржуазной цивилизацией.

Техника не только творение человека, но и выражение его сущности. Если техника эффективна, экономична, но вредна для людей и окружающей природы, значит, ее создатель еще не достиг нравственного уровня, не осознал своего места в обществе своего долга перед прошлым, настоящим и будущим поколениями. Чтобы создать технику, подлинно очеловеченную, ему надо еще самому подняться на новую высоту духовного развития. А для этого надо иметь возвышающий идеал — не только социальный, но и нравственный, определяющий пути внутренней работы души, совершенствования себя. Здесь велика роль и школы, и средств массовой информации, но все же главная роль должна принадлежать самовоспитанию. И если перед обществом в целом ныне стоит задача совершенствования построенного социализма, то в личном плане она, очевидно, для каждого должна выливаться в программу не только роста профессионального мастерства, но и воспитания человеческого благородства.

Мы живем в великое время, когда закладываются основы экономики XXI века. Пусть же она будет не только высокоэффективной, но и самой человечной, способствующей воспитанию в людях порядочности и высокого благородства, достойной страны, которая идет в авангарде человечества и прокладывает всем народам Земли путь к светлому будущему.

ДНИ ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА

ДОМ, ХРАНЯЩИЙ ПАМЯТЬ ПУШКИНА,— ЗДЕСЬ ЖИЛ СЫН ПОЭТА. СЕГОДНЯ ЭТОТ ДОМ РАСКРЫВАЕТ ДЛЯ ВАС СВОИ ДВЕРИ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МАРКУЧЯЙ

Фото Николая **ВЕРЗИЛОВА**

Пушкин никогда не бывал в Вильне. Но, наверное, ему хотелось съездить в этот польско-литовский город на западной границе Российской империи. Здесь в 1705 году Петр I крестил в православие его прадеда Ганнибала, о чем ныне свидетельствуют каменные, в форме скрижалей, доски на стене вильнюсской православной церкви Параскевы Пятницы. О Вильне, о Литве он, без сомнения, говорил с Адамом Мицкевичем.

Шестьдесят два года спустя после гибели поэта история как бы захотела продолжить связи рода Пушкиных с Литвой: в 1899 году на окраину Вильны в небольшое загородное поместье Маркучяй приехал на жительство младший сын Пушкина, Григорий Александрович, с женой Варварой Алексеевной. А в 1940 году, через пять лет после кончины Варвары Алексеевны и по ее завещанию, молодая Советская власть Литвы основала музей, который по понятным причинам открылся только в 1948 году. С этого года ходят и ездят в Маркучяй люди на встречу с непостижимым чудом пушкинской поэзии.

История здесь «завязала узелок» нам на память. В конце XIV века великий князь литовский Ягелло отдал маркучяйские земли костелу святого Мартина. После того, как костел сгорел, следующий князь — Александр — подарил поместье своей жене Елене, дочери великого князя московского Ивана III. Может быть, с тех давних пор называли это место редко вспоминаемым теперь русским словом Маркушево. Елена велела построить здесь нарядный летний дворец. Несколько столетий, пока не развалился, дворец переходил от князей к воеводам и магнатам. В середине XIX века Евстахий Тышкевич, археолог и коллекционер, провел в Маркучяе раскопки и по развалинам и фундаменту сделал подробный план дворца XIV века, он хранится в вильнюсских архивах. Затем поместьем владел врач Игнаций Годлевский, в 1867 году он продал его русскому инженер-полковнику Алексею Петровичу Мельникову, занимавшемуся строительством железной дороги Петербург — Вильна. Алексей Петрович построил здесь загородный дом, распорядился насадить парк и в 1875 году подарил поместье двадцатилетней дочери Варе. Пять лет спустя в Петербурге на балу Варя познакомилась с Григорием Александровичем Пушкиным, а в 1883 году они поженились, венчались в той самой виленской церкви, где Петр I крестил Ганнибала, и стали владельцами Маркучяя.

Тут следует вернуться в наши дни и вспомнить, что «Огонек» о судьбе Григория Александровича, Варвары Алексеевны, об одряхлении Маркучяйского музея выступал трижды: в № 23 за 1978 год, в № 16 за 1984-й, а в № 41 того же года публиковались письма читателей и ответ председателя Вильнюсского горисполкома А. Вилейкиса о том, что в выступлениях журнала все соответствует истине и меры приняты.

В первых двух публикациях были не только критические замечания, но и настоятельная просьба к организациям и людям, занимающимся пушкиноведением, исследовать коллекции Маркучяйского музея. В отличие от читателей, неоднократно писавших в «Огонек» о тяжелом положении музея, пушкинисты не откликнулись и ничего не сделали для Маркучяя.

Положение более чем тревожно. Тревожно, потому что оказалось: некому из специалистов понять и оценить значение этого отнюдь не второстепенного музея.

Многие ли из нас знают о жизни детей Пушкина? О жизни его младшего сына Григория — кроме того, что ему не было двух лет в момент гибели поэта?

Да, Григорий Александрович не мог помнить отца. Но до того, как переехать в Маркучяй, много лет был последним владельцем Михайловского и в Маркучяй-то приехал прямо оттуда. Живя в Михайловском, он делал все, что мог, для сохранения семейного кладбища Пушкиных в Святогорском монастыре, и это было нелегко — склон Синичьей горы оседал и обваливался. Варвара Алексеевна глубоко знала и любила творчество Пушкина и чтила его память. Из Михайловского они привезли вещи и книги, принадлежавшие лично Пушкину.

Разве этого мало?

Время сына Пушкина и его жены проходило в Маркучяе в чтении книг отца, в занятии историей пушкинского рода. В 1905 году Григория Александровича не стало. Варвара Алексеевна прожила без него долго, скончалась современницей многих из нас, в 1935 году. Перед кончиной хотела через посольство СССР в Литве передать памятные вещи на Родину, но не успела. Оставила завещание, в котором распорядилась: «...дабы в имении Маркучяй сохранялась и была в попечении память отца св(етлой) п(амяти) моего мужа, великого поэта А. С. Пушкина, и дабы равно центр имения Маркучяй, как и находящийся в нем жилой дом, в доказательство его памяти всегда служили культурно-просветительной цели».

В стране нашей много музеев и памятных мест, и не будем сейчас приуменьшать или преувеличивать их влияние на духовный облик нашего народа и каждого из нас. Количество и уровень музеев, отношение к ним — зеркало общего состояния культуры страны. Вот почему с такой тревогой обращаются сейчас к нам писатели и художники, говоря о том, что многое утрачено безвозвратно, что необходимо восстановить и сохранить все, что оставили нам предыдущие столетия. Но мало — сохранить. Надо еще и ввести в строй, чтобы стал музей клеточкой нашей, а следовательно, и мировой культуры.

С Маркучяем ведь могло быть и так: если бы не ряд случайностей во время реконструкции вильнюсских городских и пригородных магистралей, одряхлевшая деревянная нетипичная для Вильнюса усадебка могла бы быть и снесена, а экспонаты пристроены в какое-нибудь современное сооружение из стекла и бетона: был и такой «план». Но внутренняя культура литовцев, их уважение к прошлому перевесили: музей реставрирован и работает, и сотрудники его единодушно утверждают, что выступления «Огонька» сыграли не последнюю роль — даже соответствующие номера журнала они хранят в архиве.

Дом Пушкиных укреплен, обновлен, выкрашен в светлые тона, вместо неудобной тропы к нему теперь ведет белая пологая лестница в 126 ступеней.

Обновился и состав сотрудников. Гедре Йодвалките, бывший директор, отработав здесь 26 лет, ушла на пенсию, директором стала Бируте Саржицкене, дочь научной сотрудницы Казимиры Петкявичене, и эта смена поколений — особо отрадная и светлая нота в общей сегодняшней симфонии Маркучяя: надо сильно и пристрастно любить свое дело, чтобы увлечь им и дочь... Новый хранитель фондов Владас Сирутавичюс — выпускник истфака Вильнюсского университета, экскурсовод Лорета Мартишене тоже с университетским дипломом. Настроение у них, я бы сказала, озабоченно-восторженное — знатоки литовской истории и литературы, они шаг за шагом открывают для себя новую галактику — мир Пушкина.

А смотрительницы Влада Скабене и Она Суцкелите не покидают своего поста. За годы предремонтной и ремонтной «немоты» музея я встречалась с ними не раз: приезжая в Вильнюс, заходила проведать — что продвинулось? Влада и Она, строго оглядев меня и узнав, открывали форточку или дверь и рассказывали, что не продвинулось ничего. За минувшие осени, зимы и весны дом так настыл, что и летом не согревается. А они немолоды, ревматизм тут нажили и довольны хоть тем, что вещи в целости и сохранности. Если бы не любовь ко всему пушкинскому роду, давно ушли бы отсюда куда-нибудь в более теплые места!

Но как быстро забываются прошлые невзгоды в момент торжества справедливости! Впрочем, ремонт закончен, но появились другие проблемы.

— Моя первая работа, новая жизнь или новая ступень жизни для всех нас,— говорит Владас Сирутавичюс.— Мы ведь специалисты сугубо местной подготовки: литовские историки, литовские филологи. По сути дела, нам на ходу предстоит приобрести еще одно образование — стать русистами-пушкиноведами. А в музее почти нет книг о жизни и творчестве Пушкина.

Затруднения их понятны: в продаже, можно сказать, не бывает книг о Пушкине — ни сегодняшних, ни вчерашних, ни десятилетней давности. Такие книги покупают не для интерьера, и, какой бы ни был у них переплет, на прилавках книжных магазинов они не залеживаются дольше 20—30 минут. Наверное, и в книготоргах не вдруг получишь книги С. М. Бонди, И. Ободовской и М. Дементьева, И. Фейнберга, Ю. Лотмана и другие, вышедшие десятилетия назад... Вот тут и мелькнула у меня дерзкая мысль: а что, если через «Огонек» попросить авторов исследований творчества Пушкина или их наследников проверить свои запасы—а вдруг найдется еще по одному экземпляру! — и послать, и непременно с автографом, в этот единственный в Прибалтике Пушкинский музей? Вот и адрес его: 232014, Вильнюс, Субочяус, 124, Музей имени Пушкина, Владасу Сирутавичюсу. Подобные коллекции в стране уже есть, рождались они именно из таких источников. Одну в Нуреке я видела и позавидовала читателям нурекской библиотеки.

Несомненно, будут и в Вильнюсе настоящие пушкинисты, ведь сотрудники Маркучяйского музея стремятся стать ими.

Нина **ХРАБРОВА**

ТЕХНИКА РАЗРЕШЕНИЯ

В МАЕ ЭТОГО ГОДА ВСТУПАЕТ В СИЛУ ЗАКОН ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. КАКИЕ ОН ОТКРОЕТ ПЕРСПЕКТИВЫ! ДИАЛОГ НА ЭТУ ТЕМУ ВЕДУТ ЗАВЕДУЮЩИЙ СЕКТОРОМ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АН СССР ВЛАДЛЕН КРИВОШЕЕВ И ЖУРНАЛИСТ ВЛАДИМИР ПЕТРОВ

В. Петров: Мне кажется, самое главное в нашем разговоре — это не сбиться на обсуждение проблем, которые уже неактуальны после принятия Закона об индивидуальной трудовой деятельности. Мы долго спорили, нужна ли она или нет, складывали ее плюсы и минусы, получая в результате неизбежный ноль вместо однозначного решения. Спору нет, однозначность в этом вопросе может только подвести. Но реальность такова, что с мая этого года частью нашей повседневной жизни станут услуги в сфере индивидуальной трудовой деятельности.

В. Кривошеев: Закон формулирует лишь общие положения предстоящей работы. Что же до конкретики, то здесь пока очень много неясного. Нам предстоит научиться использовать индивидуальную трудовую деятельность в общественных интересах, предстоит научиться координировать и направлять ее. Именно научиться, потому что опыт такого рода пока крайне скуден.

В. П.: Если не считать времен новой экономической политики...

В. К.: Полагаю, и этот опыт малоприменим. Тех, кто сейчас занимается индивидуальным трудом, было бы неправомерно сравнивать с нэпманами: здесь различия принципиальные. Нэпман впрямую конкурировал с не окрепшей еще государственной промышленностью. Сейчас об этом не может быть речи, ибо в сфере индивидуальной трудовой деятельности удовлетворяется та часть спроса, которую государство по каким-то причинам удовлетворить не смогло. Возьмите хотя бы рынки. Их существование отнюдь не означает, что государственные магазины лишаются покупателей.

Так что задача, которая стоит перед нами, специфична. И решаем мы ее впервые. Для того же, чтобы не оставалось сомнений, насколько эта задача сложна, приведу одну лишь цифру: и сегодня, до вступления в силу закона, общий объем индивидуальных услуг составляет миллиарды рублей в год.

В. П.: Да, цифра огромная. Она, кстати, дает представление и о том, какие доходы может получить государство при нормально, продуманно организованной системе патентов и налогов.

В. К.: Представление? Очень относительное... Доходы, которые может получить государство, не определяются одними налогами или суммами от продажи патентов. Давайте посчитаем, взяв для примера хотя бы сдачу коек отдыхающим в курортных районах. Отдыхающий, как правило, лишь спит в «частном секторе», а вся его активная жизнь протекает в сфере, покрываемой общественным сектором экономики. А потому все остальные расходы отдыхающего — на транспорт, питание, зрелища, покупки и прочее — составляют доход государства. Это около 5—6 рублей на каждый «коечный» рубль. Но это еще не все. Проведенные специалистами исследования показывают, что хорошо организованный отдых даст государству доход в 250—300 рублей от каждого трудящегося человека. Эта сумма складывается за счет возрастающей после отдыха производительности труда, сокращения заболеваемости и расходов на лечение. Не буду утомлять вас длинными расчетами, просто приведу окончательный результат. Отношение «чистого» дохода тех, кто сдает комнаты, к прямым и косвенным доходам государства составляет 1 : 65, то есть на каждые 20 копеек прибыли «коечников» приходится 13 рублей «катализированного» ими дохода государства. Именно это соотношение показывает истинную пользу индивидуальной трудовой деятельности. А вовсе не доходы, полученные от налогов...

В. П.: Согласен. Но вот что меня смущает: почему-то считается, что едва закон вступит в силу, неофициальная индивидуальная трудовая деятельность разом прекратится, а ее участники стройными рядами двинутся регистрироваться в райисполкомы. Между тем это, по-моему, не так или не совсем так. Попытки завязать контакты с частниками, пусть и не такие серьезные, а все же делались и раньше. И в большинстве случаев они заканчивались провалом.

Мы нередко забываем или не хотим признавать тот факт, что, существуя многие годы в условиях запрещений, люди, занимающиеся индивидуальным трудом, стали в немалой степени автономны. Они не нуждаются в контактах с государственными учреждениями. И уж тем более не стремятся выплачивать налог. Как-то мне пришлось разговаривать с портным, работающим по заказам. Он считает так: «Зачем мне каждый месяц отдавать свои деньги, если я могу этого не делать?» И многие другие, думаю, так считают. Люди, занимающиеся индивидуальным трудом, безбедно существуют и на неофициальных началах, поэтому относиться к ним по принципу «только помани — побегут» едва ли правомерно...

В. К.: Не совсем так. Организация частных услуг на неофициальных началах отнюдь не такое легкое дело, как принято считать. Каждый рубль поступления в карман частника, о чем так часто пишут в газету любители-экономисты, воспринимается как его чистый доход. Между тем дело обстоит совершенно иначе. Достаточно сказать: человеку, который занимается, например, индивидуальным извозом, каждый километр пути, учитывая повышенный износ машины, траты на бензин, обходится примерно в десять копеек. Это не считая трудозатрат. Иллюзию легкого заработка в индивидуальном труде создали всякого рода «леваки», «дяди Васи», работающие на краденом материале, оборудовании да еще в часы, уже оплаченные на основной работе. Они не имели никаких материальных издержек производства и никакого коммерческого риска. Но ведь их деятельность характерной никак не назовешь.

А что происходит с тем же владельцем коек в курортном районе? Его расходы складываются из двух категорий — постоянных и переменных. Расходы переменные возникают непосредственно в момент обслуживания — затраты на стирку, оплату электричества, топлива, ускоренный износ постельного белья, стиральной машины и прочего. Расходы постоянные (существование которых, кстати говоря, обычно не учитывается фининспекторами при установлении размеров налога) не зависят от того, есть ли отдыхающие или нет. Ведь помещение, здание, мебель, холодильник, пылесос и прочее нужно содержать на протяжении всего года, и амортизации они требуют не только в течение ста дней сезона, а на протяжении всего года. И если учитывать расходы в полном объеме, то лишь двадцать копеек из каждого рубля составляют «чистый» доход домовладельца, а восемьдесят уходят на амортизацию.

Так что в принципе контакты с государственными организациями этим людям выгодны, потому что облегчают их деятельность, дают возможность получить помещения для работы, сырье, не говоря уже о твердом юридическом статусе. Здесь не нужно далеко ходить за примерами. В некоторых городах, скажем, уже сегодня существуют магазины, которые по довольно высоким ценам скупают у самодеятельных садоводов цветы и берут на себя их реализацию. Желающих воспользоваться этой услугой столько, что многим приходится отказывать. И это естественно. Судите сами, сегодня каждый, кто занимается индивидуальным трудом, берет на себя всю производственную цепочку собственных услуг: садовод сам выращивает цветы, сам продает их на рынке; репетитор сам находит учеников, сам обучает их, сам обеспечивает себя помещением для занятий; портной сам шьет, сам же и приобретает на общих основаниях или по знакомству ткани. И это, понятно, создает дополнительные и очень большие трудозатраты, сильно повышает амортизацию услуги. Поэтому будет выгодно, если государственные организации возьмут на себя определенные звенья этой цепочки, и на договор или налог «индивидуалы» в этом случае пойдут.

Но это не означает, что я не согласен с вашими опасениями. Пойдут только в том случае, если налог этот будет разумен. И здесь очень многое будет зависеть не только от закона, но и от так называемых подзаконных актов — постановлений правительств республик, местных органов власти, а также нормативных документов министерств и ведомств.

Какими они будут? Каким будет стиль взаимоотношений государственных организаций с теми, кто занимается индивидуальной трудовой деятельностью? Пока трудно сказать... На местах совсем не редкость случаи, когда, исходя из вполне благих намерений, принимают экономически непродуманные решения, приносящие в конечном счете вред общественному благу. Особенно распространена такая ошибка: желая получить побольше, увеличивают размер налога, что неизбежно снижает количество участников индивидуальной трудовой деятельности и, как следствие этого, уменьшает общую массу поступлений.

В. П.: То есть закон создает хорошую основу, и вопрос заключается в том, как она будет использована. Но, согласитесь, здесь налицо серьезный парадокс. Вот вы говорили о перегибах, а ведь решение проблемы разрешения индивидуальной трудовой деятельности в принципе неизбежно влечет за собой необходимость решить проблему управления ею. Так или иначе, придется ставить конкретные, продиктованные самой жизнью условия сотрудничества. Но возможно ли это? Малейший нажим — и частник, прервав контакты, снова уходит в подполье!

В. К.: Я бы так не сказал. Частник был неуправляем именно тогда, когда он работал в неофициальной сфере. Закон же дает такие возможности для управления индивидуальной трудовой деятельностью, о которых ранее нельзя было и мечтать. Чем, по сути, мы могли пригрозить частнику? Штрафом? Общественным порицанием? Не более... Теперь же у тех, кто занят в сфере индивидуальной трудовой деятельности, будет право заниматься ею легально, на выгодных условиях, право требовать к себе внимания, право требовать решения своих проблем. Естественно, и опасность этого права лишиться становится серьезной угрозой. Одно дело, когда практически все виды индивидуальной трудовой деятельности запрещены. И совсем другое — когда большинство разрешено, а запрещены лишь некоторые. Какой смысл рисковать, если можно заработать без риска? Поэтому вполне можно ставить перед теми, кто занимается индивидуальной трудовой деятельностью, разумные условия...

В. П.: Но эти условия вполне могут оказаться разумными с точки зрения райисполкомов и неразумными с точки зрения тех, кто в них окажется. Да, после выхода закона не имеет смысла заниматься запрещенным промыслом. Но противоречие тут все же остается. Работающий на неофициальных началах действует под собственную ответственность и так, как считает нужным. Но едва он переходит на официальные рельсы, ситуация резко меняется. Индивидуальная трудовая деятельность не существует в вакууме, как любая другая деятельность, она завязана со множеством иных экономических сфер. И хотя сотрудничество организаций, прежде всего райисполкомов, с теми, кто занимается индивидуальной трудовой деятельностью, должно быть взаимовыгодным, однако равноправным оно быть не может. Если управлять — значит, что-то разрешать и что-то, напротив, запрещать. А средства управления? Снова практика администрирования?

В. К.: Почему вы считаете, что административные меры — это единственно возможное средство управления индивидуальной трудовой деятельностью? Есть способы куда более действенные и в то же время куда более гибкие. Я уже говорил, что в сфере индивидуальных трудовых услуг удовлетворяется лишь та часть спроса, которую по каким-то причинам не удовлетворяют государственные организации. Занимающиеся индивидуальным трудом не могут конкурировать при этом с госорганизациями — ни по своим ценам, ни по своим возможностям. Соответственно, конкуренция, а вовсе не административное запрещение и есть искомый рычаг управления.

В. П.: Мысль не новая. Но, знаете, теоретически высказывая ее, редко представляют себе практическое воплощение. В свое время я был свидетелем любопытного эпизода. Существуют так называемые «фруктовые маклеры». За определенную плату они сообщают продавцам фруктов на рынках, в каких именно городах спрос на их товар будет особенно высок. В позапрошлом году маклеры ошиблись. Продавцов яблок они направили в Куйбышев, где государственные магазины яблоками были завалены до упора. Что же произошло в результате? Тот самый рычаг, о котором вы говорили, сработал безотказно. Продавцы сняли в городе квартиры, забили их яблоками и уехали, чтобы вернуться через пару месяцев, когда яблоки в госторговле кончатся. Вернулись и продали то, что осталось,— большая часть яблок попросту сгнила. Так кто же выиграл в результате? Понятно, что не продавцы, потерявшие свой товар. Но ведь и не государство. И не потребитель...

В. К.: Такие ошибки случаются довольно часто по той простой причине, что маклеры не обладают всей необходимой информацией. А обладает ею во всей полноте Агропром. Так почему бы ему не подстраховать свое снабжение с помощью тех же продавцов яблок? Почему не дать им правильные адреса, почему не снабдить транспортом на легальных началах, за соответствующую плату? Вот это и есть пример управления с помощью конкуренции. Продавцу фруктов выгодно сотрудничество с Агропромом, но в то же время он не может изменить указанному маршруту и поехать, к примеру, не в Свердловск, а в Пермь, потому что рискует таким образом попасть в конкуренцию с государственной торговлей.

В. П.: Пожалуй, я понял вашу мысль. Получается, конкуренция с государственными службами естественным путем создает рамки для индивидуальной трудовой деятельности. И нужно только коммерчески продуманно использовать эту ситуацию, исходя из принципа обязательной взаимовыгодности. Знаете, в этой связи мне вспоминается недавняя командировка в Вильнюс, где директор городского рынка сумел более чем в два раза сбить рыночные цены, использовав тот же принцип.

Директор имел право скупать оптом у приезжающих на рынок продавцов их товары. Однако только по комиссионным ценам, которые продавцам были невыгодны. Вот как бы вы поступили на его месте?

В. К.: Попытался бы изменить ситуацию на рынке таким образом, чтобы цены эти стали выгодными.

В. П.: Да, директор создал для продавцов максимально хорошие условия: построил удобные склады, построил гостиницу, устроил очень удобные торговые места. В результате продавцов на рынке стало больше. Нет, цены от этого, естественно, не упали, и каждый продавец распродавал свой товар — об этом директор заботился особенно. Но увеличилось время, которое необходимо для того, чтобы продать все привезенное. А каждый день, проведенный торговцем на рынке,— это затраты на питание, на гостиницу, на хранение товара. Вот с учетом этих затрат частникам и стало выгодно оптом продавать свой товар. Конечно, не всем, а лишь некоторым. Но с помощью купленных товаров директор получил возможность контролировать ценовую ситуацию на рынке.

В. К.: Не сбивая, впрочем, цены слишком, до той степени, чтобы продавцы потеряли выгоду от торговли.

В. П.: Естественно. Но привел я этот пример не только для того, чтобы еще раз подтвердить ваши рассуждения. Директору рынка, прежде чем он добился своего, потребовалось предпринять целый ряд серьезных мер, во многом изменивших работу рыночной администрации. Что же получается? На первый взгляд Закон об индивидуальной трудовой деятельности, вступив в силу, повлияет только на принципы деятельности тех, кто занят в этой сфере. На деле же он скажется и на деятельности государственных организаций.

В. К.: Всякая общественно признанная трудовая деятельность, независимо от ее конкретного содержания, находится во взаимосвязи со множеством других. Очень трудно, а порой просто невозможно выявить все эти связи и предвидеть поведение всех участников экономического процесса на уровне теории — их может выявить лишь практика. Так что я не хотел бы заниматься прогнозами, которые вполне могут не сбыться. Но если судить по опыту других социалистических стран, где индивидуальная трудовая деятельность уже широко развита, ответное влияние ее участников на госорганизации вполне вероятно. И это влияние можно охарактеризовать как довольно мощный катализатор. Появление сферы индивидуальных трудовых услуг обычно приводит к росту качества обслуживания в государственных предприятиях сервиса. Впрочем, дело не только в экономических, но и социально-экономических причинах. Недавно я ехал в такси, таксист — молодой парень — рассказывал, что многие его коллеги с мая будущего года собираются заниматься частным извозом, и посмеивался над директором своего таксопарка, пребывающим по этому поводу в полной панике и пытающимся посулами удержать своих работников.

В. П.: Неприятная ситуация...

В. К.: Вот и я в первый момент среагировал так же. Но верна ли эта реакция? Что, собственно, произойдет, если часть таксистов, уйдя из таксопарка и устроившись на другую работу, которая оставляет больше свободного времени, начнет заниматься частным извозом? Клиента по-прежнему будут обслуживать. Государство по-прежнему будет получать доход — только теперь в виде налога. Причем качество обслуживания возрастет, а размеры дохода, по крайней мере, не уменьшатся. В трудной ситуации оказывается только таксопарк, администрации которого придется серьезно задуматься, как вернуть своих людей. То есть — как наладить дело.

В. П.: Иными словами, если конкуренции за клиента между «индивидуалистами» и государственными службами не будет, то конкуренция за работника будет обязательно? Эта мысль и мне приходила в голову. Раньше, допустим, инженер, недовольный условиями работы в своем НИИ, мог перейти работать в другой НИИ, где условия скорее всего почти такие же. А значит, переход особого смысла не имел. Теперь же впервые появилась официальная, законная альтернатива — можно, оформив договор, попробовать свои силы в индивидуальной трудовой деятельности. И появление такой альтернативы приведет, очевидно, к тому, что ценность хорошего работника, уважение к нему в государственных организациях резко возрастут.

В. К.: Возможно. По крайней мере, в тех областях сервиса, где государственные службы имеют дело с острым спросом на дефицитные услуги, а их сотрудники обладают достаточными профессиональными навыками для самостоятельной работы.

Впрочем, повторю еще раз: давайте лучше подождем с прогнозами. Пока с уверенностью можно сказать только одно — нам предстоит всерьез учиться коммерции, трезвому и практическому экономическому мышлению. И не в теории, а на живой практике. И если техника запрещения индивидуальной трудовой деятельности уже известна, то технику разрешения ее еще только предстоит освоить.

1917 • 1987

В скорбном январе 1924-го

Имена Михаила Афанасьевича Булгакова (1891—1940) и Осипа Эмильевича Мандельштама (1891—1938) зачастую противопоставляются, объявляются несовместимыми: так различно и по жанру, и по тематике их литературное наследие. И хотя они родились в один год и прожили почти одинаковое время, в представлении широкого круга читателей М. Булгаков связывается с пьесой «Дни Турбиных» и романом «Мастер и Маргарита», а О. Мандельштам — со стихами высокого лирического и эстетического накала. В жизни они общались мало и были едва знакомы, находясь в разных творческих и житейских пластах: в начале 1920-х годов судьба свела их во Владикавказе и Батуме, а потом, в середине 1930-х годов,— в Москве, где они были недолгое время соседями по дому.

Но есть одна грань в их творчестве, где они все же соприкасались. Это газетный городской бытовой очерк. И тот, и другой выпустили из-под своего пера целую серию очерковой прозы о тех местах, где жили и бывали. У прозаика и поэта в литературном наследии произведения о Киеве, Москве, Крыме и Кавказе приблизительно одинакового временно́го периода. Датируются они в основном началом — серединой 1920-х годов и посвящены конкретным текущим событиям того времени, зарисовкам нового, социалистического быта и уклада. Описаны события, разумеется, по-разному, с разных творческих углов зрения, но для читателя, особенно современного, они создают взаимодополняющую картину уже отдаляющихся времен. Таковы пары очерков — «Киев-город» М. Булгакова и «Киев» О. Мандельштама, их же соответственно «Путешествие по Крыму» и «Крымские впечатления», «Севастополь», а также «Шансон д'Эте» и «Холодное лето» — о дождливой Москве в середине 1923 года.

Жанр очерка свел этих двух авторов на страницах московских газет в тот страшный морозный январь 1924 года, когда вся Москва, страна и все прогрессивные люди прощались с великим вождем мирового пролетариата. Траурные дни похорон Владимира Ильича Ленина мобилизовали и всколыхнули всех, его смерть, по словам В. Маяковского, «стала величайшим коммунистом-организатором». И М. Булгаков, работавший тогда в «Гудке», и О. Мандельштам, писавший автобиографическую прозу, не смогли остаться в стороне.

Оба очерка адресовались рабочему читателю, железнодорожникам, водникам, и этим в основном объясняется такой стиль журналистского репортажа «с натуры», с места событий. В корреспонденциях чувствуется живое дыхание событий, настоящее непосредственное горе тех скорбных пяти ночей и дней прощания с вождем. Так впечатления этих трагических часов вылились в трепетный и волнующий рассказ потрясенного печальными событиями очевидца, частицы народной массы, идущей по зову сердца в последний раз поклониться Ильичу.

Очерк М. Булгакова был опубликован в «Гудке» за 27 января 1924 года, очерк О. Мандельштама — в газете «На вахте» за 26 января 1924 года и с тех пор не перепечатывались. Их значение в литературном наследии обоих писателей представляет особый интерес, так как даже в таком небольшом, но впечатляющем газетном репортаже отразились как в капле воды специфические грани таланта и Михаила Булгакова, и Осипа Мандельштама.

Михаил БУЛГАКОВ

ЧАСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

(С натуры)

В Доме союзов, в Колонном зале —
гроб с телом Ильича.
Круглые сутки — день и ночь —
на площади огромные толпы
людей, которые, строясь в ряды,
бесконечными лентами,
теряющимися в соседних
улицах и переулках,
вливаются в Колонный зал.
Это рабочая Москва идет
поклониться праху Великого Ильича.

Стрела на огненных часах дрогнула и стала на пяти. Потом неуклонно пошла дальше, потому что часы никогда не останавливаются. Как всегда, с пяти начали садиться на Москву сумерки. Мороз лютый. На площадь к белому дому стал входить эскадрон.

— Эй, эгей, со стрелки, со стрелки!

Стрелочник вертелся на перекрестке со своей вечной штангой в руках, в боярской шубе, с серебряными усами. Трамваи со скрежетом ломились в толпу. Машины зажгли фонари и выли.

— Эй, берегись!!!

Эскадрон вошел с хрустом. Шлемы были наглухо застегнуты, а лошади одеты инеем. В морозном дыму завертелись огни, трамвайные стекла. На линии из земли родилась мгновенно черная очередь. Люди бежали, бежали в разные концы, но увидели всадников, поняли, что сейчас пустят. Раз, два, три... сто, тысяча!..

— Со стрелки-то уйдите!

— Трамвай!! Берегись! Машина — стрелой — берегись!

— К порядочку, товарищи, к порядочку. Эй, куда?

— Братики, христа ради, поставьте в очередь проститься. Проститься!

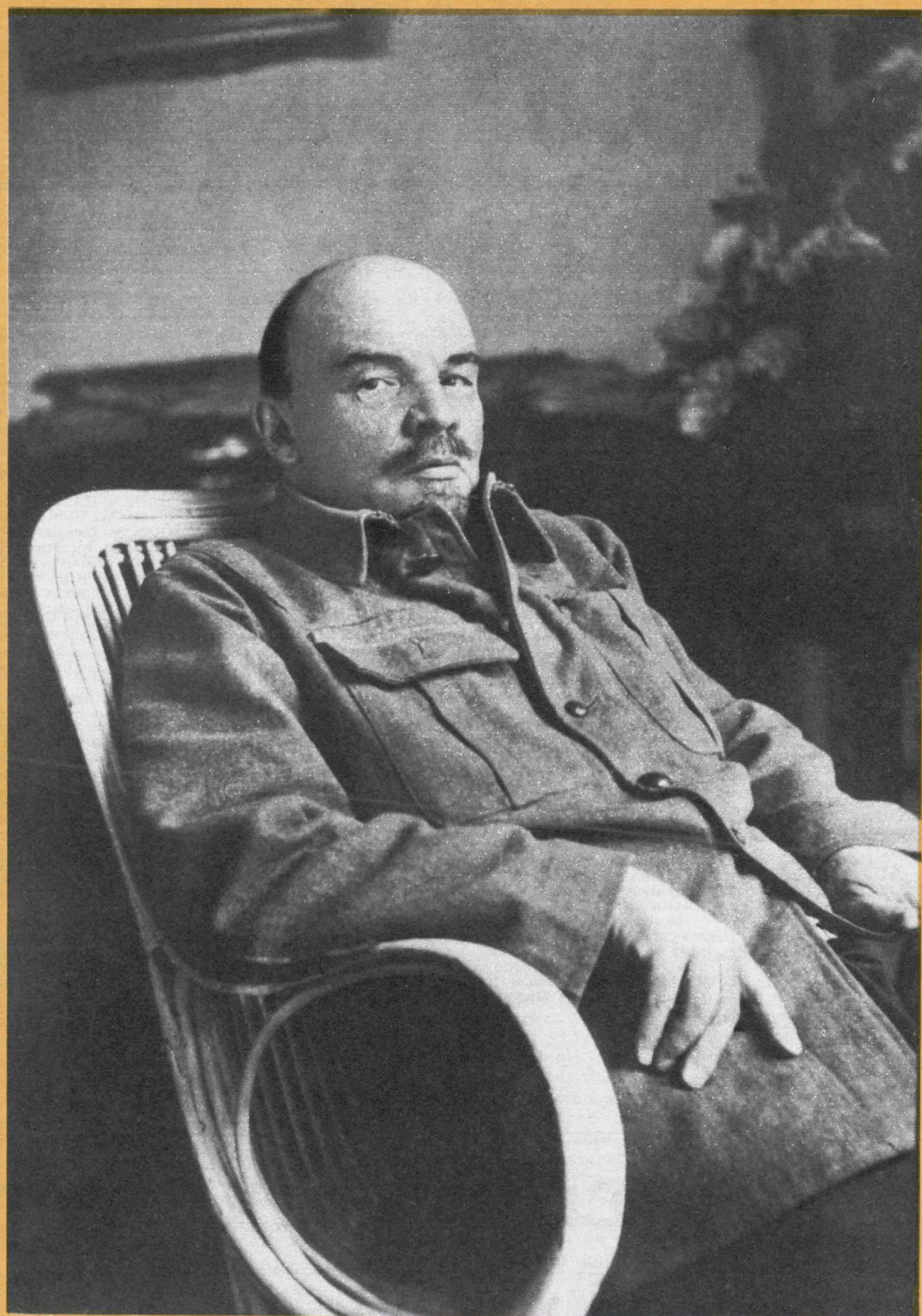
— Опоздала, тетка. Тет-ка! Ку-да-а?

— В очередь! В очередь!

— Батюшки, по Дмитровке-то хвост ушел!

— Куда ж деться-то мне, головушке горькой? Сквозь землю, што ль, провалиться?

Запрыгал салоп, заметался, а кони

В. И. ЛЕНИН. 1922 ГОД.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

ПРИБОЙ У ГРОБА

Необычна Москва в эти ночи. Морозный хруст шагов по завьюженным улицам. Тысячи шагов. Идут кучками: терпеливые пешеходы с Замоскворечья, с Плющихи, с Таганки...

Чем ближе к сердцу Москвы, к ночному гробу, тем громче шорох, и темные тени пешеходов сливаются в сплошной движущийся лес.

Университет на Моховой гудит, как пчельник глухой ночью. Колонны выстроились. Узкая горбатая Тверская запружена неподвижной толпой. Снега розовеют от костров. С трудом движутся всадники в черном человеческом потоке.

Двери аптеки распахиваются: малиновая аптека пышет паром, там яблоку негде упасть — отогреваются...

Революция, ты сжилась с очередями. Ты мучилась и корчилась в очередях и в 19-м, и в 20-м; вот самая великая твоя очередь, вот последняя твоя очередь к ночному солнцу, к ночному гробу...

Мертвый Ленин в Москве! Как не почувствовать Москвы в эти минуты! Кому не хочется увидеть дорогое лицо, лицо самой России?

Который час? Два, три, четыре? Сколько простоим? Никто не знает. Счет времени потерян. Стоим в чудном ночном человеческом лесу. И с нами тысячи детей.

Высокое белое здание расплавлено электрическим светом. Три черных ленты спадают к ногам толпы. Там, в электрическом пожаре, окруженный елками, омываемый вечно свежими волнами толпы, лежит он, перегоревший, чей лоб был воспален еще три дня назад...

Сколько жизней вокруг него, который так любил жизнь суровой любовью, взыскательной любовью.

Перебегают к костру. Горький дым ест глаза. Какой-то художник сует к костру замерзшие краски, оттаивает кисти; шарахаются людские ряды от автомобилей и коней.

Чем ближе, тем плотнее жмутся люди:

— По трое, по трое в ряд!

Шутка ли в этой тьме запомнить свое место! Но перекличкой, на голос находят своих.

На полотнище над крышей театра неровным почерком вспыхивают ночные телеграммы. Снуют продавцы папирос. Нет, нет, да и прорвется детский смех. Дети — всегда дети: даже в чехарду играют.

Но мелочи жизни не оскорбляют величия минуты.

Ленин любил жизнь, любил детей. И мертвый — он самый живой, омытый жизнью, жизнью остудивший свой воспаленный лоб.

Предисловие, подготовка текста и публикация Б. С. МЯГКОВА.

милицейские гигантские так и лезут. Куда ж бедной бабе деваться. Провались, баба... Кэпи красные, кони танцуют. Змеей, тысячей звеньев идет хвост к Параскеве Пятнице, молчит, но идет, идет! Ах, быстро попадем!

— Голубчики, никого не пущайте без очереди!

— Порядочек, граждане.

— Все помрем...

— Думай мозгом, что говоришь. Ты помер, скажем, к примеру, какая разница. Какая разница, ответь мне, гражданин?

— Не обижайте!

— Не обижаю, а внушить хочу. Помер великий человек, поэтому помолчи. Помолчи минутку, сообрази в голове происшедшее.

— Куды?! Эгей-й!! Эй! Эй!

— Рота, стой!!

Ближе, ближе, ближе. Хруст, хруст. Стоп. Хруст... Хруст... Стоп... Двери. Голубчики родные, река течет!

— По три в ряд, товарищи.

— Вверх! Вверх!

— Огней, огней-то!

Караулы каменные вдоль стен. Стены белые, на стенах огни кустами. Родилась на стрелке Охотного река и течет, попирая красный ковер.

— Тише ты. Тш...

— Шапки сняли, идут? Нет, не идут, не идут, не идут.

Это не идут, братишки, а плывет река в миллион. На ковре ложится снег.

И в море белого света протекает река.

* * *

Лежит в гробу на красном постаменте человек. Он желт восковой желтизной, а бугры лба его лысой головы круты. Он молчит, но лицо его мудро, важно и спокойно. Он мертвый. Серый пиджак на нем, на сером красное пятно — орден Знамени. Знамена на стенах белого зала в шашку — черные, красные, черные, красные. Гигантский орден — сияющая розетка в кустах огня, а в сердце ее лежит на постаменте обреченный смертью на вечное молчание человек.

Как словом своим на слова и дела подвинул бессмертные шлемы караулов, так теперь убил своим молчанием караулы и реку идущих на последнее прощание людей.

Молчит караул, приставив винтовки к ноге, и молча течет река.

Все ясно. К этому гробу будут ходить четыре дня по лютому морозу в Москве, а потом в течение веков по дальним караванным дорогам желтых пустынь земного шара, там, где некогда, еще при рождении человечества, над его колыбелью ходила бессменная звезда.

* * *

Уходит, уходит река. Белые залы, красный ковер, огни. Стоят красноармейцы, смотрят сурово.

— Лиза, не плачь. Не плачь... Лиза...

— Воды, воды дайте ей!

— Санитара, пропустите, товарищи! Мороз. Мороз. Накройтесь, накройтесь, братишки. На дворе лютый мороз.

— Батюшки? Откуда ж зайтить-то?!

— Нельзя здесь!

— Порядочек, граждане!

— Только выход. Только выход.

— Товарищ дорогой, да ведь миллион стоит на Дмитровке! Не дождусь я, замерзну. Пустите? А?

— Не могу, очередь!

Огни из машины на ходу бьют взрывами. Ударят в лицо — погаснет.

— Эй! Эгей! Берегись! Берегись! Машина раздавит. Берегись!

Горят огненные часы.

Г. К. САВИЦКИЙ. 1887—1949. Первые дни Октября. 1929.

А. В. ШЕВЧЕНКО. 1883—1948. Колхозницы в ожидании поезда. 1933.

Сегодня мы знакомим наших читателей с творчеством замечательного грузинского писателя Реваза Инанишвили.

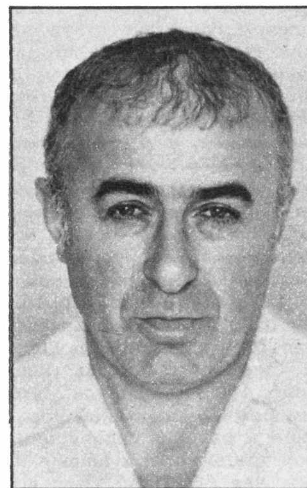
Первые рассказы Р. Инанишвили появились в печати в начале пятидесятых годов. Это был своеобразный и яркий дебют — в литературу пришел не новичок, а мастер. С тех пор написано множество книг и киносценариев (в том числе «Древо желания» Т. Абуладзе и «Пастораль» О. Иоселиани), сборники рассказов для детей и юношества; за один из них — «Далекая белая вершина» — Р. Инанишвили был удостоен Государственной премии имени Руставели. В Грузии у писателя прочная и высокая литературная репутация, стиль и язык его прозы признаны критикой образцовыми.

Русскому читателю творчество писателя знакомо меньше. Одна из причин — сложность перевода: сила прозы Р. Инанишвили не в лепке и развитии характеров, не в неумолимом движении сюжета, а в тонкости нюансировки, емкости и поэтической многозначности слова, в извлечении из сокровищницы языка тех редких жемчужин, которые выявляются в процессе творчества истинно поэтического, поэтому подлинные удачи здесь так же редки, как в переводе стихов.

Можно ли считать удачей предлагаемые переводы? Пусть судит читатель...

Рассказы взяты из сборника «Дорога к материнскому дому», подготовленного по инициативе Главной редакционной коллегии по художественному переводу и литературным взаимосвязям при СП Грузии.

Реваз ИНАНИШВИЛИ

БЕЛЫЙ ОТСВЕТ СНЕГА

Слышишь? Немного помедленнее, не спеши. У меня какая-то чушь вертится в голове и, если не скажу, задохнусь. Ну оттаял, ну размяк — опусти сейчас в вазу с водой, корни пущу, ей-богу, корни и цветочки. Со мной такое случается от вина. От вина, от осенних туманов, и еще когда выпадает первый снег. Нет, видит бог, стихов в жизни не писал. А вообще-то удивляюсь!.. «Венчалась Мери в ночь дождей, и в ночь дождей я проклял Мери»... Удивительные люди поэты... «Потеряла, бросила, как черкес стрелу»... А однажды знаешь что я прочитал? Женщина написала: «Мои груди все время повторяют впадины твоих ладоней»... Что-то в этом роде... Ладно, погоди, не надо. Ну, не надо, прошу тебя! Лучше посмотри на этот балкон, поникший, с облупившейся краской. Там жила наша учительница русского языка, Манана Георгиевна, состарившаяся в одиночестве, без семьи, без детей, воспитанница какого-то пансиона для благородных девиц. Французским владела, как мы с тобой грузинским. Когда-то она была замужем за офицером. Она прятала его фотографию, только раз мне показала: настоящий красавец грузин с тонким, сухощавым и гордым лицом, двадцати пяти лет погиб в Батуми. Кто только к ней потом не сватался, видная была женщина, и в старости была хороша, высокая, статная, но больше замуж не пошла. Говорила: «Не забывайте, что я грузинка...» Мы, ученики, очень ее любили. После занятий часто ходили к ней домой, то в лото играли, то в домино, а когда и хинкали вместе готовили. Но чем бы ни занимались, разговаривали только по-русски, такое было правило. «Помните,— твердила она нам.— Вы должны в совершенстве овладеть русским языком». Мы и старались. Если я сегодня что-то знаю, то благодаря Манане Георгиевне... Она умерла не то в шестьдесят третьем, не то в шестьдесят четвертом, и даже оплакать ее было некому, кроме нас, бывших учеников. Но что правда, то правда, похоронили мы ее очень хорошо и поминки устроили красивые. Ты знаешь, что она завещала? В нижнем ящике комода у нее хранилась сабля; она просила положить ее с ней в могилу. Так мы и сделали. Положили ей на грудь и поверх нее скрестили руки. Чья была сабля, не знаю — отца, деда или мужа? Скорее всего мужа, а, может быть, и отца, не знаю... Наши девочки очень плакали на похоронах... Ну, ладно, ладно... Я понимаю, что тебе нет дела ни до учительницы, ни до сабли, но послушай, к чему я все это рассказываю.

Сорок второй год, и эта же пора стоит — декабрь, первый снег только-только выпал. Немцы во-он там, по ту сторону Кавкасиони, но здесь тихо и спокойно, даже тише и спокойнее, чем сейчас. А потому, что из дому никто не выходит, а кто выходит, старается не шуметь! Снег местами протаял... У меня отпуск, с тем и прибыл. Ты знаешь, что со мной тогда случилось? В Баку окончил шестимесячную школу, прикрепили мне к петлицам по два зеленых кубика — и на фронт, на передовую. Но не успели переправиться через Терек, как налетели немецкие самолеты и разбомбили наш эшелон к чертовой матери. Мне осколком бомбы разворотило левую голень левой ноги. Столько крови потерял, что чуть концы не отдал, в глазах померкло. Подобрали меня,

положили на носилки, повезли назад. Сперва в полевом госпитале отлеживался, потом в Махачкале. Месяца через полтора кое-как встал на костыли. Был там главврач, добрая душа, взял и отправил меня на побывку домой, на целый месяц. Приехал. Тогда отец еще здесь работал, мы жили внизу, у моста, в государственных домах. Мои рады, а я как воды в рот набрал, зубы стиснул, молчу, из дому не выхожу; мне двадцать лет, и, видишь ли, стыдно на люди показаться. Когда уходил на фронт, всем говорил, что или погибну, или вернусь героем! А на самом деле ни разу даже в немца не выстрелил, первая же бомба меня нашла. Просидел дома дней пять или шесть, очень наскучило это сидение. Встал, взял свои костыли и пошел к Манане Георгиевне. Снег вот такой же, как сейчас, и вроде бы тепло. На мне шинель, туго перетянутая широким ремнем, на одной ноге сапог, на другой калоша, и раненая голень тепло обмотана материнской кашемировой шалью. Сперва шалью, а поверх нее обмоткой. Весу во мне едва пятьдесят шесть кило. Иду легко, но осторожно. Поднялся к Манане Георгиевне, она оказалась дома. Сам знаешь, что такое война: очень на ней сказались эти полтора года, как-то она поблекла, побледнела, серая какая-то стала — и лицо, и волосы. Увидела меня, всплеснула руками: «Ой, бедный мой мальчик!» И в слезы. Все трогала мою ногу и спрашивала: «Больно? Больно?»

«Нет,— отвечал я,— не больно»,— и смеялся. И знаешь, что она тогда сделала? Перекрестилась. Можешь себе представить, что это было в те годы для учительницы — перекреститься! Крестилась и что-то шептала по-французски — чтоб я не понял.

Потом говорит: «Как раз сегодня,— говорит,— мне принесли дрова»,— и подкладывает в печку. Тогда создали какие-то отряды содействия и помощи, они и дрова принесли, бывшие ее ученики.

«У меня,— говорит,— есть тыква, давай мы с тобой ее сварим». Вытащила из-за шкафа большую желтую тыкву, нашла секач. Что оставалось делать? Взял я у нее секач. Расстелили на полу газету, положили тыкву, и только я разок хватил по ней, как в дверь постучали.

Манана Георгиевна пошла, открыла, слышу, заулыбалась: «Входи, входи...» Вошла девчонка, маленькая, лет четырнадцати или пятнадцати. Видал светловолосых кахетинок? Скуластых, плотных, светлоглазых, с расплывчатыми чертами и с выгоревшими бровями. Посмотришь — вроде как русские, да нет, не русские; но носы курносые, а когда смеются, глаза почти закрываются, и из щелок тонко поблескивает влажный и мягкий свет.

Манана Георгиевна познакомила нас: «Это мой старый ученик, а это моя новая ученица». Девчонка показалась мне настолько маленькой, что я не встал и даже руки ей не подал. Чуть приподнялся, кивнул и продолжал азартно разделывать тыкву. Как сейчас помню: на ней был серый полушубок, сняла белую шапочку домашней вязки, подошла и смело опустилась передо мной на коленки, стоит и светит глазами, интересно ей, что я делаю и как. Я сказал, чтобы не торчала перед носом, отошла в сторонку. Перешла, устроилась сбоку, рядышком, все так же на коленках. Я тыкву на дольки режу, а она смотрит на меня и расспрашивает. И знаешь, что ее больше всего интересовало? Видел ли я вблизи живого немца, и второе, жалостливо сморщившись: «Очень было больно, когда вас ранило?»

Вообще женщины часто об этом спрашивали. Нетрудно догадаться, как я отвечал на ее вопросы. Я много о себе понимал тогда и как милостыню коротко бросал ей «да» или «нет». А она уже не знает, с какой стороны ко мне подступиться. Поджарила тыквенные семечки, ссыпала на тетрадку, принесла. Манана Георгиевна достала фрукты и водку, выпила рюмку. «Чтобы благодать родного дома охраняла наших солдат». И мне налила. И девчонке велела здравицу сказать, но предупредила: «Только ты не пей!» А девочка и здравицу сказала, и рюмку хлопнула. Манана Георгиевна ужаснулась: «Это еще что такое! Ты что наделала?!» Тогда девчонка встала, вся раскрасневшаяся, щеки так и полыхают. «Не сердитесь,— говорит,— на меня, а я за это стихи прочитаю». Попятилась назад, к стенке, сцепила руки перед собой и, как малое дитя, с наигранным простодушием и наивностью прочитала: «С посторонним мужчиной я очень застенчива, ни за что с ним не лягу, сэр! Мамочка сшила мне красивое платье, и, если вы меня обнимете, ведь оно помнется, сэр!.. Прошла осень, пройдет зима, настанет весна, весной я уже буду большая, тогда приходите и возьмите меня в жены, сэр!». Это стихи какого-то английского поэта. Прочла, подошла к столу и села. Что нам оставалось делать — похлопали, и Манана Георгиевна, и я, но в глубине души не понравилась мне ее бойкость, к тому же выяснилось, что она дочка директора школы, в тот год переехавшая к нам из Тбилиси. А она прочитала еще одно стихотворение, на этот раз наше, народное, его и я знал наизусть, прочитала с интонацией хевсурки-горянки: «Словно глаза безгрешные, тихий рассвет пришел, влажны пески прибрежные, красен рубахи шелк. Ворон при виде красного каркал и ликовал. Падал на грудь несчастного, сердце клевал, клевал...»[1] — и после сидела, словно и впрямь опечаленная, с тихой, грустной улыбкой. Манана Георгиевна потрепала ее по голове, поцеловала. Сварилась наша тыква, мы ее выставили за окно, чтоб поскорее остыла. Тыква оказалась замечательная, и сейчас помню ее вкус. Отведали тыкву, и я встал, собрался идти домой. Манана Георгиевна сказала: «Идите вместе, вам по пути». Мы попрощались и пошли.

Ночь, снег идет, мы шагаем рядом, и она все говорит, говорит, заглядывает мне в лицо в белом отсвете снега и спрашивает: «А вспышки над вершинами Кавкасиони вроде зарниц, это и впрямь от пушек?»

Я пожимаю плечами. Она боится, как бы я не упал, спрашивает: «А костыли под мышками не натирают? Не больно?»

Дошли до их дома, мне идти дальше. Она вызывается проводить и смотрит то на костыли, то мне в глаза заглядывает — жалеет очень. У меня лопнуло терпение, я оперся потверже на костыли, обернулся и как рявкну: «Ну-ка, детка, живо дуй домой!» Разок взглянула на меня оторопело, обиженно, повернулась, побежать не побежала, но пошла так, что снег заскрипел под ногами. Я тоже пошел своей дорогой.

Кончился тот отпуск, и меня опять отправили на фронт. Когда я вернулся, ты знаешь.

После того я видел ее еще один раз — лет десять назад. Удивительно, но я сразу ее узнал. Я встречал сухумский поезд — на нем она и приехала. Какая женщина!.. Вообрази себе тигрицу или пуму в солнечном зареве — величественная и чуточку грозная! Перед ней бежали два тигренка — крепкие, загорелые, смелые мальчишки. И сама вся коричневая от загара.

Тьфу! Всю свою молодость мечтал о подвигах и о геройстве, а тут ни заговорить не посмел, ни даже показаться.

ТОВЛА

С тех пор, как в этой деревеньке началось строительство головного сооружения большого оросительного канала, родители, те, у которых были дочери, потеряли покой. Куда ни повернись, отовсюду сверкали белозубыми улыбками загорелые, мускулистые, веселые парни. Одни были плотники, другие каменщики, третьи арматурщики, кто водитель, кто экскаваторщик — всех не перечесть. Девушки разлюбили домашнюю работу, даже когда хозяйничали по дому, все равно краешком глаза поглядывали на дорогу — кто там пройдет или проедет. Наспех заканчивали стряпню, мойку или постирушку, надевали выходные платья, совали босые ноги в туфли на высоких каблуках, торопливо причесывались, робко мазали губы бледной помадой и выходили на дорогу. Куда им было идти? К подружке по соседству или в огород, что остался на краю села, но шли они с таким видом, словно были вызваны для решения важного вопроса.

А на дороге непременно появлялся обшарпанный самосвал; гремя кузовом, мчался навстречу или догонял девушку, шофер высовывал из кабины припудренную пылью белозубую голову и как обязательное приветствие бросал: «За такую походочку душу отдам, дорогая!» У девушки точно огонь пробегал по ногам, она сбивалась с шагу, с забившимся сердцем отбегала к обочине, бросала на шофера сердитый взгляд: «Разрази тебя гром!» — говорила вслед и, оставшись одна, шла дальше, с каким-то новым удовольствием ощущая каждую мышцу своего тела.

Местные ребята поначалу, как дворовые псы, скалились и рычали на пришлых и частенько затевали свары; из этих свар все выходили побитые, окровавленные; потом и местные пошли работать на стройку, подружились с приезжими и мирно делили с ними как девичьи улыбки, так и их строгие взгляды.

Село даже облик сразу сменило. По одну сторону, где прежде были хлева да сараюшки, стали белые корпуса, бараки и коттеджи. Проселочную дорогу расширили и залили асфальтом, по обочинам дороги врыли столбы, на столбах повесили электрические лампочки; в селе стало меньше домов, крытых тесом и черепицей, прибавилось крыш под жестью и шифером; над крышами поднялись телевизионные антенны; открылись магазины, построили новый клуб, в нем поставили два проекционных аппарата, и теперь местное кино почти не отличалось от городского. Каждый вечер привозили новую кинокартину, и в зал битком набивались местные и приезжие, поначалу сидевшие порознь. Постепенно и эта грань стерлась. Рабочие из России устроили в клубе даже комнату для танцев. Правда, местные девушки в этих танцах не участвовали по той простой причине, что не умели танцевать европейские танцы, зато ребята не считались со своим неумением, и частенько их можно было увидеть смешно дергающимися или отчаянно прижимавшимися к партнершам — точно они боялись упасть и хватались за девушку в поисках опоры.

Ежедневные кино и танцы вовсе сбили с толку несчастных родителей. Не пустить в кино свое чадо они не могли. Но не в этом была загвоздка и опасность: дети говорили, что идут в кино, а куда шли на самом деле — поди узнай! Не побежишь же каждый раз за ними хвостом, да и сидеть с ними в кино или ждать возле клуба от начала и до конца сеанса тоже не дело!

Несколько девушек вышли замуж, несколько парней женились на приезжих, и совсем еще недавно глубоко патриархальная деревня превратилась в интернациональный микроцентр. Не говоря уже о многочисленных грузинских диалектах, по проселкам можно было услышать азербайджанскую, армянскую, греческую, осетинскую и, конечно же, русскую речь. Никаких осложнений! Никаких непредвиденных и непреодолимых трудностей. Напротив, все почувствовали, что жизнь стала легче. И она, эта жизнь, все взбухала и поднималась, как на дрожжах.

Но у каждого своя судьба.

На краю деревни, неподалеку от тех мест, где раньше стояли сараи да гумна, жила тихая, кроткая супружеская чета — Эквтиме и Мзеха. Эквтиме был из местных, коренных, немногочисленного рода, Мзеха — хевсурка, из Белых Колодцев, выросшая в сиротстве, оба с головой погруженные в свои дела и заботы. Эквтиме работал землекопом в леспромхозе, ему частенько приходилось копать далеко от дома. Мзеха работала в колхозе дояркой — кормила коров, доила, убирала за ними. Было у них двое детей; сын Тариэл, двадцати одного года, в ту пору проходивший срочную службу в армии, и восемнадцатилетняя дочь Товла.[2]

Товла прошла восьмилетку в своем селе, после восьмилетки тетушка — сестра отца — повезла ее в Тианети, и уже там она окончила среднюю школу. Летом поступала в университет, но за экзамен по истории получила тройку, ей не хватило баллов, и она вернулась в деревню с твердым намерением хорошенько подготовиться и на следующий год опять попытать счастья. Даже в дороге, в автобусе, когда ехала куда-нибудь, она читала учебник истории: кто был Святослав, как его убили печенеги и как печенегский князь велел сделать из его черепа чашу и пил из той чаши на пирах, а также многое другое...

Дома, в родной деревне, ее встретила большая стройка. Эквтиме еще зимой сдал маленькую комнату своего дома — теперь в ней жил парень лет двадцати семи, водитель самосвала по имени Бочо. У одиноких Эквтиме и Мзехи этот Бочо прижился как сын. «Когда смотрю на него, как будто нашего Тариэла вижу»,— не раз говаривал Эквтиме жене. Почти каждый вечер они вместе ужинали, потом вместе сидели у печки — жарили тыквенные семечки или подсолнухи, и только спать постоялец уходил к себе.

Бочо относился к Эквтиме и Мзехе очень уважительно, называл их отцом и мамашей, придя с работы, помогал по хозяйству и делал это, не ленясь, умело и с удовольствием. Во дворе скопилась гора навоза, он сам накидал его в самосвал, отвез вниз, к реке, где у них был огород, и там свалил... Привез со стройки непригодные обрезки досок, содрал с хлева солому, заново сколотил кровлю из досок и покрыл их толем. Помог Эквтиме устроить во дворе новое тонэ; привез дров — крупных бревен, раздобыл пилу

[1] Стихи в переводе Я. Гольцмана.

[2] Товла — Снегурка, Снежана (груз.).

«Дружба», напилил те бревна, наколол и сложил в аккуратную поленницу. Да чего только он не делал — золотые руки были у парня! Если Мзеха не успевала или не справлялась, он и коров доил.

А когда вернулась домой Товла, и вовсе закипела работа в его руках, точно искры с них слетали. Поехал вместе с Эквтиме, привез речных булыжников и гальки, раздобыл на стройке цемент и оградил двор красивым бетонным забором. Товла поначалу сторонилась этого неуемного мужчины, при каждом его взгляде хлопала ресницами и заливалась краской, потом постепенно привыкла. Поливала ему, когда он умывался, и если Бочо приводил кого-нибудь из друзей — на вино или жипитаури,— хозяйничала за их столом: нарезала салат, жарила яичницу, доставала из погреба маринады, порой даже присаживалась к столу ненадолго. Но при госте никогда не притрагивалась к еде. Бочо называл ее сестренкой, подвыпив, осмеливался обнять за плечи и говорил: «Ты моя маленькая сестренка. Кто тебя обидит, будет иметь дело со мной. А это любому дорого обойдется!» Товла, и без того маленькая (она была едва по плечо Бочо), совсем уменьшалась, сжималась в комочек, не знала, куда деться. Необыкновенно застенчивая от природы, она стеснялась, даже когда посторонние называли ее Товлой. А ведь ее в самом деле так звали, и ей нравилось свое имя, оно очень шло ей — Товла была беленькая-беленькая, круглолицая, чуточку скуластенькая, светловолосая, а глаза повосточному удлиненные и голубые. Она так легко ступала на своих полноватых ногах, словно вовсе не касалась земли. Только ресницы у нее были черные, будто накрашенные.

Всю осень они провели вместе. А наступившая зима и вовсе их сблизила — вечерние сидения у печки... За это время Бочо дважды ездил в Сухуми. Вернувшись, привез оттуда сулугуни, хурму и мандарины. На день рождения, двадцать третьего декабря, поднес Товле чудесный подарок — белый английский свитер. В тот вечер Товла спела. Взяла чонгури, заиграла негромко и, зардевшись, потупясь, запела:

Братец, свет моих глаз,
Братец, лик твой как солнце.
Кто дал тебе красоту
Семи небесных светил?
Люби и вспоминай меня,
Оплакивай свою сестру...

От этой песни Бочо вскочил и во второй раз осушил рог, принадлежавший еще деду Эквтиме, а тот рог вмещал почти литр вина.

Эквтиме и Мзеха, оставшись одни, частенько перешептывались: «Наша-то с Бочо, а?» «А что? Хорошо бы, а?», «Хорошо»... Одно только их беспокоило: Сухуми им представлялся где-то на краю света; не сможем туда ездить, потеряем навсегда нашу единственную дочь.

И все-таки наступил тот день, о котором они втайне мечтали, даже себе не признаваясь в этом. Побелевшая, с покусанными губами Товла прислонилась к стене и объявила матери: «Я беременна». Мать только замахала на нее руками: «Чур тебя, чур!.. Да вот... вы оба здесь, и делайте, что хотите, хоть камнями друг друга забейте»... Но в глубине души словно бы даже осталась довольна: в конце концов все шло к тому, о чем она мечтала! Она отвернулась от дочки и вышла из комнаты.

В ту ночь Эквтиме и Бочо сидели вдвоем в комнате постояльца. Бочо, понурив голову, молчал. В конце концов, словно сбросив какой-то груз, он поднялся и сказал:

— Не оценил я вашей доброты и заботы, виноват, но сам все исправлю.

Порешили на том, что через неделю Бочо поедет в Сухуми, привезет родителей и устроят помолвку.

Эквтиме успокоился, и в доме опять воцарились тишь и согласие. Только Товла избегала всех, так и норовила спрятаться по закуткам да за мебелью.

Через неделю Бочо и впрямь уехал. Товла, выглядывая из-за стены, смотрела ему вслед, и по ее лицу текли слезы. Мать провожала Бочо: «Ну, с богом, сынок, счастливого тебе пути, надеюсь, скоро вернешься, не опоздаете». Машина уже отъехала, когда в конце двора показался Эвктиме, он вылез из оврага и помахал рукой: «Счастливо! Счастливо! До скорого!»

Бочо вырулил на шоссе и переключил машину на третью скорость. Грузовик помчался, громыхая кузовом. Рядом с Бочо сидел товарищ, который должен был пригнать машину назад от железнодорожной станции.

Стоял февраль, но было так тепло, что на кручах по оврагам зацвел кизил. Товла выходила из дому только во двор, проходила неслышно, как тень. А из дому никуда ни шагу. «Все учится голубушка, все учится»,— говорила соседям Мзеха. Втайне друг от друга и мать с отцом, и дочь поглядывали на дорогу.

Прошла неделя, потом десять дней.
Потом две недели.
Три недели.

Товла до боли стискивала глаза, и по ее щекам скатывались слезы. «Нет-нет, с ним что-то случилось, что-то стряслось, пойду, расспрошу, найду и, если ему худо, буду за ним ходить». Но Эквтиме с Мзехой старались ее обнадежить. «Глупенькая, Сухуми ведь не около Мцхета, а аж у самого моря. Да и не могут они сняться налегке и приехать: народ семейный, степенный, в семью едут — надо приготовиться. Что мы между собой по-простому обговорили, это одно, а между семьями сговор — это уже совсем другое, тут не просто».

Прошло еще несколько дней, и туманным мартовским утром к ним на балкон поднялась запыхавшаяся соседка: «Слышишь, что ли, тут приехала жена Бочо с сынишкой. Спрашивает, где Бочо, а мы не знаем, что и сказать...» Через несколько минут другая соседка привела эту женщину — худую, высокую, остроносую, прячущую лицо в заячьем воротнике. В одной руке она держала маленький чемодан, в другой — саквояж. Рядом с ней стоял бледненький мальчик лет пяти, тоже остроносый, как мать. Мальчик, видно, продрог, под носом у него было мокро.

Мзеха вошла в дом, закрыла дверь, села на тахту и стала больно колотить себя по коленям. Эквтиме был в лесу. Товла жалась за другой дверью. Она дрожала, как в лихорадке, и в отчаянии билась затылком об стену.

— Чтоб мне умереть, доченька! Чтоб мне умереть!— простонала Мзеха.

— Я не хочу жить! Я не буду жить!— сквозь рыдания откликнулась Товла, рывком распахнула дверь и бросилась вниз по лестнице.

Стоящие во дворе женщина с мальчиком робко посторонились. Товла только разок взглянула на них, пошатнулась, словно споткнувшись, и побежала к обрыву.

Мзеха бежала следом и кричала:

— Не губи нас, дочка! Не губи, родимая!

Кинулись вдогонку и соседи, но никто не смог догнать легконогую восемнадцатилетнюю девушку. Все видели, как она добежала до края скалы, как кончилась под ней земля и как полетела она вниз, словно царапая руками воздух. В ущелье громоздились валуны, между валунами с шумом пробивалась мутная вода, и оттуда уже не доносилось ни звука.

Жена Бочо в тот же день уехала назад. Оказалось, что в марте Бочо не был в Сухуми.

На похороны Товлы пришла уйма народу. Многие заметили, что мать-хевсурка не оплакивала свою дочь. И в самом деле: Мзеха сидела, плотно поджав губы, и не моргая, не отрывая глаз смотрела на Товлу. Лишь время от времени она вскрикивала нараспев:

— Доченька-доча-а, не услышала ты моих слез, не прислушалась ты к моим воплям, показала мне свою смерть, и за это я не оплачу тебя!

Товла лежала под белым сударием, разбитый лоб ее был прикрыт белым — она словно спала. Все еще круглое личико ее стало еще белей, только тени от маленьких ноздрей да черные реснички чернели на лице отчетливо и резко, точно следы странной птицы.

Когда понесли ее на погост, легкую, высоко держа на руках, один юноша-пшав, арматурщик со стройки, отшвырнул железо из тисков и в сердцах сказал:

— Вон как оно бывает, когда разный люд перемешивается!

К нему подошел седой бригадир:

— Слушай, что я тебе скажу, брось-ка ты эти философии!— и сунул отброшенную арматуру ему в руки.

И парень-пшав послушно побрел к своим тискам.

Перевел с грузинского Ал. ЭБАНОИДЗЕ.

Рисунки Виктора СКРЫЛЕВА

- **СЕЛО И ЕГО РЕАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ**
- **МНОГОНАЧАЛИЕ**
- **НАУКА ЖДАТЬ ВЕСНУ**

Николай БЫКОВ,
фото Сергея ПЕТРУХИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ОЗИМЬ

АХИ

В Египет едут посмотреть пирамиду Хеопса, на американский континент — Ниагару, а сюда, в Козинку, едут и едут, чтобы посмотреть новую школу. Козинка — село в Белгородской области, ехать до него довольно далеко, да и не главное оно в колхозе «Дружба». Центральная усадьба в Гора-Подоле, а Козинка — спутник, один из производственных участков. Глубинка. Та самая, которую записали лет несколько назад в неперспективную. Жизнь в Козинке постепенно, пугающе пригасала, но остававшиеся там жить в начале 1985 года решились попросить у области... нет, не новое корыто и даже не новую избу, а школу. Да, школу. Потому что сами — понятно, а детей жалко. Старая школа размещалась в четырех пятистенках. Одних печек было двадцать три! Класс от класса на полкилометра. Районная санэпидстанция дважды запрещала всякую работу в аварийных строениях.

А колхоз строил свинарники. Но существует мало кому известный закон: если нет в селе школы и тем более детского сада, то уходит жизнь. Такая социология с демографией. Плохо чадам — плохо родителям.

Так вот когда на сход в Козинку прибыло высокое начальство, председатель колхоза Виктор Васильевич по совету старожилов ничего иного просить не стал, а школу попросил. Виктор Васильевич Величко — человек со стороны, его прислала партия на подъем хозяйства, в котором одной пашни более пятнадцати тысяч гектаров! Да только работать некому...

Но речь о школе. Сходу обещали: наказ серьезный и будет выполнен.

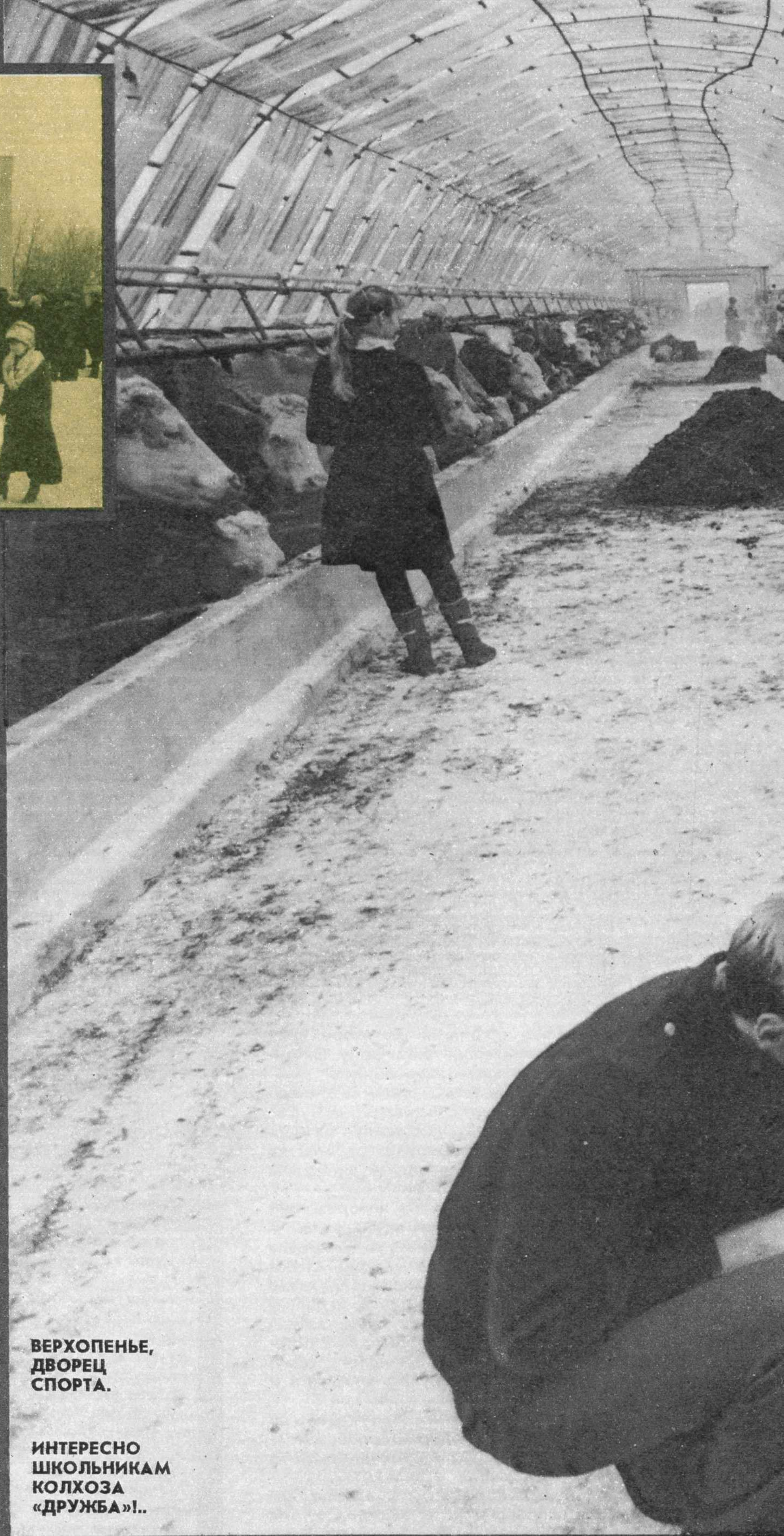
На ударный объект, который в рабочем порядке тут называли «школокомплекс», были брошены мощные областные силы. «Комиссары» из Белгорода не покидали Козинку. Чудеса творились на глазах. Сильно помогал делу сам председатель облплана Владимир Матвеевич Шатаев. Борисовский райком партии подключился. И обком, самый его тихий этаж, взял строительство под контроль. Через восемь месяцев (я не описался, не через восемь лет, как чаще всего в таких случаях бывает, а через восемь месяцев), 1 сентября 1986 года, прозвенел впервые звонок в новой средней козинковской школе.

Вместо конюшни, сараев и прочей ветоши—площадь, нездешнее многооконное здание, рядом стадион, вилла — иного слова нет — нового детского сада, а главное, три многоэтажки, в каждой по двадцать семь квартир. О чем это говорит? Не просто школу, пусть новостройку, привязали к местности, а решительно реорганизовали «интерьер» околицы села, создав впечатляющий ансамбль. Все тут рядом, кучно, продуманно: питомцы, воспитатели, тренеры, учителя. В том и смысл этого необычайного «школокомплекса».

Виктор Васильевич, переехавший в колхоз в апреле восемьдесят пятого, так объяснил происшедшее:

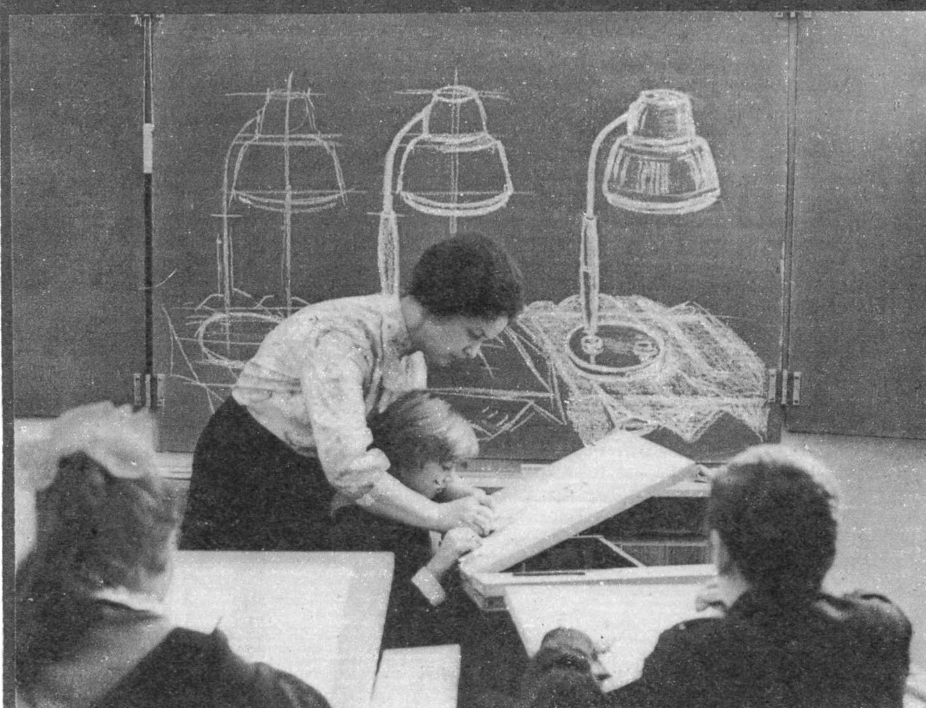
— Нельзя делать полдела. Мы приняли более тридцати учителей, десятка два воспитателей, да в котельной полтора десятка человек, да девять на очистных сооружениях, да электрики и вообще люди сервиса. А где жить? И было сделано то, чего наверняка не делали раньше. Построили жилье — всем по квартире, всем. Вот почему к нам едут...

Конечно, размах строительства потребовал смести не только старые конюшню и амбарушки, пришлось переселить старожилов околицы. А это всегда трудно — рушить чьи-то родительские дома; тут революционное желание обновить хотя бы часть села натолкнулось на чувство привязан-

ВЕРХОПЕНЬЕ, ДВОРЕЦ СПОРТА.

ИНТЕРЕСНО ШКОЛЬНИКАМ КОЛХОЗА «ДРУЖБА»!..

ности к отчей усадьбе. Дом директора новой школы Валентины Николаевны Галушко как раз и подлежал сносу. Валентина Николаевна местная, жила с мамой, братом. И вот к дому двинулся бульдозер. Валентина Николаевна так молода, что воспоминания, картины детства, проведенного в этом доме, саду, на огороде, еще очень живы. Но ей суть происходящего понятна, только колодец было действительно жаль... Уважили: дом снесли, а колодец на бывшем подворье Галушко оставили, выкроили пядь земли. Скоро над ним поставят сказочный шатер, и будет этот теремок с хрустальным родником по-прежнему поить людей, напоминать о недавнем...

— Как строили? — переспросил председатель Виктор Васильевич.— Эпопея... Ноль дали нам в карандаше. Ночью прожекторы!..

«Ноль», как я понял,— нулевой цикл, который делали без технического проекта.

Колхоз здешний, можно сказать, пожилой. Что ни село — средний возраст под пятьдесят. А застучали топоры — появилась молодежь. Кто был в армии — все домой, поскольку родные отписали о начале строительства. Налицо омоложение колхоза «Дружба», до ноября народился пятьдесят один младенец. Цифра будет расти — так считать есть зримые основания. А перспектива? Сейчас в «Дружбе» более трехсот семидесяти дошколят.

— Началась у нас,— так выразился председатель Величко,— пятилетка омоложения. Дети — мощный задел. И мощная гарантия жизни.

Всякий раз, когда проезжали озимые поля, я просил притормозить. Под легоньким тогда белым покрыва-

лом угадывались зеленые рядки. Зеленые, живые. Озимь, хлеб 1987 года. И невольно сердце охватывала тревога: как-то перезимует этот новый, завтрашний хлеб? Общение с озимью всегда связано с глубокими чувствами и надеждами. Я видел: душа председателя ликует! Колхоз продал 4100 тонн мяса. Сплюсовали 1400 тонн к 1985 году. За год, только за один прошедший год колхоз принял еще сто восемьдесят человек. От них ждут отдачи. От земли ждут отдачи. Озимь, каким-то будет ее слово?

КРАСНА ИЗБА УГЛАМИ

Козинка у колхоза не одна, тут несколько сел и хуторов. Один из них — Земной Рай. Такой привлекательный адрес! Но — поехали дальше. В Борисовском районе не одна «Дружба» — всего их, хозяйств, четырнадцать. Так называемый соцкультбыт — острая нужда, открытому глазу видная, незаживающая рана. Образцовое строительство «школокомплекса» — лишь пример возможного решения части проблем, и только в одном хозяйстве. Воля добрых начальников сработала. Показуха? Не думаю, просто сработал рычаг системы, которая прижилась давно. Пришел, услышал, разрешил... Против внеэкономического волеизъявления направлена перестройка. Недавно попалось на глаза: при В. И. Ленине страна опробовала иные принципы экономики при социализме, тогда был установлен продналог. Пишут, что и сельское хозяйство, и другие отрасли были переведены на хозрасчет, самоокупаемость. То была генеральная линия на развитие хозяйственной инициативы, стимулирование предприимчивости. Возможный и жизненно насущный переход к осуществлению ленинского плана кооперации. История свидетельствует: результаты не замедлили сказаться. Это общеизвестно.

Но я хотел поделиться тем, на что сам только что в дни поездки по Белгородской области обратил внимание: о сегодняшней ситуации в народном хозяйстве пишут много и серьезно, пытаясь понять ход событий, уловить момент смены курса. Так вот, оказывается, в 1929 году разом было покончено с новым в экономике социализма — с нэпом: «...Мы его отбросим к черту».

И отбросили, конечно. Так и осталось в памяти: нэп — это рестораны, шансонетки, перестрелка. Все что угодно, только не ожившая деревня, не ожившие шахты, заводы, особенно промыслы. Образ дельца внушался, а сметка, хозяйская хватка, умение работать споро и с выгодой, борьба за покупателя — все это действительно отбросили «к черту». Такая вот эманация. Упадок творческих сил. В гостиничном номере перечитал статью Сергея Павловича Залыгина; он, по всему видно, творчески пережил то, что произошло после бури, и, как никто другой, обрел право спросить: «Сейчас, в разгар экономических преобразований в стране и поисков нового стиля руководства, многие люди начали открывать для себя само существование тех проблем, которые стояли в центре горячих споров в период нэпа. Все ли идеи, предложения и начинания той поры «устарели»?»

Разумеется, законы экономики «устареть» не могут. Устарело совершенно очевидно, это ясно показал XXVII съезд КПСС, устарело отношение к хозяйствованию как к налету легкой кавалерии, как нечто подвластное директиве, навалу, натиску, как к единовременной победе на одном из участков хозфронта. Отсюда торжество администрирования и приказного тона как метода управления. Вот в чем руку набили бюрократизм, волюнтаризм и ревнители суперцентрализации управления на всех уровнях! «Хозяин»,— говорили не о подлинном хозяине заводов, фабрик, пашен, но токмо о персоне, которая держала в «мудрой» руке приводные тросы районного ли, областного ли, отраслевого ли назначения. Что из этого получилось, мы знаем. Деревня и в хлебных краях обезлюдела. Почва истощилась, деградирует, ждет немедленной помощи. Экономический урон напрямую связан с ущербом социальным и, как следствие, нравственным. Именно поэтому сейчас на вопрос, что такое перестройка, дается однозначный ответ: вернуть каждому чувство хозяина. Побыстрее бы пробудить желание жить и работать по призванию — с полной отдачей! С отдачей всех умственных и физических сил. Где хозрасчет, там и источник чувства ответственности: за принятое решение, качество работы, престиж профессии, авторитет мастера, руководителя. Именно это элементарное еще недавно было исключено из системы повседневной деловой жизни. Людей дела потеснили люди слова. Прибыль, выгода подвергались подозрению, проработке, издевательству. Свобода хозяйственной деятельности скукожилась, как шагреневая кожа. Своеволие со временем породило и двойную, а то и тройную бухгалтерию и, конечно, преступные поползновения — чего уж перечислять, если в каждой деревне свои примеры кумовства, приписок, растащиловки... Вот и получилось, что даже добрая воля начальствующего в селе или районе откликается делом только там, где он сам пожелал аукнуть.

Партийный съезд напомнил о преимуществе всего инструмента товарно-денежных отношений, без которых нельзя создать механизм управления, независимый от настроения «начглавпупса» любого ранга. Отныне диктовать будет рубль, система «спрос — предложение», правила рынка нашего, социалистического. А то ведь рук в области не хватит указывать, где школу строить, откуда хлеб вывозить.

Начитанный старик кавалергардского роста и телосложения, отец председателя ивнянского колхоза Атанова Алексей Васильевич утром не без подковырки спросил: «Видел хозяйство?» Какое он имел в виду хозяйство сына — общественное или личное? И то, и другое?

— Скажите-ка, как вас по имени-отчеству, что есть всему основа, корень, по-нашему?

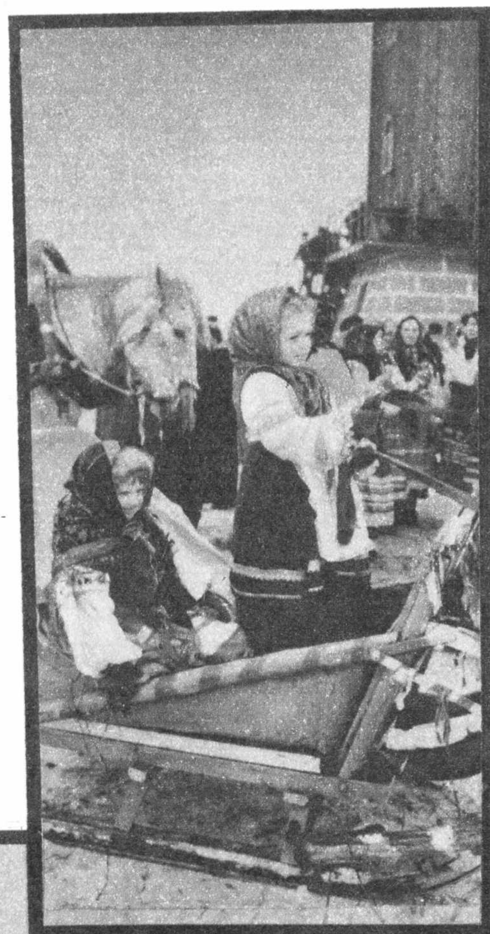
Промелькнуло в голове: базис, надстройка... Я ответил, как учили. И промахнулся. Алексей Васильевич парировал: эвон сколько ухлопали миллионов, а не поют песен! Еще летось не пели... Ушла было жизнь. Потянуло от тракторов да комплексов в город. Люди хотят жить легко, чтоб не взнуздывали, не запрягали... Первую коммуну здесь нарекли «Освобожденный труд». Подумай, мол!.. Я подумал, что ни жить, ни особенно работать по-старому в селе не будут. Спохватились и в Белгородской области, можно и так сказать, не по-начучному: здесь приняли достойный соцкультбыт за «базис». Без человечной атмосферы бытия «миллионы» как не в коня корм. Никакие пироги в рот не полезут, если изба не красна углами, если ни обоев тебе импортных (а просто — нарядных), ни стенки, ни люстры... А если еще и нет песен!..

Вечером сын Алексея Васильевича председатель ивнянского колхоза «Красная звезда» Атанов поинтересовался, читал ли я о том, что пишут о самоуправлении театров. Задавили, мол, сверху инициативу артистов. Я присовокупил: и школа требует себе самоуправления.

— Школа! — обрадовался моему пониманию председатель Владимир Алексеевич.— А колхоз? Вот кто родился в купели самодеятельности, инициативы! Я дам вам факт, вы такого не слыхивали — у нас, когда коммуну, а потом артель организовывали, ни в одного активиста не стреляли! Мужики верхопенские гуртом валили и в ТОЗ, и в сельскохозяйственную артель. А чувство артели — русское чувство.

Я из сердитых «почемучек» новейшего времени. Почему, почему сейчас, в рамках новых районных объединений колхозу остается лишь мечтать о самоуправлении? Ох, живуче «мелочное юпитерство» (Достоевский)! Свобода решений, право выбора не реализуются в повседневной жизни села. На эти конкретные вопросы никто в Ивне или Борисове, даже в райкомах, не ответил: в райцентрах больше всего боятся самодеятельности селян. Вопросы доверия и культуры власти по-прежнему открыты для словесных баталий. В Ивне я наивно спросил: есть ли противники самоуправления, самого широкого участия масс в делах РАПО, колхозов и совхозов, вообще управления? Из ответа выяснилось, что именно об одном таком противнике сказано на июньском (1986 г.) Пленуме ЦК КПСС. Это — родной брат администрирования, то бишь бюрократ. Он начеку, он блюдет якобы интересы государства.

Ага, вот и названо главное в системе администрирования и недове-

ТАК ВСТРЕЧАЛИ ЗИМУ В КОЛХОЗЕ «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА».

рия, главное в старом механизме управления сельским хозяйством — увы, областью наиболее очевидных потерь. В жизни все просто: под лежачий камень вода не течет... Убрать камень. Разворотливый председатель действует естественно — напрямую. Сегодня зажили лучше те хозяйства, в которых специалисты берут ответственность за поступки на себя. Для которых социалистическая предприимчивость подчас косвенное или прямое — так нередко само собой получается — нарушение обветшавших инструкций, параграфов, но они, такие редкие вожаки, в принципе бескорыстны. Вся «вина» — восстановление прямых связей! Помимо власти столоначальников...

— Вас избрали? — спросил я председателя борисовского колхоза «Дружба» Виктора Васильевича.

— Конечно. После того, как привезли и рекомендовали. Я тот же Семен Давыдов, только на новом витке.

На самом деле виток старый. Самоуправление, которого нет как нет, предполагает выборы председателя из числа выбранных членов правления. Уж это-то никто оспорить не может. Пусть не тайные, пусть открытые, но выборы. Но такой «самодеятельности» район (да и область бдит) ни в жизнь не допустит. Отсюда полумеры, полусдвиги, полуочищение.

ПОКА САДЫ СПЯТ

Сегодня праздник в селе — встреча зимы! Верхопенье — село большое. Раскинулось среди полей, среди крутых подъемов и оврагов Ивнянского района. Шумно, на улице отмечали приход зимы. Зима подводит итоги всем работам, укрывает потеплее озимь, позволяет подсчитать барыши и подготовиться к новой весне. Были Дед Мороз, Снегурочка — Галя, была матушка Зима, обращалась она к селянам в рифму. Тройки, тройки с бубенцами, лошади под яркими попонами, грохот барабанов, тарелок, бубна... На околице Верхопенья — ветряк. А под его крыльями — подобие ярмарки — толчея, смех, торговля из распахнутых дверей автолавок.

Общение друзей, родичей, соседей, а для меня знакомства. Удивило многолюдье. Все время поясняли: «Для людей все...», «Надо же с кем-то село отстаивать», «У нас волейбол, дзюдо...», «За год пятнадцать наречений — новый обряд». Я записал, может быть, главное: население Ивнянского района увеличилось почти на четыреста человек. И еще: бывало, в страдную пору завозили до сотни механизаторов, в минувшее лето обошлись своими. Объяснение на ходу: стали строиться, и люди увидели — бульдозер тужится, кран пригнали, котлованы отрыли... Полетели письма из Верхопенья: строимся! «Человек должен видеть, что его село не скисло, а живет...»

Рядом с Верхопеньем — его спутники Красная Дубравка, Новоселовка, Покровское... Их было вычеркнули на районной карте, закрасили зеленым, там позакрывали школы, магазины, а это как приговор... Спохватились! Спохватились, потому что люди поднялись, покинули родные гнездовья, фермы захирели, молоко упало, убытки колхоза «Красная звезда» росли, как снежный ком.

Поднялись на третий этаж ветряка. Ветер гудит, видно далеко. Красивая, просторная изба — новая прачечная. В центре Дом традиционных встреч — резьба, резьба, деревянный пряник, просторная веранда; там — танцзал, кафе, а в кафе круглый год мороженое. Зал бракосочетаний. Дворец спорта — оригинальная постройка. Там со спортом уживаются и библиотека, и ВИА, и тир... Есть теперь в селе своя больница. Строят ДК поближе к мемориалу погибших: две 76-миллиметровые пушки, Вечный огонь, а на карауле пять слева и пять справа стальных плужных корпусов, на отвалах навечно записаны имена павших за Верхопенье и имена верхопенцев, не пришедших с войны. Вечная память. Две тысячи двести имен...

— Вот и мельница эта неперспективная, — смеется председатель «Красной звезды» Владимир Алексеевич Атанов. — Только соорудили, подняли чурбаны, газовые плиты, по выходным жарили шашлыки, пиво бутылочное, конечно... Зиму вот встречаем, а нарушить не решились, не завезли...

Жаль, подумалось, чего уж так больно пива-то боятся? Но... на нет и суда нет... Должен быть.

— В Красную Дубравку жизнь вернули. И в другие деревни, побывавшие в коматозном состоянии неперспективных, провели асфальт, две школы построили, во всех детские сады теперь, медпункты открыли и телефоны поставили. Потянем газ...

Конечно, возрождение денег стоит. Как тут выразились, соцкультбыта сейчас в колхозе на пять миллионов рублей. За средства, вложенные в Дворец спорта, можно было бы два коровника поставить. Но такая прибавка молока — за счет полнокровной жизни селян — есть фондоотдача единовременная. А перспектива жизни заставила построить спортдворец, прачечную, Дом традиционных встреч, организовать фольклорный (стало быть, старушек!) хор и хор народной песни, потратиться на электроинструменты для ВИА. Без всего этого кто в тех дополнительных коровниках работал бы? В 1980 году в первый класс пришли девять мальчиков и девочек; девять... К 1985 году средний возраст верхопенцев достиг отметки 53. А на декабрь 1986 года возраст односельчан стал немного пониже — 41 год. Тенденция. Ежегодно уходят на пенсию тридцать — тридцать пять человек. Да столько же умирает... Атанов давно думал: с кем же останется колхоз?

А ярмарка все не расходилась. Онемели пальцы гармониста Анатолия Осадчего. Все поет и поет седенькая, но такая неугомонная — все бы ей вперед выдвинуться — Мария Сергеевна Перекова. Она потом рассказала: «Про меня уже восемь корреспондентов писали. Я сюда вакуирована была, да вот осталась, замуж вышла и сколько лет все на тракторе!.. Село горит, а я пашу. Горит, а я пашу... С тридцать пятого года трактористка — встречал еще такую? Двадцать лет на тракторе, а потом на свинарнике, в поле... И все еще песни играю!

Девочки, война, война...
Девочки, победа!
Девочки, кого любить?
На всех четыре деда!..»

Рядом молодящийся дедок лупит в желтые тарелки. Исторические — мальчишкой подобрал гильзы, разбил их, расплющил, раскатал, и вот уже сорок три года на каждом празднике звенят тарелки эти!.. А для школьного ВИА набор инструментов обошелся в несколько тысяч рублей: рука не смеет вывести цену.

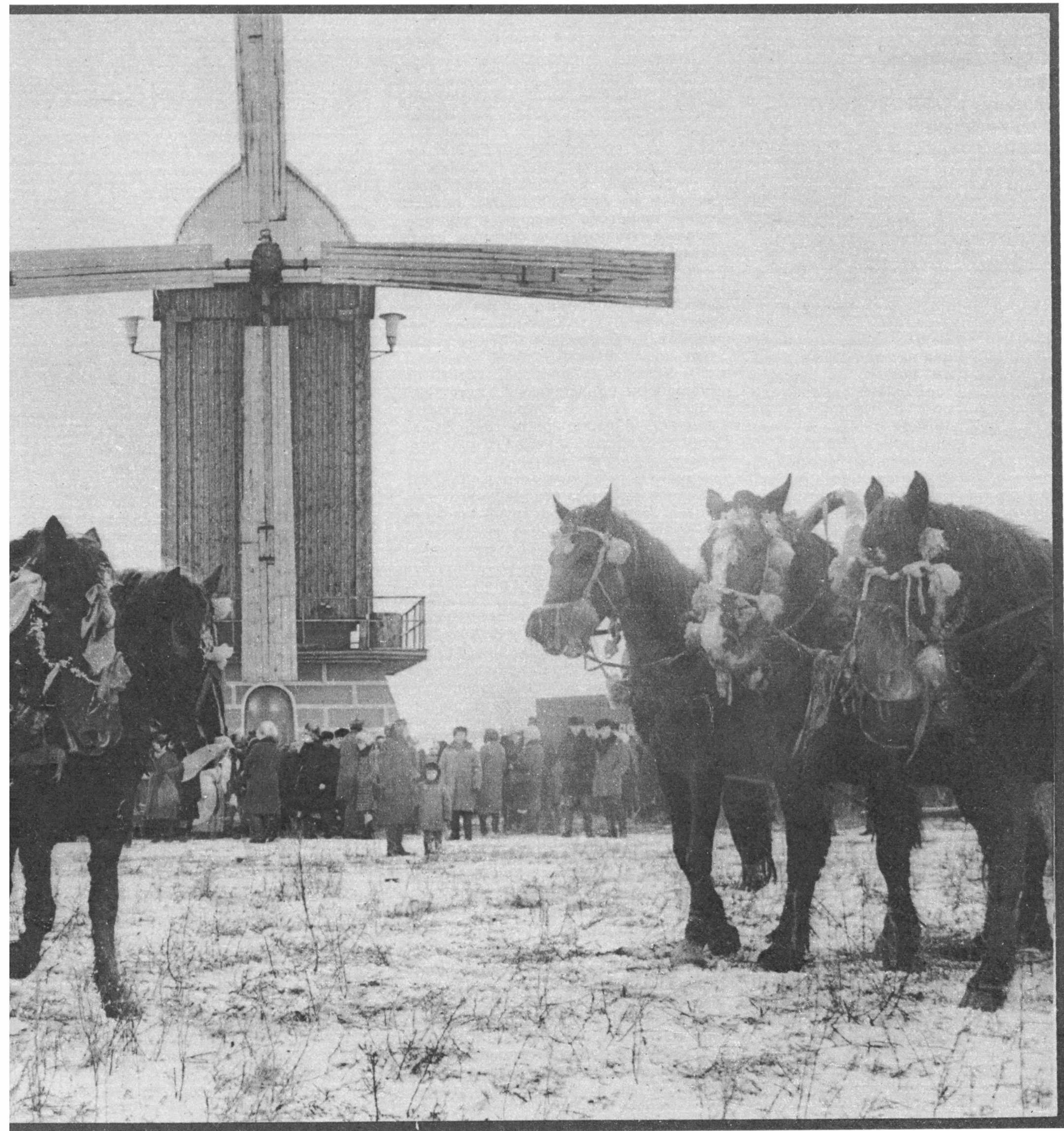
— Вы меня узнали? — спросил массивный мужчина с дудочкой в руках. — Я Дед Мороз! Фамилия Крамской.

Василий Иванович — шофер, кует лошадей и в дуду игрец.

— Да, кую, один остался. Молодняк не интересуется...

Крамской — руководитель фольклорного хора. От него узнал, что нарядная рукотворная одежда распевшихся старушек называется здесь саяны. В центре приплясывающего круга старый да малый. Скачет вместе с бабой Таней ее внучка-капелька Леночка Семенова. Их без устали фотографирует мама Людмила Анатольевна. Выплясывает очень старательно и семилетняя Таня Брусенская. Брусенские — одна из фамилий, занесенных навечно на стальные плужные отвалы мемориала погибших... Таня весьма кокетливая плясунья: при народе в хороводе!..

Пацаны и парни любят проводить время у Александра Ивановича Голозубова в тире. Как поется, наша жизнь то пальба, то гульба... Здесь — пальба! Александр Иванович — вете-

ран войны, орденоносец, учитель, был он и директором еще в старой школе. Его здесь любят давно.

Нельзя не рассказать о верхопенском поэте — о Сергее Николаевиче Тарасове, он слесарь и пишет стихи. Пишет складно, легко, можно их петь или так привести к случаю. Лирика у него редка — не та у человека судьба, а вот сатирический родничок бьет сильно и чисто. А мне запомнилось о войне. Сергей Николаевич и председатель Атанов — годки, войну помнят как сон: «Война прошла над головами...» Над головами, потому что подолгу отсиживались малые да старые в погребах.

Фашист над погребом нагнулся,
Лопочет что-то, не понять,
Потом гранатой замахнулся,
Ничем такого не унять.

Нас мать собою заслонила,
Кричала в ужасе: «Не тронь!
Сгинь, сгинь, нечистая ты сила!»
А в погреб заползал огонь...

Катания на тройках закончились. Шестиклассник Игорь Цыпкин, у которого мама — зоотехник, лихо управлялся с лошадьми. Отмечали выездку и десятиклассника Славы Воронкова. Что ни человек — талант. «Эти люди и меня сделали хозяином»,— заметил председатель. И уже сейчас во всех своих планах правление колхоза «Красная звезда» рассчитывает на тех, кто заживет самостоятельной жизнью через десять — пятнадцать лет. Далеко смотрят. Стратегически. И так не только в Верхопенье, в преобразившейся Ивне,— по всей Белгородской области.

Ночью я слушал кряканье уток, сытое и сонное.

— Помните, все говорили о стирании граней? — переспросил утром председатель Владимир Алексеевич.— Зачем было себя обманывать? Зачем? Бывало, доярка зацепит стакан, а потом ей не до молока... Ни клуба, ни телевизоров. А теперь как те же доярки переменились! Лики разгладились! Работают красиво.

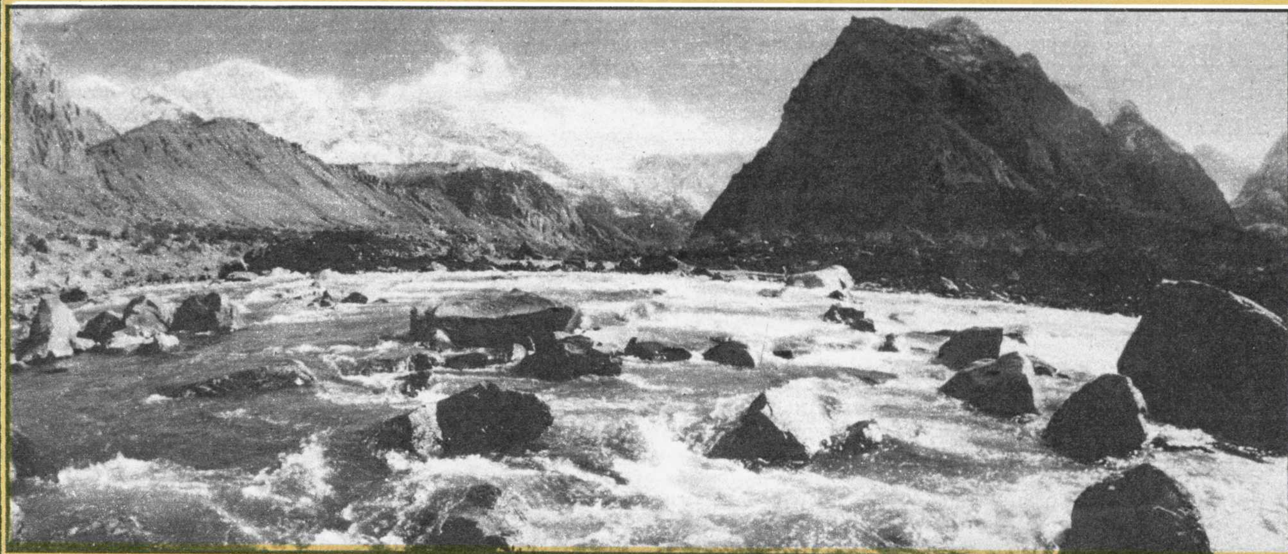
Колхозу люди нужны еще и сегодня. Главная проблема. Объем работ с учетом резкого увеличения производства продукции велик. Надо пересмотреть структуру посевов. Надо бы... Свеклу выращивают только люди со стороны — непосильная в таких размерах культура. Поле не мерено, труд ручной — согбенный. Конечно, селяне теперь сами планируют, да планы-то ихние утверждают там же, где и раньше. Казалось бы, перестроились областные органы, сократили даже собственный аппарат, но ни одного человека не появилось в районе. А из района так никто из специалистов и не появился в селе. Перестройка? Пробуксовка — здесь так говорят. И снова спущен план от достигнутого уровня («Дурость»,— комментировал председатель). И снова спускают «вал» и понуждали продать зерно без оглядки на животноводство... А мечты о твердом планезаказе, о договорных отношениях с государством, о приоритете РАПО — все эти упования перешли вместе с жизнью в новую пятилетку.

Но в сторону проблемы, тем более что они так знакомы, так понятны! Оскомина — естественное ощущение, когда слышишь о великом противостоянии бумаг и словес ветру обновления...

Наметает снега доброго, теплого на озимь. Озимое поле — главный образ надежды. Еще удивили крики петухов. Зимой? Но... пророчили! И громко. Значит, быть перемене в погоде, значит, ляжет снег, не пропадут, выстоят, отдышатся растения озимого хлеба. «Солнце — на лето, зима — на мороз. Верхопенье, Верхопенье, поднимается колхоз!..» А еще буду помнить: «Село горит, а я пашу».

ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

ПОЗДНИЙ РЕЙС НА КРЫШУ МИРА

Борис СМИРНОВ, фото Николая КОЗЛОВСКОГО, специальные корреспонденты «Огонька».

Каждый день начинался для нас одинаково: подъем задолго до рассвета, торопливые сборы, дорога в аэропорт и тревожное ожидание. Наконец, ровно в восемь утра по местному времени — соответственно в пять по-московскому — над притихшими залами ожидания раздавался неумолимый радиоголос: «Пассажирам, следующим до Мургаба, Калай-Хумба, Рушана, Хорога... Ваши рейсы задерживаются по метеоусловиям трассы до семи часов...» Здесь, в Душанбе, стояла мягкая, теплая погода, похожая на московский сентябрь, а в Хороге, куда мы собрались, висели туманы, и это казалось безнадежным: нужна была только отличная видимость, чтобы самолет смог преодолеть самую сложную в мире авиатрассу. Всего пятьсот километров по воздуху, но... уникальная посадка, когда самолет, снижаясь, должен «вписаться» в высокогорное ущелье, едва ли не касаясь крыльями скал... «Рушанские ворота!» — многозначительно произносят авиаторы, и после этих слов здесь принято разводить руками.

Так продолжалось почти неделю, мы закончили в Душанбе все возможные и даже необязательные дела и встали перед выбором: либо ни с чем возвращаться домой, либо... Дело в том, что до Хорога есть еще один путь — по Памирскому автотракту,— но и он, по слухам, в это время года уже закрыт до весны.

— Вам, можно сказать, повезло, завтра в Хорог выезжают десять грузовиков,— обнадежили нас сведущие люди,— говорят, еще можно пробиться через перевал...

И вот мы в автоколонне № 2926, которая «обслуживает» Памирский тракт. Ее начальник Султан Шерипович Шерипов объясняет нам ситуацию — план перевозок в Хорог уже выполнен, но ведь всегда бывает незапланированное «надо сделать...».

— Перевал в снегу. Вчера наши машины из Хорога пришли, правда, одну пришлось оставить в горах,— ровным голосом, привыкшим перекрывать гул моторов, говорит начальник, и по его непроницаемому, словно высеченному из камня лицу горца невозможно понять, пугает он нас или успокаивает. Впрочем, ему, наверное, не до эмоций: и без того хватает хозяйственных забот.

— Большой Памирский тракт, по существу,— единственный путь для грузов в Горно-Бадахшанскую автономную область. Есть еще одна дорога в Хорог — через Ош,— подходит к карте Шерипов,— но это лишняя тысяча километров. Так что основная нагрузка все же на этот участок.— Шерипов прочертил пальцем по карте кривую линию от Душанбе до Хорога по сплошному коричневому пятну, обозначающему горы.— Возим с июня до декабря, день и ночь, всё возим: и продукты, и одежду, и топливо, и стройматериалы... Водители у нас, надо прямо сказать,— настоящие герои. Но мы рекордов не требуем: трасса не та.

— А вы сами по ней ездили?

— Два раза проехал, третий не захотел. Надо бы, чтобы по ней и плановики из министерства хоть раз проехали, а то планируют перевозки так же, как по равнинным трассам. И чтобы выполнить план, приходится отправлять грузовики с прицепами. Мы сколько раз докладывали, что на этой трассе прицепы очень опасны, что водители выматываются за рейс, что новая машина в таких условиях выдерживает не больше трех сезонов, но разве им докажешь...

— Значит, экономически это выгодно?

— С точки зрения тех, кому надо перевезти грузы. А если подходить в целом, с общегосударственной точки зрения — выгода оборачивается убытком. Почему? Машина с прицепом идет в два раза медленнее, люди предельно устают, техника изнашивается. Я вам не буду объяснять, сами в дороге увидите, и ребята расскажут...

Ни ребят, ни машин на базе между тем пока не было. «С утра на складах стоят под погрузкой, порядочки там...» — безнадежно махнул рукой Шерипов. Мы осмотрели всё автохозяйство, побывали в столовой, прошли медосмотр, и лишь к трем часам дня все десять груженых «ЗИЛов» выстроились, наконец, на просторной площадке у конторы.

Наконец-то мы в пути. Асфальт покрыт скользкой пленкой грязи, но «ЗИЛ-130» идет надежно — в кузове восемь тонн груза в заколоченных ящиках: какое-то торговое оборудование. Прицепа, кстати, нет, по такой дороге, как сказал водитель, лезть с прицепом на перевал бессмысленно. Там уже неделю снег, мороз, метель.

Перевал, пере-вал... Слово нависло над нами, два давящих подъемом слога и третий — как выдох облегчения... Водитель Вазир Чупонов не склонен обсуждать эту тему — может, примета у них такая! — но охотно рассказывает о памирской трассе вообще. Он водит по ней машину уже шесть лет, пришел в автоколонну после службы в армии, до того учился в техникуме. Не устал от сложной трассы? Вазир широко, по-детски открыто улыбается, секунды две его взгляд держится на мне — и снова прикован к дороге. Глаза у него голубые, чистые...

— Уже не смогу на других трассах работать. К горам привык. По равнине тоже много езжу, но без гор скучно. Я на Памире родился, в Ванчском районе. Сегодня все, кто в Хорог с нами едет,— тоже памирцы.

— А что, других к вам в автоколонну не берут?

— Нет, почему, у нас отовсюду люди работают. Опыт не меньше трех лет нужен. Сейчас, в декабре, трасса очень сложная. У памирцев с детства привычка к снегу...

На Вазире — толстый свитер плотной домашней вязки с характерным для здешних мест узором, а в остальном — самая обычная городская одежда, и я никак не могу представить себе, как бы Вазир выглядел, скажем, верхом на коне, в чалме или национальном халате... Нет, не получается. Если раньше говорили про человека — родился в седле, то теперь — словно родился за рулем.

Дорога летит и летит под колеса, мы болтаем на самые разные темы, и я вдруг спохватываюсь — может, мешаю вести машину? Вазир успокаивает: в дальние рейсы даже полезно брать пассажиров, они разговорами не дают уснуть за рулем.

— Всегда с пассажирами ездили,

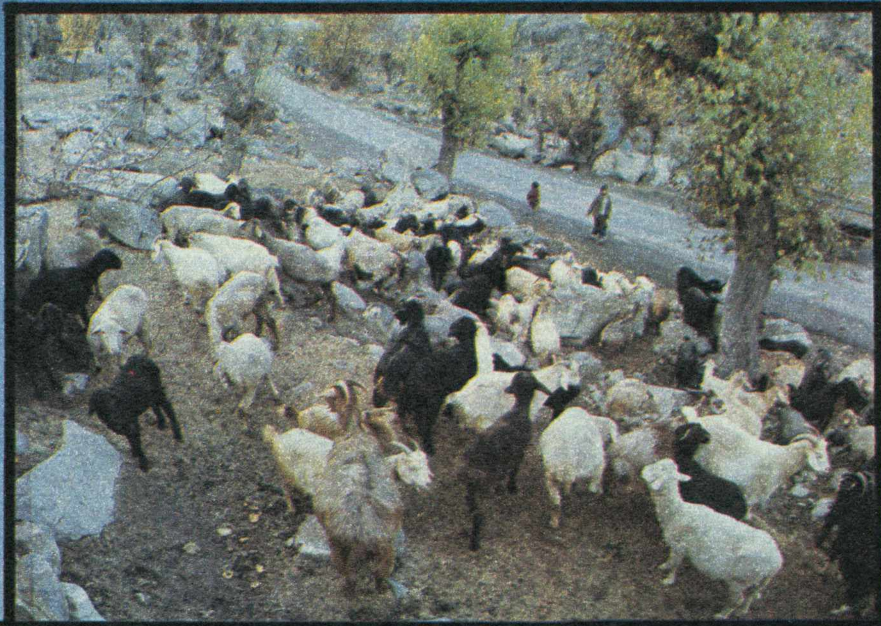
Продолжение на стр. 25.

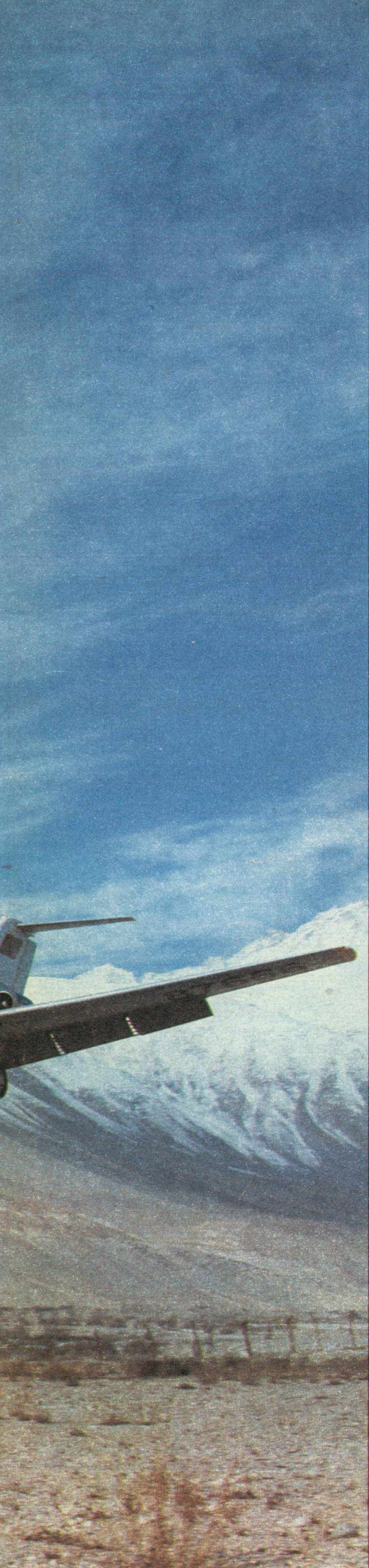
В доме своего отца со своими детьми и внуками живет в Хороге заслуженный учитель Таджикской ССР Шоджон Шонаврузов (на снимке — второй справа).

Вот и встретились два вида транспорта...

ДВЕ ТЫСЯЧИ ДВЕСТИ МЕТРОВ —
НА ТАКОЙ ВЫСОТЕ
РАСПОЛОЖЕН
ХОРОГ.
ГОРОД ТРУДИТСЯ, ОТДЫХАЕТ,
СМОТРИТ
ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ПРОГРАММЫ —
ЖИВЕТ В ЕДИНОМ РИТМЕ
СО ВСЕЙ СТРАНОЙ,
И В ЭТОМ НЕМАЛАЯ ЗАСЛУГА
ЕГО ВАЖНЕЙШЕЙ АРТЕРИИ —
БОЛЬШОГО ПАМИРСКОГО ТРАКТА.

ЛЮДИ НАУКИ

Я учусь на втором курсе Ленинградского института авиационного приборостроения, думаю в будущем заниматься научно-исследовательской работой.

Недавно президентом Академии наук СССР избран академик Г. И. Марчук. Хотелось бы узнать подробнее о его жизни и научной работе. Это интересует не только меня, но и моих друзей, ленинградских студентов, ведь Марчук, кажется, окончил Ленинградский университет.

Е. Парамонова

ВО ВЛАСТИ ПОИСКА

Леонид ГОЛОВАНОВ

В той мере, в какой человек отвечает потребностям эпохи, выражает ее сущностные черты, он утверждает и свою собственную сущность. Отвечает, как говорят философы, своему понятию, восходит к самому себе, к действительной истине человеческого «Я» в высшем смысле этого слова. И тем ярче это проявляется, чем значительнее судьба личности...

Вот о чем невольно думалось мне на недавней сессии Общего собрания Академии наук СССР. Шло избрание нового президента.

Единодушно было мнение коллег, всесторонне характеризовавших Гурия Ивановича Марчука как крупного исследователя-первопроходца, организатора науки, коммуниста, человека глубокой личной порядочности.

И я вспомнил Сибирь, мое первое личное знакомство с академиком Марчуком. Именно в Новосибирском академгородке, в кабинете Михаила Алексеевича Лаврентьева, основателя Сибирского отделения, мне привелось в 1969 году познакомиться с Гурием Ивановичем. Особенно остро врезалась в память его необычайная доброжелательность, как бы заведомая готовность пойти тебе навстречу. Речь шла о сотрудничестве ученых Сибирского отделения с Барнаульским радиозаводом, о начале практического осуществления автоматизированной системы управления промышленным предприятием. Ученые столкнулись с массой совершенно новых научных, технических и административных задач. То было начало наступления, фронт которого ныне чрезвычайно широк, суля громадные возможности ускорения и повышения эффективности общественного производства...

ИСТОКИ

Он родился в семье сельских учителей. Детство его прошло в Саратовской области, в селе Духовницком на берегу Волги. Быт семьи, наполненный повседневными обязанностями, в который, едва встав на ноги, включались и дети. Дома — уют, слепящая чистота, а главное — добрые, теплые отношения. Отец всегда уравновешенный, неизменно спокойный. Мать — сама чуткость, отзывчивость. Рядом сестренка, за которой нужен глаз да глаз, но которая тоже норовит принять во всем участие. Ну, а заготовить дрова, наносить воды и полить огород, починить крыльцо — это уже вполне мужская работа. Вечереет, корова возвращается из стада. «Идем, Ирочка, доить!» — зовет мать сестренку. «А завтра чуть свет все на покос»,— напоминает отец сыну. Для того — праздник. Отец берет его с собой как взрослого!

Война пришла общей бедой. В конце лета 41-го года Гурий с отцом работает на комбайне, затем оканчивает последний, десятый класс.

Зимой в село приехал читать популярные лекции ленинградский профессор — астроном Кирилл Федорович Огородников. Остановился у Марчуков. Его беседа с Гурием определила для последнего выбор профессии.

Конечно, как все мальчишки военного времени, он рвался на фронт. Но ему не вышел срок. Поступил в Ленинградский университет, эвакуированный в ту пору в Саратов, на математико-механический факультет. Через полгода учеба была прервана: он все-таки ушел в армию. Его определили в артиллерийскую инструментальную разведку...

По окончании войны прошел на второй курс того же факультета. Но теперь уже в Ленинграде.

— Меня всегда удивляло, откуда у Гурия уже в ту пору была такая не по годам зрелость,— вспоминает его близкий друг, имя которого я не называю, чтобы уберечь от понятных упреков Гурия Ивановича...— Марчук всегда четко знал, чего хочет, а главное, что нужно делать в первую очередь. Каждый свой шаг соотносил с хорошо осмысленной перспективой, не тратил время на второстепенное, относясь к себе со строгой мерой требовательности. Бывало, его сестра (она стала учиться на соседнем факультете) забежит в читальню: «Гура! Что ты все сидишь? Сходил бы в кино, новый фильм на экране!» «Ирочка! Ну какое кино...» Нет, педантом он не был, находилось время и для друзей, и для того же кинотеатра. Но, честно говоря, в меру. Дела в студсовете общежития, в студенческом научном обществе... Из армии он пришел кандидатом в члены партии, в университете был принят в партию.

Голодно было в те первые послевоенные годы, но как мы были счастливы, что жили, учились, ходили по Ленинграду... Неповторимому, героическому, еще не восстановленному после войны, но все равно прекрасному.

— Ну, а как шла ваша учеба?

— Нам повезло. Мы учились на факультете математики и механики, где сложилась замечательная научная школа с хорошими педагогическими традициями. Наши преподаватели были незаурядными людьми, одержимы любовью к своим предметам, строги и вместе с тем чутки к студентам и аспирантам. С третьего курса они привлекали нас к решению и обсуждению конкретных задач, которыми озабочены были сами. Исключительно яркой фигурой был академик Владимир Иванович Смирнов. Его пятитомный «Курс высшей математики» удостоили Государственной премии СССР. Его лекции незабываемы. Он их не читал, а *исполнял* — артистически, самозабвенно, заражая аудиторию своей увлеченностью... Иногда собирал молодежь у себя на квартире. Кипели горячие споры, общими усилиями преодолевались трудности поиска тех или иных решений. Хозяин дома был щедр на идеи, а они — подобны хворосту, подбрасываемому в костер... Случалось, что-то расклеивалось, искомое не находилось, компания как бы распадалась, Владимир Иванович осторожно удалялся, садился за рояль, и чудные звуки наполняли комнату...

ЗАБОТЫ МАТЕМАТИКА

Человеку, далекому от математики, должно быть странно, как это бегущие по белому листу бумаги замысловатые черные крючочки, перемежающиеся с буквами латинского алфавита, могут приковывать к себе необычайное внимание, вызывать многочасовое напряжение умственных и физических сил, огорчать, радовать, доставлять огромное удовлетворение, заставлять кипеть страсти. Но сознание, войдя однажды в этот иллюзорный мир, отражающий нечто очень существенное из мира действительного, и испытав здесь напряжение поиска и радость открытия, навсегда будет очаровано эфемерным царством, обладающим отнюдь не эфемерной силой.

Студент Марчук, свидетельствуют его однокашники, был, как никто, жаден до учебы. Но случилось так, что на экзамене по курсу функций с комплексными переменными ему поставили четверку... «Не имеет значения,— сказал он товарищу в ответ на его недоумение.— Все равно я буду знать этот предмет как надо». И продолжал в последующие семестры самостоятельно углублять свое понимание этого курса, уходя все дальше и дальше от учебной программы.

— Тут, знаете ли, дело не в самолюбии, но что-то от спортивной злости,— вспоминает его друг.— Расскажу такой случай. В ноябре сорок пятого года (а Марчук пришел к нам после демобилизации в октябре) в университете был объявлен большой кросс на довольно длинную дистанцию. Комсомольское бюро взяло Гурия за бока: побежишь за факультет. «Но я же не спортсмен!» «Неважно, солдаты все спортсмены». «И тапочек у меня нет...» «Ничего, можно в сапогах. Ты вот только вон того, с физфака, держись и обгони, а об остальных не думай». Мы шутили: физфаковец-то университетским чемпионом был...

Стоим у арки Генерального штаба, ждем, «болеем» и вот глядим: бежит наш Гурий, в кирзовых сапогах, в галифе, в майке,— не поверили — первым! Обогнал чемпиона!

Спортивное «чемпионство», впрочем, Марчука не увлекло. Другие интересы поглотили всецело. Но есть у него в характере и до сих пор: в нужный момент собраться и выстоять, несмотря ни на что.

— После окончания университета он пригласил меня к своим родным, на Волгу. В один из первых же дней потащил косить сено. Нужно было видеть, с каким удовольствием он это делал и как ладно у него получалось. В этой крепкой хватке трудового человека — корень всего. В том числе и научных успехов академика Марчука.

...В Ученых записках Ленинградского университета более чем тридцатипятилетней давности, в серии математической, затерялась статья под непритязательным заголовком, подобных которому тысячи: «О задаче Лэмба в случае полупространства».

Для непосвященных сочетание сих слов — почти криптограмма. Для посвященных — ничего особенного, просто очередное, хотя и небезынтересное, применение дифференциальных уравнений с частными производными к одной из задач в теории упругости. Однако авторам — профессору и двум аспирантам — статья всегда будет дорога как живая память о пережитом. Для Марчука, тогда еще едва испеченного выпускника университета, как и его однокашника Константина Огурцова, то был успешный дебют; для молодого доктора физико-математических наук Георгия Ивановича Петрашеня — выведение в свет своих питомцев.

Друзья поздравляли: «Ты же не только отличный диплом защитил, но и обеспечил себе задел на кандидатскую!..» Он лишь улыбался в ответ, а мысли убегали далеко вперед. Дальнейшее направление его работ оказалось иным, нежели полагали учителя.

Он стал аспирантом Г. И. Петрашеня и продолжал заниматься твердым телом. Но неожиданно получил приглашение переехать работать в Москву, в Геофизический институт АН

Президент АН СССР академик Гурий Иванович МАРЧУК. Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

СССР. Поредевшие за время войны коллективы институтов Академии наук пополнялись молодыми талантливыми учеными. Гурия пригласили в отдел, возглавляемый членом-корреспондентом АН СССР И. А. Кибелем. Это была хорошая школа для начинающего исследователя.

Через два года он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Динамика крупномасштабных полей метеорологических элементов в бароклинной атмосфере».

Полученные им результаты считаются теперь вполне классическими.

Решительным поворотом в судьбе Марчука явилось приглашение его в город Обнинск, в физико-энергетический институт. Уйдя с головой в новую проблематику, он впервые предлагает математически моделировать ядерные реакторы.

Его доклад «Некоторые вопросы физики ядерных реакторов и методы их расчета» представлен на международную конференцию в Женеве. Монография получает широкую известность у нас в стране и за рубежом. В 1961 году доктор физико-математических наук Г. И. Марчук удостаивается Ленинской премии. В следующем — его избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Во время этого стремительного взлета академики Сергей Львович Соболев и Михаил Алексеевич Лаврентьев, можно сказать, перехватили, увлекли его в Сибирь, к себе, в еще только строящийся Новосибирский академгородок.

Михаил Алексеевич Лаврентьев был первоклассным математиком и на развертывание фундаментальных математических исследований делал главную ставку при организации регионального научного отделения. Это в дальнейшем предопределило плодотворность всех других научных направлений. Но вот что существенно: у него был верный взгляд и тонкая интуиция не только в сфере математических символов, а и в оценке людей, о чем можно судить по подбору им кадров.

Пригласив Марчука в Институт математики, Лаврентьев поручил ему на базе институтского вычислительного центра организовать самостоятельное научно-исследовательское учреждение, которое смогло бы активно участвовать в развитии науки и производства Сибири. Была всего лишь одна электронно-вычислительная машина М-20 да небольшой молодой коллектив, в составе которого три доктора и три кандидата наук...

Менее чем через два года состоялось официальное открытие Вычислительного центра Сибирского отделения Академии наук СССР. Через десять лет в его штате работало два академика, три члена-корреспондента, пятнадцать докторов и около ста кандидатов наук. Они не пришли со стороны. Они выросли здесь.

В какой-то момент стало ясно, что генеральное направление дальнейшего прогресса вычислительной техники связано с коллективным использованием всех ее средств. Но как это сделать?

Несколько месяцев в Вычислительном центре ни о чем другом не говорили, а кто-то, не лишенный юмора, напечатал в ста экземплярах синтезированную фотографию: в центре был изображен Марчук, строго смотрящий вперед, с вытянутой рукой и указующим перстом, внизу — многозначительная надпись: «Что ты сделал для проблемы коллективного использования ЭВМ?»

— Шутка шуткой,— вспоминает Гурий Иванович,— но и она внесла свою лепту. Через год мы уже имели такую систему...

Спустя некоторое время Марчука избрали заместителем председателя Президиума Сибирского отделения, сохранив за ним руководство Вычислительным центром.

Отдавшись всецело новым обязанностям, он не порвал, однако, своих прежних сердечных привязанностей. Я имею в виду ту же погоду, которой он занимался у Кибеля. Он взялся теперь за математическое моделирование атмосферных процессов. Затем провел цикл исследований, моделируя изменения воздушной среды из-за промышленных загрязнений, решил задачу наиболее удобного и экологически выгодного размещения предприятий с точки зрения хозяйственных интересов и одновременно всемерного благоприятствования биосфере. Отсюда он вышел на фундаментальные в математике проблемы «минимакса», практические приложения которых находят широкое применение в задачах оптимизации.

Постоянный интерес к новым, неожиданным применениям математики вывел ученого и на медицинские проблемы, на иммунологию. Предложенный им способ математической обработки медико-биологической информации позволил врачам, сравнивая две независимые величины, два индекса тяжести заболевания (клинический и лабораторный), судить об интенсивности патологического процесса и на этом основании вырабатывать тактику лечения. И все это — при непрерывном исполнении сложных организаторских функций. Можно было только удивляться, как на все ему хватало времени!

РАДОСТЬ — В ТВОРЧЕСТВЕ

Однажды Гурия Ивановича попросили выступить в университете одного из волжских городов с докладом о проблемах математики. После выступления к нему подошел молодой человек, назвавшийся доцентом.

— Хорошо там у вас в Академгородке: сколько хочешь проблем, а нам где их взять?..

— Позвольте,— изумился Марчук,— да разве, обращаясь к любой теме, вы не упираетесь в конце концов во что-то непонятное? Вот вам и проблема — беритесь за нее и решайте.

Мудрость жизни проста. Мы приходим к пониманию этого опытом многих лет, не всегда черпая его должным образом из опыта старшего поколения. А молодость нетерпелива и часто, не довольствуясь тем, что вблизи, смотрит в сторону... Как важно, устремляясь вперед, иметь прочную почву под ногами. Общаясь с молодежью, Гурий Иванович предостерегает: бойтесь поверхностности во всех ваших делах и начинаниях — она закрывает путь к творчеству.

Когда в 1975 году Михаил Алексеевич Лаврентьев ушел с поста председателя Сибирского отделения, чтобы сосредоточить свои силы исключительно на научной работе, Марчук взвалил на свои плечи всю тяжесть руководства сибирской наукой, развивая далее уникальный опыт, главное в котором — сочетание фундаментальных научных поисков и разработок с непосредственным приложением их результатов в народном хозяйстве, а также с подготовкой новых научных кадров. По его предложению силы и ресурсы стали концентрироваться на важнейших, ведущих направлениях, усилились математизация и автоматизация исследований, расширилось применение вычислительной техники, теснее стала кооперация НИИ Сибирского отделения с академическими и отраслевыми институтами страны, высшими учебными заведениями, с научными учреждениями социалистических стран. Под руководством Марчука была сформулирована крупномасштабная программа «Сибирь», направленная на научное обоснование комплексного освоения природных ресурсов Востока и Севера, на выделение важнейших проблем развития производительных сил огромной территории страны и определение таких путей их решения, которые обеспечили бы максимальные темпы развития ее экономики.

Логика дальнейших событий вывела его на высокий пост заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госкомитета СССР по науке и технике. Мне довелось тогда наблюдать его в новом качестве.

Он остался по-прежнему естественен, демократичен, с той же поразившей меня при первой встрече почти двадцать лет назад деликатностью, чуткой встречной реакцией.

Рабочий день председателя был крайне перегружен разнообразными ведомственными и межведомственными делами, ответственными встречами, заседаниями, совещаниями... Проблемы повышения эффективности управления народным хозяйством, ускорения научно-технического прогресса, реконструкции, технического перевооружения и модернизации производственных мощностей на базе последних достижений науки и техники, усиления взаимодействия научных учреждений и промышленных предприятий, сокращения сроков внедрения открытий и изобретений в народнохозяйственной практике — все это непрерывно проходило через «фильтры» подчиненного ему аппарата. На стол ежечасно поступала соответствующая документация, требующая принятия ответственных решений. И среди этой круговерти Гурий Иванович ухитрялся вести научную работу, оставаться выдающимся ученым, математиком. В короткий перерыв он мог вызвать своего сотрудника:

— Вы помните письмо Ленина 1921 года в Центральное статистическое управление, в котором он писал о необходимости выработать «index-number», число-показатель», выражающее состояние нашего народного хозяйства?.. Экономисты до сих пор сомневаются в такой возможности. А не обсудить ли этот вопрос у вас в отделе?..

Каждый четверг после окончания рабочего дня в комитете Марчук вел научный семинар, в котором принимали участие специалисты Москвы, Ленинграда, городов Сибири, Дальнего Востока, научных центров союзных республик. Обсуждавшиеся здесь проблемы невозможно сформулировать в рамках одного научного направления ввиду их комплексного характера. Решение их нуждается в ученых нового типа, способных понять и связать друг с другом суть явлений ряда смежных наук. Именно к таким ученым уместно отнести самого академика Марчука.

Когда однажды кто-то сочувственно ему попенял: зачем, мол, ему дался этот семинар,— он в сердцах ответил:

— Не могу, иначе не могу, ведь это моя действительная жизнь.

К своим же обязанностям он всегда относился с полным сознанием ответственности.

...Все радости жизни в творчестве, сказал Ромен Роллан. Не в этом ли смысл человеческой жизни? Отдаваясь всецело ему, человек движется вперед и выше. И тем стремительнее, чем более дело его отвечает объективной необходимости...

«СУДЬ

Феликс МЕДВЕДЕВ

ДЕСЯТЬ ВЕЧЕРОВ У АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

Он вскрикивал неожиданно и протяжно. К этому нельзя было привыкнуть, и каждый раз я не знал как себя, вести: молчать, сочувствовать, извиняться?

— Фантомная боль — ощущение отсутствующей ноги,— пояснила Татьяна Алексеевна.— Два года, с зимы сорок первого по зиму сорок третьего, Арсений Александрович пробыл на фронте. И почти все время на передовой...

В Переделкинском Доме творчества в маленькой комнатке живут сейчас поэт А. А. Тарковский и переводчик Т. А. Озерская, жена, адресат многих его лирических стихотворений. Я неожиданно вторгся в их размеренное бытие и в течение десяти вечеров слушал рассказы о жизни и работе в литературе одного из лучших наших поэтов.

Больше говорила Татьяна Алексеевна. Половина жизни Арсения Александровича прошла на ее глазах, и мне показалось, что она знает о нем почти все. Самому ему говорить было трудно: недавно перенесенная болезнь отняла много сил. Он быстро уставал, и тогда мы медленно поднимались с ним на второй этаж, где в кафе заваренный на травах чай возвращал ему чуточку бодрости.

Биография любого человека интересна современникам, биография

БА МОЯ СГОРЕЛА МЕЖДУ СТРОК»

Т. А. Озерская и А. А. Тарковский, Переделкино, декабрь 1986 года.

А. А. Тарковский и А. Т. Твардовский на фронте, 1942 год.

этого моего собеседника интересна вдвойне. Ибо все в ней волнует, заставляет оглянуться, задуматься над творчеством художника, написавшего:

Я бессмертен, пока я не умер,
И для тех, кто еще не рожден,
Разрываю пространство, как зуммер
Телефона грядущих времен.

...Гражданская война. Завладев городом Елизаветградом, атаманша Маруська Никифорова допрашивала пленных в штабе, расположенном в бывшем кавалерийском училище. Все знали, что атаманша мстит за смерть своего мужа.

Она сидела в кресле, опустив голову. Короткие прямые волосы, свисая, закрывали лицо. На столе—«маузер». За спиной — охранник в тельняшке. Пленных предварительно содержали в кордегардии, а потом приводили на допрос.

Перед атаманшей стоял мальчик лет двенадцати. Среди задержанных был и его старший брат, пытавшийся бросить бомбу в атаманшу.

— Я же сказала, не брать хлопчиков,— приподняла голову Маруська.

Потом открыла ящик стола, достала ярмарочный, витой леденец и, поглаживая по голове, протянула ему: «Гарный хлопчик...»

Казаку, приведшему ребенка, было дано распоряжение вернуть его домой и взять от родителей справку, что довел благополучно. Проходя коридорами кавалерийского училища, где мальчику было все так знакомо, ибо здесь преподавал математику его дядя, казак чертыхался и, приговаривая «набрыдло все», как-то жалобно стонал.

На стук в окно выглянула мать:

— Где же ты был, я весь город обегала... Не сидится дома, смотри, что творится кругом!

Мальчик признался, что был в плену, но постыдился сказать, что у Никифоровой, а казак многозначительно добавил: «Атаманша». В записке, которую дала казаку народная учительница Мария Даниловна, говорилось: «Арсения Тарковского, ученика 3-го класса гимназии Крыжановского, доставили домой и проводили благополучно».

Отец будущего поэта Александр Карлович — любимый герой всей его жизни, народоволец-восьмидесятник. Более десяти лет протомился он в якутской ссылке, где вел обстоятельные записи об этой земле, ее людях, обычаях. О тех, кто волею судеб оказался рядом с ним. Когда в 1920 году буденновская армия взяла Елизаветград, Александра Карловича пригласили в особый отдел Первой Конной, чтобы «объясниться» по поводу посылки и письма, пришедших на его имя из Польши. Письмо гласило: «Дорогой Саша! Я теперь неплохо устроился, я маршал Польши. Целую тебя. Приезжай, привози семью, коли женат. Твой Юзеф». «Судьбою правит случай» — бывший ссыльный припомнил некогда знакомого человека по фамилии Пилсудский. Неужели это он?

Времена были крутые, и Александр Карлович понимал, что́ значит получить вести от руководителя военными действиями против Советской России со стороны Польши. Собираясь в особый отдел на беседу, он догадался взять с собой письмо Ленина, в котором Владимир Ильич, лично знавший А. К. Тарковского, просил его написать воспоминания о «Народной воле». Письмо это и спасло ему жизнь.

— Письмо Ленина я отдал в Музей Революции сразу же после смерти отца, еще в двадцатые годы,— сказал Арсений Александрович...

В 1925 году А. Тарковский окончил профтехшколу. Небольшой украинский городок, где он жил, слыл центром культурной жизни. Сюда приезжали известные композиторы, музыканты, писатели. Выступал с лекциями Бальмонт. Одно из памятных детских потрясений — вечер знаменитых российских поэтов Игоря Северянина и Федора Сологуба. До сих пор Арсений Александрович не может понять, почему ему понравился именно Сологуб. Но случай этот не остался без последствий. Юноша, всерьез начавший «жить стихом», решается на поездку в Ленинград.

— Мне очень хотелось еще раз увидеть Сологуба, поблагодарить его за стихи, сказать, что я помню его с детства. С трудом в незнакомом городе нашел я квартиру знаменитого поэта. Когда вошел к нему, он был грустен: не заживала душевная рана после гибели любимой жены и друга Анастасии Николаевны Чеботаревской. За стеной назойливо играли гаммы. Я спросил Федора Кузьмича, не удручают ли они его. «Нет, мне не так одиноко». Поставили три прибора. Третий для той, ушедшей из жизни,— такой в этом доме был ритуал.

Сологуб долго расспрашивал о Елизаветграде, о родителях, о любимых поэтах, долго не отпускал и лишь под конец неожиданно спросил: «А сами-то вы стихов не пишете?» Я признался в своем «грехе». Он попросил почитать что-нибудь и, выслушав, вынес приговор: «Это очень плохие стихи, молодой человек, но вы не теряйте надежды, пишите, быть может, что-нибудь у вас и получится». Эти слова запомнились на всю жизнь.

Когда я уходил, хозяин дома подал пальто. Я смутился, а он пошутил: «Молодой человек, я подаю вам пальто не из подхалимства, а потому что я член добровольного общества взаимного подавания пальто». И уже почти вдогонку он предложил мне свою книжку, но взять ее я не посмел. Больше мы не встречались.

* * *

О дружбе А. Тарковского с М. Цветаевой в короткий отрезок времени— от ее приезда из-за границы в Москву до отъезда в эвакуацию — ходят легенды. Одна из них окрашена в романтические тона. На самом деле все было иначе. И проще. Через переводчицу Яковлеву Тарковский послал Марине Ивановне книжку стихов переведенного им туркменского поэта Кемине. Перевод ей очень понравился, и она ответила запиской: «Вы все можете». Состоялось личное знакомство, перешедшее в пылкую, но кратковременную дружбу. Марина Ивановна жила тогда в маленькой комнате невдалеке от Главпочтамта. Он приходил к ней в гости, и они отправлялись гулять. Цветаева любила ходить пешком, используя для этого любую возможность. Маршрут их прогулок проходил по улице Мархлевского, Рождественскому бульвару, Сретенке. Шагала она удивительно быстро, и спутник едва поспевал за ней. Беседовали в основном во время прогулок. Она подолгу рассказывала о своей любимой Праге, о парижской жизни, о превратностях судьбы.

Однажды Тарковский застал Цветаеву за стиркой белья. Позже родилось стихотворение:

Марина стирает белье.
В гордыне шипучую пену
Рабочие руки ее
Швыряют на голую стену.

Белье выжимает. Окно —
На улицу настежь, и платье
Развешивает.
                Все равно,
Пусть видят и это распятье.

Гудит самолет за окном,
По тазу расходится пена,
Впервой надрывается днем
Воздушной тревоги сирена.

От серого платья в окне
Темнеют четыре аршина
До двери.
                Как в речке на дне —
В зеленых потемках Марина.

Два месяца ровно со лба
Отбрасывать пряди упрямо,
А дальше хозяйка — судьба
И переупрямит над Камой...

Во время одной встречи Тарковский прочитал Цветаевой только что сочиненное им стихотворение:

Стол накрыт на шестерых,
Роза да хрусталь,
А среди гостей моих
Горе и печаль.

И со мною мой отец,
И со мною брат.
Час проходит, наконец
У дверей стучат.

Как двенадцать лет назад,
Холодна рука,
И не модные шуршат
Синие шелка.

И вино поет из тьмы,
И звенит стекло...
Как тебя любили мы —
Сколько лет прошло.

Улыбнется мне отец,
Брат нальет вина,
Даст мне руку без колец,
Скажет мне она:

«Каблучки мои в пыли,
Выцвела коса,
И звучат из-под земли
Наши голоса».

Уже в пятидесятых годах от писательницы М. Белкиной он узнал о том, что существует как бы ответное стихотворение поэтессы:

Все повторяю первый стих
И все переправляю слово:
— «Я стол накрыл на шестерых...»
Ты одного забыл — седьмого.

Это стихотворение было опубликовано в «Огоньке» (№ 42, 1982). Как оказалось, этот подлинный шедевр цветаевской лирики — одно из самых последних ее творений. Помечено стихотворение 6 марта 1941 года.

* * *

Сохранилась фотография, запечатлевшая А. Тарковского и А. Твардовского на фронте. Я попросил Арсения Александровича прокомментировать этот снимок. Одиннадцать раз писал он заявления с просьбой взять его в армию и каждый раз получал отказ. Потом наконец добровольца мобилизовали. Работал он в должности писателя армейской газеты «Боевая тревога».

Сочинял юмористические статьи и рассказы. А главное было — не раствориться, не растеряться в этом аду и хаосе.

— На нас шли немецкие танки. Я прыгнул в окопчик, на меня свалился другой человек и стал душить меня. Видимо, от страха и ужаса. И тогда на живом узоре моей памяти завязался еще один узелок: никогда, никогда не терять своего человеческого образа. Даже в такой обстановке, даже на войне, даже на краю гибели...

А как много доброго открыл он на фронте в людях! Сколько встреч, запомнившихся на всю жизнь, преподнесла война. Однажды, заглянув в палатку к гвардии капитану Тарковскому, соснувшему после ночного задания, командарм Константин Константинович Рокоссовский приподнял край шинели, накрывавшей спящего человека, и в ответ получил пару крепких ругательств. Арсений Александрович не знал, кто его потревожил. Командующий, смутившись, произнес: «Виноват»—и вышел. Вроде бы случай, курьез, но он характерно дополняет прозу сурового быта войны.

За участие в боях с фашистами А. А. Тарковский награжден орденом Красной Звезды, медалями. После ранения разрывной пулей он перенес три тяжелые операции и лишился ноги.

Весной 1945 года А. Тарковский выписывается из госпиталя и начинает усердно заниматься переводами. В Союзе писателей СССР состоялся его первый творческий вечер. Выступившая на нем Маргарита Алигер сказала: «Перед нами поэт милостью божьей, нужно издать его книгу».

* * *

В один из вечеров я попросил Татьяну Алексеевну рассказать о молодом Тарковском, о том, как они встретились.

— Однажды, это было весной сорок второго года, я пришла в Союз писателей за пайком и увидела красивого молодого человека в военной форме, вероятно, приехавшего на побывку. Он поразил меня тем, что, как птица, перелетал из комнаты в комнату, и я успела подумать: ну и стремительность!

А в конце 43-го года в том же Союзе я услышала рыдающий голос Сусанны Мар: «Какой кошмар! Тарковскому ампутировали ногу». И я грешным делом произнесла про себя: «Господи, что же так кричать, голова то цела, а ведь столько людей и головы сложили». А в мае сорок четвертого однажды в Переделкинском Доме творчества я увидела человека в военной форме на костылях и передо мной снова возник образ птицы, но со сломанным крылом. Спросила: «Кто это?» Ответили: «Разве вы не знаете, это Тарковский». Не успела я опомниться, как меня извещают: «Сегодня он будет читать свои стихи, приходите». Я в те дни переводила своего любимого О'Генри и, поддавшись какому-то внутреннему сопротивлению, на вечер не пошла, а устроилась с рукописью на верхней террасе.

По совпадению чтение стихов молодым поэтом происходило на нижней. И вот до меня доносится красивый мужской голос: «В жаркой женской постели я лежал в Симферополе...» «Боже, какая пошлость,— подумала я,— как хорошо, что не пошла на вечер». Но человек продолжал читать, и я невольно снова прислушалась. И буквально в течение минуты все во мне изменилось: я поняла, что первое впечатление было обманчивым. Случаются неудачные строки и у хороших поэтов, а на самом деле там, внизу, звучат настоящие стихи. Все, что читал Тарковский, произвело на меня огромное впечатление. На вечере мы и познакомились, а позже, в 1946 году, поженились.

* * *

С А. А. Ахматовой Тарковский впервые увиделся на квартире поэта Г. Шенгели в 1946 году. Он был приглашен специально для этой встречи. Знакомство началось с забавного эпизода. Арсений Александрович взял в руки небольшую шпажку, которой баловался хозяин дома, и Анна Андреевна пошутила: «Ой, кажется, мне угрожает опасность?» «О нет, Анна Андреевна, я не Дантес»,— почему-то выпалил гость. Всегда находчивая Ахматова растерялась: «Я не знаю, как мне ответить на такой комплимент».

Тарковский прочитал какие-то стихи, и Ахматова заметила, что они похожи на стихи Мандельштама. Следующая встреча произошла в Голицыне в Доме творчества, а потом они виделись все чаще и чаще.

— Арсений Александрович, я слышал, будто бы Анна Андреевна выглядела королевой, гордой и неприступной?

— Нет, королевой она не была. Во всяком случае, мне так не казалось. Правда, однажды, когда ей сказали, что Эльза Триоле приглашает ее в Париж, Ахматова действительно по-королевски парировала: «Не понимаю, почему она меня приглашает, я же не зову в Москву римского папу».

Как-то я поссорился с ней из-за Модильяни. Я посмел сделать замечание по поводу ее воспоминаний о встречах со знаменитым художником — они мне не понравились. «Лучше бы вы стихи писали, а не пишется, думали бы о Боге»,— сказал я Ахматовой.

— Арсений пришел домой ужасно расстроенный,— вступает в разговор Татьяна Алексеевна.— «Я поссорился с Ахматовой»,— сказал он убитым голосом. Тогда я посоветовала ему завтра же купить большой букет цветов, стать перед ней на колени и извиниться.

Но Арсений Александрович ничего этого не успел сделать. Раздался телефонный звонок. «Это говорит Ахматова,— послышалось в трубке,— вместо того, чтобы нам ссориться, браниться, нужно поддерживать друг друга, хвалить добрым словом».

Разве королева могла так поступить?! Далеко не каждый смертный в такой ситуации простил бы обиду. Ахматова была цельным, умным человеком.

В архиве Тарковского сохранились две телеграммы от Ахматовой. Они связаны с выходом его первой книжки «Перед снегом». Прочитав ее, Анна Андреевна сначала телеграммой поздравила Тарковского, а потом позвонила и сказала, что если теперь, не дай бог, с ним что-нибудь случится, то ей будет жаль его гораздо больше. Ахматовой нравились его стихи. Особенно стихотворение «Когда б на роду мне написано было лежать в колыбели богов». Вечером Тарковский оставил ей автограф этого стихотворения, а утром она позвонила ему и похвалила стихи.

Дружба с великой поэтессой была сердечной, искренней. Ее смерть поразила Тарковского. Он не находил себе места. Сопровождал ее тело в Ленинград, присутствовал при отпевании у Николы Морского, хоронил в Комарове. Тогда же появились стихи:

Когда у Николы Морского
Лежала в цветах нищета,
Смиренное чуждое слово
Светилось темно и сурово
На воске державного рта.

Но смысл его был непонятен,
А если понять — не сберечь,
И был он, как небыль, невнятен
И разве что — в трепете пятен
Вокруг оплывающих свеч.

И тень бездомовной гордыни
По черному Невскому льду,
По снежной Балтийской пустыне
И по Адриатике синей
Летела у всех на виду.

* * *

А. Тарковский — блистательный мастер стихотворного перевода, он высоко оценен на этом поприще и критикой, и читателями. Одна из самых близких сердцу работ и самая, пожалуй, значительная — перевод стихов выдающегося туркменского поэта XVIII века Махтумкули.

Тарковского пригласил на эту работу Союз писателей Туркмении, и с осени 1946-го по июнь следующего года он жил с женой в Ашхабаде.

— Еще по подстрочникам,— вспоминает Татьяна Алексеевна,— которые, как известно, лишь первоначальное «сырье» для переводчика, он поразился глубине мысли Махтумкули. Он бегал по комнате, читал и все время приговаривал: «Ты только послушай».

Однажды был такой смешной эпизод. Арсений Александрович закончил перевод стихотворения «На смерть сына», вскочил со стула и, радостный, возбужденный, в восторге упоения от самого себя, закричал: «Я, как Пушкин, готов кричать: «Ай да Арсик, ай да сукин сын! Мне тоже хочется скакать на одной ноге!» — и прочитал мне стихотворение:

Скажите лжецам и глупцам —
Настало их подлое время.
Скажите безумным скупцам —
Казна — бесполезное бремя.

Скажите подруге моей —
Растерзан я на сто частей;
В песках раскаленных степей
Сгорело пшеничное семя.

Базар мой расхищен, я пьян,
Я болен, я гибну от ран,
Слепит меня горный туман
И грузом ложится на темя.

Мой сын не дождался меня:
Он мертв. Из Хивы я три дня
Скакал, и язвило коня
Мое сумасшедшее стремя.

Ты смотришь на лик восковой.
Фраги, в этот час роковой
Молчи. Твой язык огневой
Печалит родимое племя.

Он — в восторге, я — в восторге, но вдруг Арсений подходит к столу, хватается за голову: «Я застрелюсь, я утоплюсь!» «Что такое?» «Я пропустил одну строфу». «Ну так переведи ее» «Ее перевести нельзя». «Почему?» «Я использовал все имеющиеся рифмы: племя, стремя, бремя, время, семя, темя». «Не может быть, чтобы в русском языке не было еще одной такой рифмы». «Нет, больше нет, не успокаивай меня, я полон отчаяния».

Подхожу к столу, начинаю сравнивать с подстрочником. Где же пропущенная строфа? Оказалось, что все на месте, ему просто почудилось, настолько он был возбужден, что строфа выпала.

Но любопытно другое. Когда мы приехали в Москву и по словарю русских рифм проверили мои сомнения, оказалось, что прав был Арсений Александрович, действительно, подобных рифм больше нет в нашем языке.

Александр Фадеев взял читать Махтумкули и спустя несколько дней собрал секретариат Союза писателей, пригласив на него директоров издательств «Советский писатель» и Гослитиздат. Когда все собрались, он предложил Арсению Александровичу прочитать что-нибудь из сделанного в Ашхабаде, после чего безапелляционно произнес: «Я считаю, что эти переводы необходимо немедленно издать, причем сразу же в двух издательствах. Кто «за»?» Все подняли руки. И произведения Махтумкули, до того малоизвестные русскому читателю, сразу же стали популярными. А сегодня мы не можем представить нашу богатую многонациональную литературу без замечательных творений одного из лучших поэтов Востока.

Переводческая деятельность Тарковского, продолжающая лучшие интернациональные традиции русской литературы, важна именно в наше время сближения народов, когда люди озабочены самой главной из проблем — задачей сохранения жизни на Земле.

Год, проведенный над переводами Махтумкули, никогда не забудется. Не забудутся забота туркменских товарищей, поездки по республике, знакомства с людьми.

Осенью сорок восьмого года мы снова собрались в Ашхабад. Вместе с нами должен был лететь один наш коллега. Мне почему-то хотелось добираться поездом, и я долго уговаривала его и мужа.

В конце концов мужа я сумела уговорить. Когда же мы прибыли в Ашхабад, нашему взору предстала страшная картина разрушительного землетрясения. Поезд пришел буквально перед самым последним толчком. Как потом выяснилось, наш коллега, прилетевший самолетом, погиб.

Из Туркмении Тарковский выехал в Каракалпакию, где ему предложили переложить знаменитый эпос «Сорок девушек». О нем упоминается еще в сочинениях Геродота. В Нукусе хватили лиха. Время было трудное, страна отогревалась после военных невзгод. Жили Тарковские в неуютной гостиничке, без каких бы то ни было удобств. Двери не запирались, окна нараспашку, невдалеке выли шакалы. Еда самая скудная. Ко всему прочему Арсений Александрович заболел малярией и тропической лихорадкой.

И все-таки работу свою он завер-

шил. Мало того, это был еще один его выдающийся переводческий вклад в дело дружбы литератур и народов нашей страны. Работу эту можно считать оригинальной, ибо двенадцать тысяч строк эпоса «Сорок девушек» записывались за сказителями.

При обсуждении в СП СССР ученый-фольклорист Л. Климович прямо заявил: «Нередко читаешь тот или иной эпос, плохо переведенный, и тянет ко сну, так вот, почти впервые я прочитал до конца такую большую и увлекательную вещь». Это была высокая похвала мужественному труду замечательного переводчика.

Лишь немногие любители поэзии да книголюбы знают, что книга Тарковского «Перед снегом» — это не первая его книга, а вторая. Судьба первой такова. Она была сдана в издательство «Советский писатель» и ушла в набор, когда появилось постановление ЦК КПСС о журналах «Звезда» и «Ленинград». Директор издательства решил на время, пока, как говорится, улягутся страсти, задержать выпуск книги. Поэтому матрицы в типографии «законсервировали» на несколько месяцев. В этот период сменилось руководство издательства, и новый директор принял решение заново отрецензировать рукопись. И набор рассыпали.

А. Тарковский, и до того мало заботившийся о своем литературном хозяйстве, о своей творческой репутации, начисто потерял интерес к изданию стихотворений. И только благодаря настойчивости Татьяны Алексеевны книга стихов «Перед снегом» была собрана, отнесена в издательство «Советский писатель», получила в высшей степени одобрительные отзывы М. Алигер и Е. Златовой и увидела свет в 1962 году (Арсению Александровичу, увы, было уже пятьдесят пять), сразу же став событием в современной поэзии.

* * *

Заговорили о любимых А. Тарковским поэтах. Первый из первых тот, что всегда был с ним,— Пушкин.

— А все началось со сказок. Мне было семь лет. В подарок я получил большой серо-голубой однотомник. Спрятался с ним в чулане, чтобы никто не мешал, и меня искали по всему дому до глубокой ночи. В моей детской библиотечке все книги стояли по алфавиту и были перенумерованы. Но Пушкин? Пушкина я поставил особняком, нацарапав на нем: «Номер один». Я не мог поместить его в толпу других книг. Так первым он и прошел через всю мою жизнь.

Он и сейчас для меня жив. Это самый близкий мне, моему сердцу друг, живой, только отъединенный от меня пространством и временем.

Я всегда веду с ним беседу, вопрошаю, ищу ответа и совета. Я не могу думать о его судьбе, о дуэли. Только о стихах. Наипрекраснейших в нашем подлунном мире. Глубина их бездонна и неисчерпаема. В них и мудрость, и музыка. В них — Россия и Вселенная. В самые радостные и в самые печальные, в самые трудные и сложные минуты моей жизни его стихи звучат в памяти. В душе. Помогают жить. Он — наставник и учитель.

* * *

Арсений Тарковский по-детски равнодушен к популярности, к каким-либо окололитературным пересудам. Радуется он лишь тогда, когда получается хорошее стихотворение и оно кому-то нравится. В особенности человеку, мнение которого Арсению Александровичу небезразлично.

Пишет Тарковский мало. «Избранное», вышедшее несколько лет назад, в сущности, вместило почти все, что сделано. Интересно, что некоторые годы выходят особенно плодотворными. Пятьдесят седьмой, например. Чем это объяснить? Ветрами времени? Близостью с добрыми людьми? Вдохновением? Он не знает.

На мой вопрос, когда он понял, что поэзия — его призвание, Арсений Александрович ответил: «Наверное, от рождения. Во всяком случае, с самых юных лет. И к Сологубу-то я бросился потому, что стихи — это то, чем я уже в ту далекую пору жил».

Последняя, десятая встреча с А. Тарковским была, пожалуй, самая значительная: Арсений Александрович в ответ на мою просьбу передал «Огоньку» неопубликованные стихи.

Когда этот материал был набран, стало известно о том, что ушел из жизни сын Арсения Александровича — известный кинорежиссер, народный артист РСФСР Андрей Тарковский. Последние годы — трудное, кризисное для него время — А. Тарковский жил и работал за пределами Родины, о чем приходится думать с горечью и сожалением.

От имени редакции журнала «Огонек» я выразил А. А. Тарковскому и его семье искреннее сочувствие и соболезнование в постигшем их горе.

Арсений ТАРКОВСКИЙ

●

Уезжаем, уезжаем, укладывай
чемоданы,
Смотри, я достал билетов на тысячу
рублей,
Мы посетим, наконец, мои
отдаленные страны,
Город Блаженного Детства и город
Судьбы моей,

Мы посетим, если хочешь, город
Любовного Страха,
Город Центифолию и город Рояль
Раскрыт,
Над каждым городом вьется бабочка
милого праха,—
Но есть еще город Обид.

Там, у вокзала, стоит бронепоезд
в брезенте,
И брат меня учит стрелять из лефоше,
А в городе Музыки дети играют
сонаты Клементи
И пахнет сухими цветами саше.

Ты угадаешь по влажной соли,
Прочтешь по траве, что вдали,
на краю земли
Море за степями шумит на воле
И на рейде стоят корабли.

И если хоть что-нибудь осуществимо
Из моих обещаний, то я тебе подарю
Город Моря и город Пароходного
Дыма,
И город Морскую Зарю.

— Мне скучно в твоих городах,—
ты скажешь.—
Не знаю,
Как в городе Музыки я буду жить,
никого не любя,
А морская заря и море, выгнутое
по краю,
Синее море было моим и без тебя.

1929.

МАКФЕРСОН

Это ветер ноябрьский бежит по моим
волосам,
Это девичьи пальцы дрожат
в ослабевшей ладони.
Я на полночь тебя променяю,
за бурю отдам,
За взлетающий плач и разорванный
ветер погони.

Над гранитом Шотландии стелется
белый туман,
И прибой нарастает, и синий огонь
вдохновенья
Заливает слепые глаза, и поет Оссиан
Над кремневой землей отраженные
в тучах сраженья.

Падал щит опаленный. На шкуре
медвежьей несли
Грузный меч Эррагона и, воду
свинцовую роя,
Меж кострами косматыми шли,
накренясь, корабли
По тяжелой волне над израненным
телом героя.

Неспокойное море, зачем оно бьется
в груди?
В горле соль клокотала. Ты видишь
мои сновиденья?
Где же арфа твоя, где твой голос?
Скорей уведи,
Уведи от огня, уведи меня
от вдохновенья.
Я за бурю тебя не отдам,—
из разбуженных чащ
Прорывается к югу распластанный
ветер погони,
Ветер мчится по скалам,— смотри
на взлетающий плащ,
Только девичьи пальцы остались
в безумной ладони.

Где же арфа твоя? Где же голос твой?
Песню мою
Эта буря догонит и руки ей молнией
свяжет.
Отомстят ей ноябрьской грозою.
Но то, что пою,—
До конца никогда не дослушивай:
полночь доскажет.

1929.

ТРУБАЧ

На пьедестале нотного листа
Оркестра шаровая пустота,
И ночью ощущает каждый
Мундштучный медный привкус
на губах,
К рассвету остается на бобах
И просыпается от жажды.

И, просыпаясь, говорит:— Позволь,
Я расскажу, как нарастает соль
На окнах и в моем жилище.
Дитя судьбы, я съем свои бобы,
Меня питает клюв моей трубы,
Зоб у меня горит от этой пищи.

Она трубит сама собой, и в лад
Стаканы и тарелки дребезжат,
Насквозь изъеденные медью,
Копается в объедках и потом
С горячечным разбухшим
мундштуком
Передается по наследью.

А кто дыру в кармане бережет,
Тому само грядущее не в счет;
Оно еще темно и глухо,
Оно еще в пеленках между строк,
И смутно слышит сиплый холодок
Живое розовое ухо.

1930.

●

Как Иисус, распятый на кресте,

Зубец горы чернел на высоте
Границы неба и охряной пыли,
И все мы, как на каменном плоту,
По каменному океану плыли.

Так снилось мне. Среди каких степей,
В какой стране, среди каких нагорий
И чья душа, столь близкая моей,
Несла свое слепительное горе?

И от кого из пращуров своих
Я получил наследство роковое —
Шипы над перекладиной кривою,
Лиловый блеск на скулах восковых
И надпись над поникшей головою?

1962.

●

И горько стало мне,
что жизнь моя прошла,
Что ради замысла я потрудился мало,
Что за меня добро вставало
против зла
И правда за меня под кривдой
умирала.

Я не в младенчестве, а там,
где жизни ждал,
В крови у пращуров,
у древних трав под спудом,
И целью, и путем враждующих
начал,
Предметом спора их я стал каким-то
чудом.

И если в дерево впивается пила,
И око божие затравленного зверя,
Как мутная вода подергивает мгла,
И мается дитя, врачам своим не веря,

И если изморозь ложится на хлеба,
Тайга безбрежная пылает предо
мною,
Я не могу сказать, что такова судьба,
И горько верить мне, что я тому
виною.

Когда была война, поистине, как ночь,
Была моя душа.
Но — жертва всех сражений —
Как зверь, ощерившись,
пошла добру помочь
Душа, глотая смерть,—
мой беззащитный гений.

Все на земле живет порукой
круговой,
И если за меня спокон веков
боролась
Листва древесная —
я должен стать листвой,
И каждому зерну подать я должен
голос.
Все на земле живет порукой
круговой,
Созвездье, и земля, и человек,
и птица.
А кто служил добру —
летит вниз головой
В их омут царственный
и смерти не боится!

Он выплывет еще и сразу, как
пловец,
С такою влагою навеки породнится,
Что он и сам сказать не сможет,
наконец,
Звезда он, иль земля, иль человек,
иль птица.

АВАНСЦЕНА

ОСТАНОВИТЕ КАТЮ! ИЛИ КОЕ-ЧТО ПРО «СЛАДКУЮ ЖИЗНЬ»

...Толпа «стрелков» лишних билетиков перед Театром имени Ермоловой. На спектакль «Спортивные сцены 1981 года» не попасть. Чем же вызван такой интерес к этой постановке?

Мария ДЕМЕНТЬЕВА

Смотрела я этот спектакль и все время вспоминала одну свою знакомую. Думаю, подобные знакомые есть у каждого. Наверняка вы вспомните одноклассницу, везению которой не переставали удивляться. Она отвечала плохо, но двойку не получала. И вы с завистью думали: везет же! Опять пронесло! Потом вы, с третьего захода поступив в институт, встречали там ту же одноклассницу. Пока вы набирали рабочий стаж, она оказалась уже на третьем курсе. И вы снова призадумывались о роли везения в жизни: ведь и в школе не самой, скажем, сообразительной была, а вот поди ж ты...

Вы шли устраиваться на работу. И в самом «мечтаемом» месте встречали, конечно, уже давно работающую там... вот именно. Но сколько раз можно верить в счастливый случай? Впрочем, думаю, к этому периоду своей жизни вы перестали быть столь наивны. Вы уже начали кое-что понимать.

Постоянное везение объяснялось просто. У вашей знакомой были родители. Нет, я не хочу сказать, что вы — сирота. Просто ее родители были другие родители. Они-то и играли роль счастливой судьбы, давая своей дочери перед остальными много очков «форы». Ее родители обладали возможностями, в корне отличающимися от тех, которыми обладали ваши. И пользовались ими. Беззастенчиво.

Становление моего поколения выпало на годы, когда это явление расцветало,— на семидесятые. Эта странная «элита» во многом оказала влияние и на нас, ибо существовала рядом. Об этих людях спектакль «Спортивные сцены 1981 года» по пьесе Э. Радзинского в Театре имени Ермоловой.

...На сцену выходит очень эффектная, шикарно одетая женщина. Ее зовут Инга Михалева (Т. Доронина). Она иронична, умна, обаятельна. Она ненавидит директоров саун и гастрономов, всех этих наглых рвачей, грязными руками устраивающих себе «сладкую жизнь». Пожалуй, Инга Михалева была бы нам даже вполне симпатична, если бы сразу что-то в ней не отталкивало. И очень скоро понимаешь: барственность. Ощущение себя как представительницы некой «высшей касты».

Это не случайность. Жизнь Инги Михалевой действительно особенная. В ней она имеет все самое лучшее — «мерседес», дачу, работу, связи. И, чтобы добыть это, ей не пришлось «марать» руки, как всем тем, кого она так презирает. Потому что все блага дал Инге отец. Человек, который «силен даже после смерти». Одного лишь не сумел дать ей всемогущий папа — душевной цельности, не сумел привить понятия нравственные. Без этого «сладкая жизнь» оказалась лишенной смысла, превратилась в конечном итоге в «кучу фирменного тряпья», из которого торчат прекрасные Ингины ноги — по точному определению ее мужа. Доронина с потрясающей силой обнажает душу своей героини, ее муку от бездарного, суетного существования.

Впрочем, Михалев ни в коем случае не ее жертва. Наоборот, соучастник, хранитель этого поистине «буржуазного» брака. Циничный, самонадеянный «супермен», Михалев не устает с апломбом повторять, что добыл все своими руками. Он ненавидит круг Инги, презирает за то, что все им было подано на блюде, но все, что имеет сам, имеет от отца Инги. В этой жизни «крестьянский сын Михалев» неплохо освоился, завел знакомства с теми самыми директорами гастрономов и саун, которые при случае — конечно, небезвозмездно — всегда помогут, во всем помогут! Ведь они тоже могут все!

В. Павлов подчеркивает в Михалеве воинствующую пошлость, показывает отлично усвоенную, отработанную психологию лакейства, выбившегося «из грязи в князи» и постоянно жаждущего унизить взирающих свысока людей. Но — вот парадокс — случись что, первым на их защиту встанет Михалев. Они удобны ему, поскольку своим существованием обеспечивают возможность так жить. А уж тем без Михалевых и вовсе нельзя...

Может быть, впервые на нашей сцене с такой жестокой откровенностью показаны эти люди. Те, кто делит наше общество на «ступени», считая, что на каждой — свой уровень дозволенности, своя правда.

Но гораздо страшнее всех их — для меня — Катя, которая принадлежит к моему поколению. Именно в ней — главная боль спектакля.

Вы знаете эту девушку. Отличительная черта ее характера — практицизм. Ее редко можно встретить замужем за сверстником, нормальным парнем с нормальной зарплатой. Она предпочитает старших по возрасту, обеспеченных мужчин, пускай и не свободных, но способных и без брака создать ей удобную, без забот жизнь. Потому что основное для нее — материальное благоденствие, ради которого она может пожертвовать всем. Самый «лакомый» вариант — выйти замуж за сына «тех самых родителей». И вот уже у Кати обеспеченная жизнь. «Предки» мужа дают ей возможность существовать без проблем, участвовать в том конкурсе качества, который подразумевает не ставший уже банальным «адидас», а что-то подороже... Но не завидуйте ей. Мужа своего Катя терпеть не может. Совершенно сознательно Катя продала себя. Примечательно, что при этом она ничего не стесняется, не скрывает. «Я — дрянь!»— открыто заявляет она. И так и живет — всегда в продаже, желая лишь одного: побольше схватить, хапнуть, все равно что — заграничную ли шмотку или «престижного» мужчину. Такова героиня Т. Догилевой.

Да, героиня (как страшно писать это слово!) — потому что и она тоже в центре наших дней. Пока на страницах нашей литературы шла борьба «хорошего с лучшим», кати незаметно утвердились в жизни. И теперь остается только воздевать руки в ужасе: как упустили? Отчего? Где корни явления?

Прямого ответа спектакль не дает. Ответ формулируется после, когда, выходя, опять и опять обдумываешь увиденное на сцене Театра имени Ермоловой.

Однажды, решив, что все взрослые лгут, Катя решила лгать тоже. Приняв этот закон за основу, избрала соответственный способ жить. И получается странный, уродливый, противоречивый характер. Потому что все хорошее, что было заложено ее семьей, бунтует в ней. Она жаждет нравственности — и при этом совершенно безнравственна. Она волевая и безвольная. Она жаждет любви — и живет с человеком, которого презирает.

Не менее грустный персонаж — ее муж Сережа в блестящем исполнении О. Меньшикова. Он с детства приучен к мысли, что заслуги деда по наследству перейдут к нему. Вырос с сознанием, что за него уже все сделано. Он и не может иначе, как на готовое: иждивенец, ни к чему не пригодный. Ах, как мы знаем этих мальчиков, тоже — увы!— наших ровесников! И в нем, как в Инге, тоже есть ощущение своей принадлежности к «высшей касте»— любимой Кате он вполне может крикнуть про «толстые, демократические» ноги.

...«Как хорошо мы бежим!»— не перестают повторять герои спектакля. И — садятся, лежат, растягиваются на полу. Так возникает в спектакле странный и страшный бег на месте. Прием очень точно найден режиссером В. Фокиным. Этот абсурдизм поведения персонажей еще ярче подчеркивает, как дико само присутствие этих людей в нашем обществе, созданном как общество равных с равными возможностями — для всех!

Фокин поставил очень современный спектакль. Современный по жесткой гражданской позиции. Позиции непримиримости.

В пьесе того же автора «Беседы с Сократом» есть фраза: «Как часто мы предпочитаем повара, лезущего к нам с вредными яствами, суровой истине искусства врача». Хорошо, что «суровое искусство врача» вновь торжествует на нашей сцене. Ибо верный диагноз — залог верного лечения.

● Сцена из спектакля.

● Фото Николая Ежевского.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

1873—1924

Был одним из самых знаменитых поэтов своего времени. Эрудит, ученый, учитель поэтов. Был признанным главой школы символизма, обладал высочайшей поэтической культурой. После революции вступил в партию большевиков и организовал Высший литературно-художественный институт. Обратился к бывшим соратникам по символизму с поэтическим обращением «Инвектива». Недостатки поэзии Брюсова — книжность, мелодекламационность. Неоспоримое достоинство — предельный поэтический профессионализм. Пастернак, за многое упрекая Брюсова, но в то же время и ценя его, написал ему такие слова благодарности: «Что я затем, быть может, не умру, Что, до смерти теперь устав от гили, Вы сами, было время, поутру линейкой нас не умирать учили?»

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

1880—1934

(БОРИС НИКОЛАЕВИЧ БУГАЕВ)

Виднейший теоретик и практик символизма. Автор знаменитого, переведенного на многие языки новаторского романа «Петербург», прозаических книг, сборников стихов, знаменитой мемуарной трилогии. Без противоречивой, судорожной, вдохновенной фигуры А. Белого невозможно представить атмосферу, предшествовавшую революции, которую он призывал вместе с Блоком как возмездие, которое заслужил разваливавшийся царский строй. Обладал необычайно ярким импровизационным дарованием. Во всех своих подчас ребяческих, наивных порывах, причудливо соединявшихся с глубокой образованностью, Белый был беззащитно искренен и чем-то напоминал рыцаря печального образа в литературе тех лет.

В НЕКОНЧЕННОМ ЗДАНИИ

Мы бродим в неконченном здании
По шатким, дрожащим лесам,
В каком-то тупом ожидании,
Не веря вечерним часам.

Бессвязные, странные лопасти
Нам путь отрезают... Мы ждем.
Мы видим бездонные пропасти
За нашим неверным путем.

Оконные встретив пробоины,
Мы робко в пространства глядим:
Над крышами крыши надстроены,
Безмолвие, холод и дым.

Нам страшны размеры громадные
Безвестной растущей тюрьмы.
Над безднами, жалкие, жадные,
Стоим, зачарованы, мы.

Но первые плотные лестницы,
Ведущие к балкам, во мрак,
Встают как безмолвные вестницы,
Встают как таинственный знак!

Здесь будут проходы и комнаты!
Все стены задвинутся сплошь!
О думы упорные, вспомните!
Вы только забыли чертеж!

Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба взойдет
И в глуби, разумно расчисленной,
Замкнет человеческий род.

И вот почему — в ожидании
Не верим мы темным часам:
Мы бродим в неконченном здании,
Мы бродим по шатким лесам!

1 февраля 1900

КАМЕНЩИК

— Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? кому?
— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму.

— Каменщик, каменщик с верной лопатой,
Кто же в ней будет рыдать?
— Верно, не ты и не твой брат, богатый.
Незачем вам воровать.

— Каменщик, каменщик, долгие ночи
Кто ж проведет в ней без сна?
— Может быть, сын мой, такой же рабочий.
Тем наша доля полна.

— Каменщик, каменщик, вспомнит, пожалуй,
Тех он, кто нес кирпичи!
— Эй, берегись! под лесами не балуй...
Знаем всё сами, молчи!

1901

ЮНОМУ ПОЭТУ

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.
Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.
Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь мои три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.

15 июля 1896

ОТЧАЯНЬЕ

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространства пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволья.
Позволь же, о родина мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать: —

Туда, на равнине горбатой,
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой,
В косматый свинец облаков,

Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И в ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков,—

Туда, — где смертей и болезней
Лихая прошла колея,—
Исчезни в пространство, исчезни
Россия, Россия моя!

Июль 1908

РУСЬ

Поля моей скудной земли
Вон там преисполнены скорби.
Холмами пространства вдали
Изгорби, равнина, изгорби!

Косматый, далекий дымок.
Косматые в далях деревни.
Туманов косматый поток.
Просторы голодных губерний.

Просторов простертая рать:
В пространствах таятся пространства.
Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства?

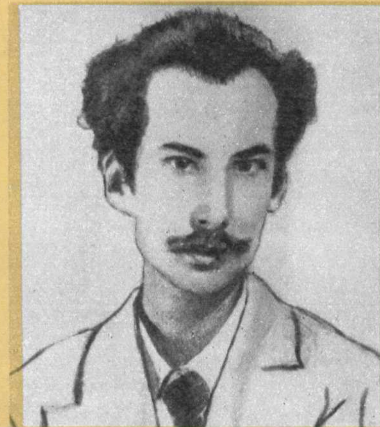
От голода, холода тут
И мерли, и мрут миллионы.
Покойников ждали и ждут
Пологие скорбные склоны.

Там Смерть протрубила вдали
В леса, города и деревни,
В поля моей скудной земли,
В просторы голодных губерний.

1908

РОДИНА

Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ;

И в раздолье, на воле — неволя;
И суровый свинцовый наш край
Нам бросает с холодного поля —
Посылает нам крик: «Умирай —

Как и все умирают...» Не дышишь,
Смертоносных не слышишь угроз: —
Безысходные возгласы слышишь
И рыданий, и жалоб, и слез.

Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи несытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой —
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

1908

ГОРЕ
(фрагмент)

«К нам —
В хаты наши!
Дам —
Щей да каши...»

—«Оставь:
Я в Воронеж».

—«Не ходи:
В реке утонешь».

—«Оставь:
Я в Киев».

—«Заходи —
В хату мою:
До зеленых змиев
Напою».

—«Оставь:
Я в столицу».

—«Придешь в столицу:
Попадешь на виселицу...»

Январь 1906

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ

Под этой новой рубрикой в «Огоньке» будут появляться путевые заметки писателей и журналистов-международников, их рассказы о достопримечательностях «ближних и дальних» стран, о тех событиях, свидетелями которых им довелось быть.

КИТАЙ: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН, ВРЕМЯ НАДЕЖД

Евгений БОЛОТИН

Поезд «Москва — Улан-Батор — Пекин», миновав пустынные просторы Восточной Гоби на территории Монголии, поздно ночью прибыл на пограничную китайскую станцию Эрлянь. Во всем поезде, кроме меня, ни одного гражданина СССР. И вдруг по-русски:

— Здравствуйте, как доехали?

Отвечаю на приветствие сотрудницы таможенной службы. Она помогает мне заполнить декларацию, отпечатанную на русском. Говорим на разные темы: о погоде, времени стоянки в Эрляни.

— А где вы так хорошо освоили русский?

— Изучала в школе. Раньше в китайских школах он был основным иностранным языком. Сейчас вновь растет к нему интерес.

Приятная новость. Пока идет смена колесных пар в депо, пассажиры коротают время на вокзале в ресторане или кинозале. Показывают документальные фильмы о Китае. Один из них сопровождается русской речью.

Ночью мы миновали степи Внутренней Монголии, а утром за Чжанцзякоу увидели в горах Великую китайскую стену. Китайцы называют ее Ваньличанчэн — «Стена длиною десять тысяч ли».

Поразило многолюдье на привокзальной площади Пекина. Люди сновали по ней, стояли кучками, сидели на вещах и прямо на асфальте. Женщины, мужчины в массе были одеты одинаково: куртка и брюки серого, зеленого или синего цвета, черные матерчатые туфли или кеды. Военные отличались от гражданских лишь красными петлицами на воротниках зеленых курток и звездами на фуражках. Да, пекинцы тогда, в конце 70-х годов, одевались бедновато.

На дороге преобладали грузовики, потрепанные легковые машины и буквально валом валил поток велосипедистов. До сих пор десятимиллионный Пекин остается в основном одноэтажным городом. Даже вблизи главной площади Тяньаньмынь лепятся «хутуны» — кварталы одноэтажных домиков, по-восточному спрятанных за глухими заборами.

Китайцы — народ открытый, улыбчивый, общительный. Летом вы можете увидеть сидящих у своей калитки на земляных завалинках стариков, играющих здесь же детей в штанишках с разрезами сзади. Китайцы охотно вступают в разговор в магазинах, в маленьких харчевнях, просто на улице. Но переступить постороннему порог калитки почти невозможно. Живущие годами в Пекине иностранцы не бывают в гостях у местных жителей.

Мои наезды в Пекин с интервалами в три-четыре месяца давали возможность замечать происходящие перемены. Раньше я мог часами путешествовать по городу и не встретить ни одного иностранца. А с начала 80-х годов на отреставрированном участке Великой китайской стены или в парковой зоне Шисаньлин, где расположены могильные холмы императоров династии Мин, уже бродили тысячные толпы иностранных туристов. Они подолгу разглядывали сокровища императорского дворца Гугун, изучали искусство выращивания экзотических цветов в огромном парке Храма Неба, но чаще всего приценивались к фарфоровым и ювелирным изделиям китайских мастеров в фирменных магазинах «Марко Поло» или в бесчисленных лавках на торговой улице Ванфуцзинь.

Многие туристы, конечно же, устремлялись прежде всего на площадь Тяньаньмынь. Камни площади Небесного спокойствия хранят память о разнообразных событиях китайской истории — как тысячелетней давности, так и совсем недавнего прошлого. В центре площади — памятник Народным героям, где всегда многолюдно, а у его подножия алеют букеты. Здесь Музей революции и истории, ближе к северной стороне за металлической оградой здание античной архитектуры — Дом памяти, где размещены мемориальные экспозиции, посвященные в прошлом видным партийным и государственным деятелям КНР. На этой площади 1 октября 1949 года было провозглашено создание Китайской Народной Республики.

За воротами и мощными крепостными стенами расположился обширный Запретный город — обиталище китайских императоров, а ныне музей Гугун. За небольшую плату можно бродить хоть целый день по бывшему действительно запретному для простого народа городу и все равно не осмотреть всех здешних несметных сокровищ. Поражает огромное количество великолепных построек, составляющих единый архитектурный ансамбль. Прежде чем вы окажетесь в тронном зале, надо пройти восемь огромных дворов, шесть ворот и шесть павильонов — таков двухкилометровый путь императорского гостя. Человек должен был почувствовать себя ничтожеством перед лицом императора.

Последний цинский император, Пу И, покинул дворец Гугун в 1924 году. Тот самый Пу И, который дважды отрекался от трона, потом стал императором марионеточного государства Маньчжоу-Го и, наконец, был пленен вместе со своими японскими хозяевами советскими воинами в августе 1945 года на аэродроме Шэньяна.

В 1964 году в Пекине вышла книга Пу И «Первая половина моей жизни», в которой бывший император подробно описал как свою жизнь затворника в золотой клетке Гугун, так и невыносимую жизнь сотен простых китайцев, обслуживавших императорский двор.

Навсегда расставшись с Гугуном, Пу И одно время работал в Пекинском ботаническом саду и даже стал членом Народно-политического консультативного совета Китая. После издания книги имя Пу И исчезло со страниц китайских газет, а в октябре 1967 года, в разгар «культурной революции», телеграфное агентство Синьхуа лаконично сообщило о его смерти.

У входа в Запретный город я стал свидетелем эпизодов вовсе не из жизни императоров Поднебесной. Свободное от дворцовых построек пространство облюбовали многочисленные фотографы. Вероятно, здесь работала молодежная артель или даже несколько конкурирующих «фирм». На огороженных легким штакетником площадках под сенью вековых деревьев стояли причудливо

вырезанные и ярко разрисованные фанерные щиты с прорезями для головы. Одно такое грандиозное сооружение изображало горы, живописные леса и реки, над которыми летел страшный дракон, взнузданный молодцом в роскошных одеждах и с мечом в руке. Навстречу дракону несся грациозный белый конь с девушкой-принцессой. Не иначе должно было произойти соединение сердец после долгой драматической разлуки. Желающие быть непосредственными участниками красочного действа вставали на подмостки за фанерными щитами и просовывали в отверстия головы. Фотограф с огромной фотопушкой на треноге тотчас щелкал.

У предприимчивых артельщиков был и еще один завлекательный сюжет, в котором особенно охотно участвовала молодежь. На площадке стоял некогда сверкавший лаком и никелем настоящий «мерседес». Каждый желающий садился за руль автомашины и с помощью ассистентов фотографа отрабатывал соответствующие позы. Готовые фотоснимки выдавались через час-другой.

Смех смехом, а молодые фотографы трудились в поте лица, но и плату они брали немалую — 5 юаней за снимок. Примерно столько стоили в Пекине вельветовые брюки.

Кстати, об одежде. В одном из последних стихотворений недавнего прошлого есть такие строки о китайских юношах и девушках: «Они не любят наряжаться, любят вооружаться».

Китайская молодежь ничем не отличается от молодежи любой другой страны. Она хочет не вооружаться, а мирно трудиться, учиться, весело отдыхать, а также и красиво одеваться. Сейчас все чаще можно увидеть на улицах Пекина, особенно в выходные и праздничные дни, девушек в джинсах или юбках и красочных свитерах, а юношей в спортивного покроя костюмах.

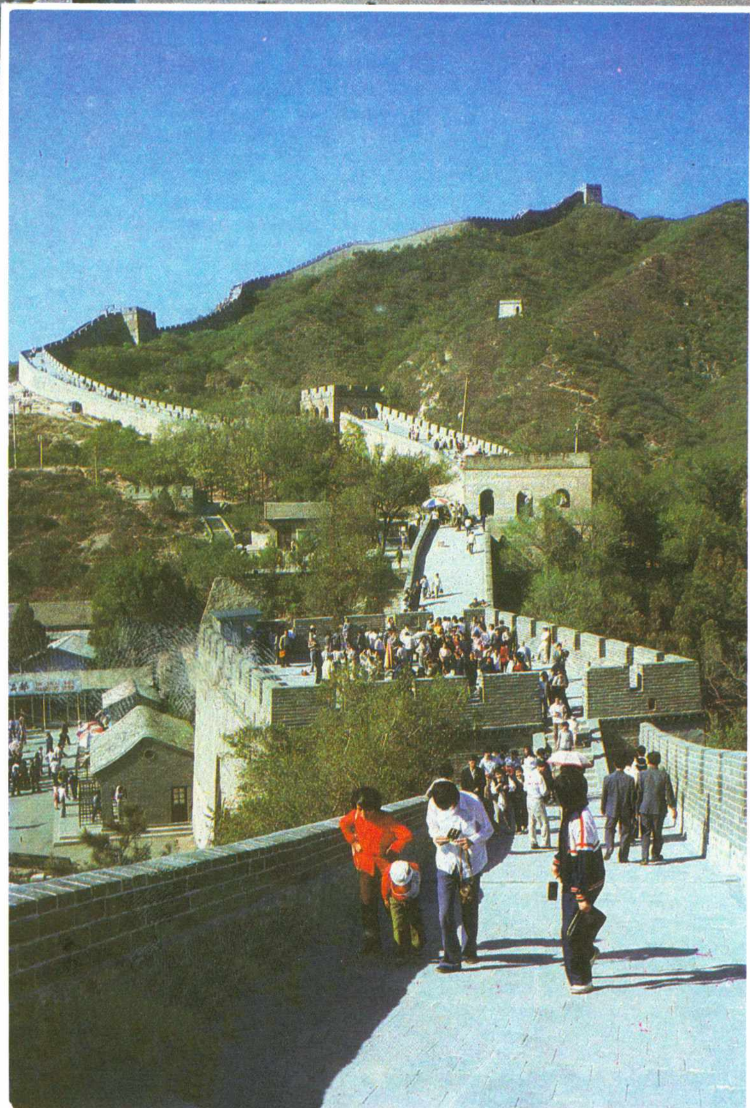
●

В КНР успешно развивается сельское хозяйство. За последние годы возросли валовые сборы зерна, основной продовольственной культуры — риса. Так выглядят рисовые чеки перед высадкой рассады.

●

Украшение к празднику.

В городах есть целые торговые улицы.

Великая китайская стена, протянувшаяся на 5 тысяч километров, вновь привлекает туристов.

И в Китае жарят шашлык.

Сложнее с людьми среднего и старшего возраста. В силу многолетних привычек они не торопятся избавляться от мешковатых одежд, матерчатой обуви.

На одной из торговых улиц я зашел в салон для новобрачных. Там были выставлены образцы свадебных нарядов, от которых не отказались бы женихи и невесты любой развитой страны.

В пекинских магазинах появляется все больше и больше товаров, привлекающих покупателей. Карточная система изживает себя, были бы юани. Что покупают горожане? Из продуктов питания—очень много овощей. Порой багажник велосипеда так ими загружен, что за связками зеленого лука, редьки, ревеня, китайской капусты не видно спины седока. Овощи стоят недорого. На рынках и в магазинах горы яблок, груш, хурмы, сливы, винограда, грецких орехов, других плодов благодатной китайской земли. Пекинцы покупают много рыбы, соевого творога, печеных изде-

лий, сладостей, меньше мяса, птицы — это пока не каждому по карману. Из круп много всякого рода бобовых, гаоляна и чимизы. На каждом шагу продаются паровые булочки, мороженое, пиво, фруктовые соки, на деревянных палочках засахаренные плоды боярышника, ранетки — «танхулу» — любимое лакомство китайской детворы. В многочисленных ресторанах и мелких харчевнях многолюдно, особенно в обеденные часы.

Откуда вдруг такое изобилие? Ведь всего лишь несколько лет назад, даже уже и после суда над «бандой четырех», китайский народ бедствовал, недоедал, а в отдельных районах страны наблюдался голод.

И вот миллиард населения накормлен, многим необходимым обеспечен.

Пекинцы покупают часы, дешевые радиоприемники, термосы, посуду, наиболее бережливые — телевизоры и даже мотоциклы. До легковых автомобилей пока дело не дошло. Главное же — растет число учащихся и студентов, проводятся красочные ярмарки и праздники, люди повеселели, стали раскованнее и доброжелательнее друг к другу.

Начало этих отрадных перемен китайская пресса связывала с партийной установкой на ликвидацию уравнительного распределения доходов и широкого применения семейного подряда в ведении коллективного хозяйства. Суть — закреплять определенные участки земли за крестьянским двором и вести с ним расчет по конечным результатам. Эта мера сдвинула с мертвой точки сельское хозяйство, начался его рост.

Некоторые крестьянские дворы на кооперативных началах стали создавать группы по совместной обработке земли, приобретать сельхозинвентарь. Должно быть, сама жизнь подсказала им новые формы.

Но есть и другой путь, о котором с тревогой пишут китайские газеты. Это путь обогащения, стяжательства. Верно, не возбраняется крестьянским дворам временно пользоваться наемным трудом, хотя и сообщается о случаях стихийного раскулачивания зажиточных хозяев.

Не менее оживленно обсуждаются в прессе, на различных совещаниях и в частных разговорах положение дел в промышленности, энергично проводимые сейчас экономические реформы, меры по привлечению иностранного капитала и технологии в целях ускорения так называемых «четырех модернизаций». У многих в памяти «большой скачок» конца 50-х, отбросивший страну назад, перечеркнувший успехи первой китайской пятилетки. Своеобразным символом того периода были дворовые домны и «домашние» сталеплавильные заводы. За «большим скачком» последовала «культурная революция», которая также принесла большой ущерб.

Приезжая в Пекин, я, естественно, пытался отыскать какие-то следы «десятилетия великих бедствий». Зримых отпечатков я не обнаружил. В лицах не видел уныния, что было — то было, а сегодня жизнь продолжается.

Опустошенные полки книжных магазинов вновь заполнены. Рядом с Лу Синем стоит Горький, рядом с Мао Дунем, Лао Шэ, Цюй Цюбо — Шолохов, Серафимович, Николай Островский. Среди журналов я разыскал и «Советскую литературу» на китайском языке.

Отголоски прошлого? Они в скупке и перепродаже импортного барахла, валюты, наркотиков. Встречаются случаи хулиганства, воровства и даже разбойных нападений. Пекинцы рассматривают стенды с фотографиями преступников и целыми иллюстрированными детективными сериями полицейской хроники. По телевидению нередко показывают репортажи из зала суда. Строгие меры властей в борьбе с преступностью приветствуются населением.

Как относятся в Китае к нашей стране? Вот мнение человека зрелого, многое пережившего. Мы оказались с ним в одном купе поезда «Пекин — Пхеньян», к взаимному удивлению и удовольствию, начали изъясняться по-русски. Инженер, уроженец Шанхая, работает в КНДР консультантом. В пятидесятых годах учился и стажировался в Новосибирске. Велел мне называть себя Колей и на «ты». Почти без всякого вступления заговорил о наших отношениях.

Коля не надеется, он просто уверен, что дело идет к восстановлению былых отношений между Китаем и Советским Союзом. И случится это раньше, чем многие предполагают.

— Ты что же, рассчитал на ЭВМ?

— Считай так. Я реалист, исторический материализм и диалектику изучал на русском. Науки эти меня и спасли в годы массового психоза. Помогла и высокая квалификация специалиста, работавшего в те годы на оборону. Я нужен был и левым, и правым, и серо-буро-малиновым в крапинку. — Коля рассмеялся собственной шутке.

Меня, впрочем, интересовали не его убеждения, а логика рассуждений, аргументы. Главный, основополагающий состоял в том, что в такой огромной стране, как Китай, невозможно чем-либо заменить социалистические принципы.

— Ты можешь спросить, не расшатывают ли эти устои семейные подряды в деревне, три миллиона частников в городах, привлечение иностранного капитала и создание смешанных предприятий, в которые уже вложены немалые средства в валюте? Экономист из меня так себе, могу лишь сказать, что доля частного сектора составляет мизер в общем объеме национального дохода. И потом, мы же не говорим, что окончательно построили социализм! Кстати, предприятия, созданные при помощи и техническом содействии Советского Союза за первые десять лет существования республики, до сих пор составляют ядро нашего народного хозяйства.

Коля курил, пил жасминовый чай — «хуача» и тер лоб ладонью. Специалист в одной из новейших отраслей физики, он не столько объяснял мне, сколько, как мне показалось, сам пытался разобраться в наболевших вопросах.

...Многое изменилось в Пекине. После почти двадцатилетнего перерыва состоялся первый обмен советскими и китайскими туристами, торгово-промышленными выставками, различными делегациями, расширились научно-технические и культурные связи. По китайскому радио возобновлены передачи уроков русского языка. Состоялась премьера оперы советского композитора И. Молчанова «А зори здесь тихие...».

Среди разномастного транспорта на улицах столицы немало наших легковушек. Оказывается, несколько тысяч «Волг» пополнили таксомоторный парк города.

С многочисленных плакатов, наклеенных на стены домов, улыбается счастливая молодая пара с краснощеким ребенком. Плакаты призывают молодоженов обзаводиться одним-единственным ребенком, который будет окружен заботой и вниманием государства.

Государства, где сегодня живет 1 034 000 000 человек.

Пекин — Москва.

Фото Владимира ДИВИША и Зденека ЧЕХА (ЧССР)

ПОЗДНИЙ РЕЙС НА КРЫШУ МИРА

Начало смотри на стр. 16.

а потом вышел для всех приказ: бороться с нетрудовыми доходами, пассажиров не брать! Контролеры стали нас проверять. И что получилось? Машины идут с пустыми кабинами, а по дороге стоят люди и плачут: самолет из-за погоды не летает, автобус по этой трассе не ходит, как людям ехать? Стали письма писать, в Москву жаловаться. Тогда сказали, чтобы мы, шоферы, везли людей за билеты, как в автобусе. Опять плохо: человек купил билет и требует — вези меня быстрее, я деньги заплатил! — а я устал, отдыхать хочу, я не могу под пассажира свой график подстраивать... Отменили билеты! Контролеров убрали, просто сделали вид, что проблемы никакой нет.

— А шоферы часто за рулем засыпают?

— Часто. Устаем сильно, глаза закрыл — и все. Сам увидишь, сколько памятников на трассе. Сейчас тоже один наш водитель в больнице лежит. Метров сто машина падала — я покажу тебе это место...

Дорога все чаще изгибалась уходящими вверх серпантинами, и как-то неожиданно оказалось, что снег лежит уже по обочинам. Потом и обочин не стало — справа асфальт обрывался крутым склоном, слева упирался в вертикальную стену. Поворот, еще поворот... Интересно, считал ли кто-нибудь, сколько тысяч, десятков тысяч поворотов на этой трассе?

Бензозаправка в районе Обигарма. Вазир, стоя на подножке, слушает шофера встречной машины — конечно, разговор о перевале.

— Вы в Хорог? На перевале машины стоят, говорят, по двое суток. Дай вам бог...

Едем в глубокой темноте, весь мир для нас исчез за пределом, очерченным светом от фар. Дорога все та же — выбитая в крутой стене полочка, на которой почти впритирку расходятся два грузовика. Другой дороги теперь не будет... Вазир поругивает дорожников—асфальт, прямо сказать, не в лучшем состоянии, машина так и скачет по ямам. Я то и дело, как на батуте, взлетаю к потолку, ручка-держалка не помогает—конструктора бы сюда... Вазиру «хорошо» — он за руль держится: так ему хорошо, что некогда волосы со лба откинуть. Вторая передача, руль до отказа налево, руль прямо, третья передача, снова вторая, руль до отказа направо... Просто физически ощущаешь, как вся машина, все до мельчайших ее суставчиков скручиваются, сжимаются, растягиваются десятками страшных сил; в ушах грохот, скрежет, стон металла... И над всем этим — тяжкий, но ровный и далекий еще от надрыва рев мотора. Надежная все-таки машина — «ЗИЛ». Грубоватая, но надежная!

— А почему у вас в автоколонне «КамАЗов» нет, они же современнее! — кричу я Вазиру, рискуя прикусить язык.

— Ему хорошая дорога нужна. В наших горах с ним намучаешься. Сам потом увидишь,— бросает в ответ водитель, и я умолкаю: не до разговоров ему сейчас...

Ночевать остановились где-то за Комсомолабадом — небольшим городом. Фары машины так и не смогли высветить его для меня в пелене дождя. Как огромные молчаливые и мокрые животные, грузовики сгрудились перед ярко освещенным проемом двери какого-то дома. Мы с Вазиром, прошлепав по лужам, ныряем в дверь — за ней шоферская столовая. Влажное тепло, дым от сигарет, колченогие столики с остатками еды... Хорошо, когда стул под тобой не качает и не надо за что-то держаться! Едим горячий суп—шурпу, стылые макароны с котлетами, прозрачный чай — все равно хорошо! Здесь все друг друга знают, все шутят, смеются — напряжение осталось там, на дороге, которая всех их связала общей заботой. Сухопутные моряки...

Здесь же, за стеной,— гостиница, все это хозяйство, оказывается, принадлежит автоколонне. Пять кроватей, холодная печка... Кроме нас, никого нет — Вазир объяснил, что шоферы ночуют в кабинах: там теплее, а главное — надо охранять груз в кузовах. Вот такой он, шоферский сервис, на самой сложной в мире трассе!

В шесть утра мы снова в пути.

— Вазир,— спрашиваю я,— а ты никогда не задумывался о том, стоит ли терпеть столько трудностей из-за какого-то торгового оборудования? Был бы еще другой груз...

— Если погрузили — значит, он нужен,— философски рассуждает Вазир. Он не брился и, наверное, не слишком хорошо выспался в кабине, и во рту ни крошки не было — завтракать придется где-нибудь позже, когда откроются столовые,— но все это никак на нем не отразилось: такой же спокойный голос и улыбка та же, и машину ведет все так же аккуратно, размеренно.— Без торгового оборудования тоже нельзя. Магазин не будет работать, людям неудобно будет. Если мы не привезем сейчас, до лета никто уже не привезет. В прошлом году один детский сад в апреле без продуктов остался, что-то там у них случилось. Ехать по трассе было трудно, снег еще не растаял, но все равно надо, правда? А трудности,— он пожал плечами,— это работа такая.

...Машины — вся наша десятка — цепочкой втягиваются на узкий мост.— «Река Обихингоу, сейчас начнется Горно-Бадахшанская автономная область! — торжественно объявляет Вазир.— Смотри, здесь асфальт уложен лучше. И дома в наших кишлаках совсем не такие, как на равнине!» — объясняет мой «командир», и я не сужу его за этот энтузиазм, ведь здесь он на родной земле... На качество асфальтового покрытия я бы, пожалуй, на его месте не стал напирать — это вопрос весьма спорный,— но в остальном, конечно, родством с горцами стоит гордиться. Потомки скифов, люди красивые, трудолюбивые, гордые. Вон Юра Боймамедов: не может, видно, терпеть, чтобы кто-то на его земле ехал впереди него, обогнал нас и пошел лихо писать виражи! Он тоже горец, из Ишкашима, вообще-то правильно его имя — Юё, а все зовут этого веселого, кудрявого парня по-русски: Юра.

— Если бы не русский язык, мы бы могли друг друга не понимать,— охотно продолжает развивать «горную тему» Вазир.— У нас в Ванче, например, один язык, у Юры в Ишкашиме — совсем другой. Видишь, сзади машина Окимшо Музафарова? Он из Рушана, у них там тоже свой язык. А жили мы друг от друга меньше чем в ста километрах.

— Почему так, не знаешь?

— Раньше дороги не было, по горной тропе далеко от кишлака не уйдешь. Люди друг друга не знали совсем. Знаешь, как эту дорогу строили? Все люди вышли, из всех кишлаков сразу. Это было, кажется, перед самой войной, в сороковом году. Не знаю, правду говорят или нет, что вот здесь, через перевал, дорогу сделали всего за сто пятьдесят дней! Горцы хорошо умеют работать!

А я чуть не забыл, что нас ждет... Впереди Дарвазский хребет и место, где можно его пересечь,— перевал Хобу-Рабат. Петли дороги стали заметно круче, как витки сплюснутой спирали. Дождь превратился в снег, все бело. Почти не попадаются встречные машины — это плохо, значит, вверху «пробки». Вот и мы встали — цепочка машин как бы нарисовала на белом склоне зигзаг, уходящий к небу. Уже не видно вокруг деревьев, кустов, тесно сжимавших дорогу совсем недавно; вокруг— причудливые нагромождения скал.

Говорить что-то не хочется. Поехали, через два витка снова встали. Опять поехали... Почему дорога не расчищается? Почему нет информации о том, что делается наверху? Не-

ужели в наш век так сложно наладить хоть какую-то связь на дороге, телефонную, что ли,— я не говорю уж об электронных табло: сколько нервов, сколько времени, сколько бензина, наконец, сбережет элементарная забота о труде шофера!

Километров через десять добрались до небольшой седловины. Здесь, на площадке, скопилось машин сорок. «Сейчас зацепимся, самое трудное начинается!» — объявил Вазир. «Что сделаем?» «Зацепимся, цепи на колеса будем надевать!»

Нехитрая, но довольно трудоемкая операция. Все делается руками, голыми коченеющими пальцами, ползая под машиной, прижимаясь к залепленным снегом и грязью покрышкам... А цепи-то, цепи! Я видел недавно в Москве, на выставке, японские цепи для грузовиков и колесных тракторов: не меньше десятка моделей, удобные, «ловкие» для установки. Неужели надо ждать перестройки нашей индустрии, чтобы обеспечить шоферов хотя бы одной из таких моделей? Цепи необходимы не только в горах, не только зимой, их-то легче сделать, чем наладить дороги! А пока... Каждый выкладывал на снег свою «конструкцию» — кто из цепей амбарных, кто — из моторных, редко у кого были здесь чиненые-перечиненые специальные «браслеты». Походив между машинами, я попытался узнать, слыхал ли кто-нибудь о шипованной резине: никто и понятия не имел! А ведь есть она в нашей стране, кому только достается?..

Двадцать километров подъема. Прошло уже пять часов. Немного ползем вверх, долго стоим, снова ползем... Предельно резкие повороты, крутой подъем, уплотненный десятками колес снег, узкая проезжая полоса дороги. Вот идущая впереди машина забилась как в лихорадке: ее водитель чуть больше, чем надо, нажал на педаль газа, колеса проскользнули, под ними тотчас образовался лед, и лишенная опоры машина начинает в конвульсиях сползать назад. Шофер выворачивает руль и... машина скользит боком, пока не зарывается в снег. Это в лучшем варианте, худший — обрыв... Но в тот день, слава богу, ни одна машина в пропасть не падала (на наших глазах), а вот поперек дороги вставали то и дело. Пробка! Стоят машины и сверху, и снизу. Конечно, вокруг «потерпевшего» собирается шоферский люд, нет недостатка в советах, в дело идут лопаты, машину облепляет десяток доброхотов, и начинается «раз, два — взяли!». Если не помогает — ищут возможность «дернуть» другой машиной, благо что буксирные тросы у всех под рукой. Не вышло — жди, когда придет на помощь грейдер, и тогда все лезут в кабины, в тепло терпеливо работающих двигателей. И все ждут... В одной из «пробок» я попробовал сосчитать стоящие машины, насчитал сто десять «снизу» и восемьдесят «сверху»; больше считать не стал, потому что бегать туда-сюда по заснеженной горе на высоте трех тысяч метров над уровнем моря не так-то весело...

И еще: о чем говорят шоферы, ожидая в кабинах помощи? О марках машин; здесь в беду чаще всего попадают либо «КамАЗы», либо «ГАЗы». У первых — высокооборотные двигатели, иначе говоря, слишком быстро (для скользких дорог) вращаются колеса, у вторых — недостаток мощности. Нет, все это хорошие машины, но здесь и в это время года им просто не место. Так почему внизу, у подножия горы, нет поста ГАИ, ведь любой мало-мальски грамотный в автоделе человек издали определит, «пойдет» машина через перевал или нет? Мне скажут: так не принято. Значит, пусть машины, как и прежде, часами простаивают на перевалах? Потому что «не принято».

И о том говорят шоферы, что надо бы ввести график подъема — спуска: с утра поток идет в одну сторону, с полудня — в другую. Сделать просто, эффект несомненный. Только... кто это будет делать?

Я видел, кстати, на перевале вездеход с буквами «ГАИ». Человек в офицерских погонах — издали, к сожалению, ни «звездочек», ни номера машины разглядеть не удалось — то и дело выскакивал из своей кабины на дорогу, останавливал «неудобные» грузовики, чтобы... расчистить себе путь. Так и пронесся мимо нас в клубах снежной пыли. «Да, бывают они здесь,— усмехается Вазир,— с десяток талонов «проколют», себе дорогу расчистят — и до свидания...»

Есть еще выход, самый естественный: аккуратно чистить дорогу, обеспечить дежурства мощных тягачей. Я говорил позже на эту тему с ответственными товарищами, и ответы были все те же: не хватает людей, нет техники, та, что есть, неисправна... Строится объездная дорога — через Куляб, но строится она давно и в ближайшие годы, уж точно, готова не будет. А тем временем машины все идут через Хобу-Рабат, и поток грузов с каждым годом растет.

...Снова стоим. Рядом, занесенный «по пояс», столбик с дорожным знаком «Обгон запрещен». Насмешка, что ли? Небо соединилось с землей в общем тускло-белом сиянии. Косо падает снег... Перевал. Довольно быстро пошли вниз. Ах вот почему стояли: не могли развернуть застрявший «КамАЗ» и совсем столкнули его с дороги, в ложбину. Так и лежит на боку. Законы дороги жестоки — скоро ночь, вся колонна могла застрять до утра. Рядом с «КамАЗом» стоит водитель, растерянно смотрит на идущие мимо машины. Ему теперь поможет только трактор.

— Бедный! — почти про себя бормочет Вазир.

Вниз! Но это только кажется, что вниз дорога легче. Крутизна неимоверная, дорога—сплошной лед, и про тормоза надо забыть: машина тотчас пойдет боком, а тогда... Мы в огромном ущелье, конусом уходящем вниз на сотни метров. Дорога прорублена где-то посредине отвесного склона, и хорошо видно, как маленькими жучками ползут по ней машины на фоне величественных, ужасающих своей красотой скал. Так вот он какой, Большой Памирский тракт!

Уже потом я пытался объяснить себе: за что же эту дорогу называют самой сложной в мире? Да, на многих трассах есть свои трудные участки, даже очень трудные, но здесь они на каждом шагу, они как бы собраны в систему, растянутую на сотни километров. Конечно, радоваться тут нечему, дорога на Крышу мира вполне обошлась бы и без титула «самой сложной».

Как все же верно сказал начальник автоколонны: труд у здешних шоферов просто героический! Пусть везут они не какие-то там необыкновенные грузы, а самые прозаичные ящики, но везут, не считаясь с постоянным риском, несмотря на все трудности, часто излишние, и в этом, наверно, состоит их тот самый высокий гражданский долг, который выполняют они достойно и буднично просто...

...Через час мы были в теплом, шелестящем опадающей листвой районном центре Калай-Хумбе. А на следующий день — в Хороге: дорога вдоль долины Пянджа казалась после «перевальных страстей» приятной и легкой прогулкой. Но вот что было в Хороге: десять шоферов, десять королей горных трасс, растерянно топтались, как мальчишки, перед воротами склада РАЙПО. «Нет аксакала, завтра будет!» — величественно сообщал сторож через узкую щель. «Но ведь мы на два часа раньше срока приехали, торопились, надо машины разгрузить...» «Завтра!» И ворота закрылись. Третью ночь шоферы ночевали в кабинах... Наутро в ситуацию вмешался обком партии, ворота открылись, и заместитель заведующего складом Х. Давлатназаров лично наблюдал, как водители сами вытаскивали ящики из кузовов — по восемь тонн из каждой машины. И были рады, что им «позволили разгрузиться»! Жаль, что сам аксакал — заведующий складом С. Баронбеков — так и не приехал с дачи, хотелось бы спросить у него: как будет оформлена эта разгрузка, кто получит за нее деньги? Ясно — не водители. Они спешили обратно, снова на перевал...

На сей раз ему пришлось проделывать все это под объективом фотоаппарата. Приехали в дачный поселок Удельная, что в подмосковном Раменском районе. Приблизились к двухэтажной хоромине с витыми решетками и винтовой лестницей — щелк! Роскошные покои, обставленные отнюдь не дачными гарнитурами, картины, медвежья шкура на полу — щелк! В кухне открыли потайной люк, спустились в подпол и дали ему лопату — щелк! Он извлек из схорона ржавый термос, отвинтил крышку и высыпал на стол золото в ювелирных изделиях, часовых корпусах, монетах с курносым царским профилем—щелк, щелк, щелк!..

На снимках не запечатлены его глаза; как он смотрел на драгоценности: со стыдом, раскаянием, ужасом? Видимо, не так, как зарывая, а потом отправляясь в персональной машине на свою высокую службу. Психология не входила в задачу сопровождающих, цель была другая: зафиксировать выдачу материальных ценностей. Потом было посещение второй его виллы — в Абрамцеве, что под Загорском, московской квартиры. Изъятие антиквариата, икон, импортной радиоаппаратуры, сберкнижек, наличных купюр, облигаций, чеков Внешпосылторга...

Фотографии приобщены к делу, ценности описаны и по произнесении приговора коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР объявлены конфискованными. Недавно подсудимый, теперь осужденный,— кем же он был тогда, когда закапывал термос в погребе, настырно пополняя его содержимое, какая судьба, натура, служебная карьера разменялись на барахло и теперь исчислены по описи в рублях с копейками, отчеркнуты строками приговора? И, главное, как и почему все это могло произойти?

«Вот уже несколько месяцев я постоянно задаю себе вопрос, как случилось, что я, бывший рабочий, воспитывавшийся в трудовой среде, никогда, даже в детстве и юности, когда мне не раз приходилось голодать (особенно в годы оккупации в Таганроге), ни разу не позарился на чужое и вдруг, уже в зрелые годы, стал на путь правонарушений? Эта мысль не дает мне покоя, и я вновь и вновь прослеживаю свой жизненный путь, пытаясь найти истоки моего морального падения»,— писал из тюрьмы в Прокуратуру СССР, которая расследовала это необычное и сложное дело, Виктор Иванович Вишняков, бывший заместитель министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения.

Те, кто когда-то проголосовал за его избрание секретарем парткома Таганрогского металлургического комбината и поставил на первую ступеньку восхождения, уже вышли на пенсию. У металлургов она заслуженно льготная — ранняя. В чем им упрекнуть себя? Всей душой верили в своего, прокопченного горячим цехом рабочего парня, с которым жадно глотали газировку между плавками.

И потом, узнавая, что он окончил техникум с отличием, институт, что поднялся на городской, областной руководящий уровень, видя его в президиумах, говорили с гордостью: «Наш-то, а? Орел!» В те годы трудовые коллективы Ростовской области, напрягая силы, внедряли опыт непрерывного производственного планирования, развивали инициативу строителей и эксплуатационников «Досрочно построим, досрочно освоим», почин работать без отстающих. Ему поручали приветствовать передовиков, произносить речи, вручать почетные грамоты и награды...

Невольно в зале суда думалось обо всем этом. Но не так, как рассчитывал Вишняков, надеявшийся упоминанием о своей былой причастности к славным делам таганрогских, новочеркасских и ростовских трудовых коллективов вызвать к себе сочувствие и смягчить наказание. Среди перечня обвинений в многочисленных взятках за незаконное распределение легковых автомобилей, квартир, повышение различных лиц по службе, во вмешательстве в деятельность судебно-следственных органов, в хищениях, спекуляциях, валютных сделках, то есть в преступлениях, предусмотренных пятнадцатью статьями уголовных кодексов трех республик, не было названо самое тяжкое — обман доверия людей, выдвинувших Вишнякова на руководящую работу. Обман народа.

В своем письме в прокуратуру Вишняков пишет о том, что нередко областное, районное или городское мероприятие, подводившее итоги социалистическому соревнованию, вершилось банкетом за закрытой дверью в «узком кругу», именовавшимся завуалированно «товарищеским ужином». Ответработники пользовались «закрытыми» магазинами и столовыми, где приобретали дефицитные товары и продукты питания по их себестоимости, «закрытыми» кинозалами. Лишь фасад дома улучшенной архитектуры, этажности и планировки нельзя было «закрыть», потому что он стоял на виду, в лучшей части города. Народ говорил: «Дворянское гнездо»...

Вспоминается рассказ одного бригадира-строителя о том, как он, избранный депутатом Верховного Совета страны, пришел однажды к диспетчеру «выбивать» кирпич для своей стройки. Были здесь и другие бригадиры, наседал каждый, и рассказчик не больше их. И вдруг задерганный со всех сторон диспетчер огрызнулся: «А ты чего пристал? Не успели выбрать, явился права качать?..» «И я понял тогда,— заключил этот случай бригадир,— что теперь под взыскательными глазами людей требовать что-то — хотя бы и для бригады — будет гораздо труднее. Со званием, отличием, правами нужно быть ох как осторожным! А про себя вообще забыть придется...»

Вот так судил рабочий человек о высоких личных правах, данных обществом.

«Если говорить о личной жизни,— запоздало размышляет Вишняков,— то попросту бытовала обстановка какой-то исключительности, я бы даже сказал, «вседозволенности». Естественно, что это не могло не сказаться на моем внутреннем мировоззрении».

По всей вероятности, он делил мировоззрение на личное и общественное, деловое и нравственное, выработал способность легко по мере надобности менять эти понятия. Только теперь он осознает, что жизнь такого деления не терпит, что одно в ущерб другому существовать не может, что

Высокое падение

ПОСЛЕ СУДА

Юрий ДМИТРИЕВ, Аркадий ЛОКТЕВ

исповедовать двойную мораль — вседозволенную для себя и неукоснительную для других — гибельно.

А тогда он пришел к мысли, что служебное положение — это не только сумма трудных обязанностей, но и легких возможностей, своего рода капитал, которым можно и нужно воспользоваться, как бы компенсируя себя за повышенное напряжение ответственной работы. Следует лишь повнимательней оглядеться и найти этому капиталу практическое применение.

Оказалось, что кое-кто присматривался и к самому Вишнякову. Причем не с почтительной дистанции, а вблизи, наблюдая его образ жизни во всех интимных подробностях и видя оборотную сторону его морали. Это был персональный шофер Евгений Сухомлинов, молодой оборотистый парень с многочисленной родней из ростовской торговой сети. Он скоро усек, что шеф — «мужик не промах». Все время прокручивает какие-то дела, устраивает кого-то на работу, переводит, повышает, любит решать вопросы с «нужными» людьми на рыбалке, с обильным возлиянием на травке... Торговый клан Сухомлиновых держал совет и, взвесив все «за» и «против», уполномочил Евгения обратиться к Вишнякову с первой просьбой.

В последнее время юристы нередко сталкиваются с примерами того, как подпольные деляги-миллионщики упорно штурмуют должностных лиц. И не только потому, что у этих деньги, а у тех контроль над распределением общественных благ и ценностей. Нужны контакты и для того, чтобы до какой-то степени легализоваться, навязать обществу свои торгашеские нормы жизни, а то и опереться в случае разоблачения. Ищут подступы, изучают слабинки в характере, нащупывают точки соприкосновения. В ход идут родственные связи, служебные знакомства, дружеские расположения...

«Беспрерывные совместные поездки по области сблизили нас, я доверял Сухомлинову во всем, в командировках мы всегда жили и питались вместе, и я смотрел на него не как на водителя, а как на товарища, очень близкого мне человека...»

И Сухомлинов попросил шефа достать «Волгу» для родственника своей жены. Тот снял трубку, позвонил в район, где проживал сухомлиновский протеже, и предложил (приказал?) оформить ходатайство как на передовика. Районные власти выдержали руководящий натиск и принципиально отказались. Смутило ли это Вишнякова? Нисколько. Он позвонил в соседний район — Азовский. Здесь уступили, поддались нажиму — составили липовое прошение. Первый лимузин, минуя законные пути, ушел на сторону.

Сухомлинов принес деньги — Вишняков, как уверяет, вначале отказался. Но отпрыск торгового клана продолжал настаивать. Все равно, дескать, собирались покупать машину с переплатой на рынке. Так уж лучше отдать разницу между госценой и рыночной своему человеку, чем кому-то чужому. В общем, деньги эти—душевная семейная признательность.

Ах, как не любят в торгашеском кругу называть вещи своими именами! Зачем говорить, например, спекулянт? Приличнее — деловой человек или коммерсант. Афера? Благозвучнее — бизнес. А взятка — благодарность...

Вишняков четыре тысячи взял. Вскоре еще одну «Волгу» по просьбе Сухомлинова «провели» через облпотребсоюз — семь тысяч навара. Потом замелькали машины других марок, разнообразились суммы «благодарностей» — две, пять, десять тысяч рублей. Однообразной была только сфера клиентов — магазинно-ресторанная отрасль. Уже давно насытился семейный клан Сухомлиновых, и «родственность» благодетельствуемых Вишняковым автолюбителей просматривалась по признакам источников дохода и блатной поруки. Появился новый подручный — некий Анатолий Тарасов.

Однотипной была и механика добычи автомобилей. В материалах судебного дела подшито много всяких документов, по которым спекулянтам и ловкачам выдавались автомобили, предназначенные передовикам производства. Подбирался уважаемый рабочий, от его имени сочинялась бумага с просьбой выделить машину вне очереди, Вишняков накладывал резолюцию и... Рабочий не только не видел машины, но даже и не знал, что ее просил, а уж тем более, что получил ее и перепродал через комиссионку. По таким «липам» урывали «Жигули» и «Волги» за счет трудовых коллективов «Красного Аксая», «Ростсельмаша», других предприятий.

И вот уже расширяется жанр махинаций. Вишняков входит в сговор с райисполкомовским деятелем П. Битюцким и путем опять-таки подложных писем, «руководящих» звонков, всякого рода «обменов», «компенсаций» за полученное жилье они принялись попросту продавать квартиры. Клиентура все та же, торговая, например, водитель пивной автобочки Дронов, отваливший за трехкомнатную квартиру десять тысяч рублей.

«Я считал, что, принимая участие в сделках... я имею дело с частным лицом и никакого ущерба государству не наношу».

Так что же входит в вельможное понятие об интересах государства? Масштабы интересов отраслей и предприятий, ведомств и учреждений, размах встречного движения директив сверху и рапортов об их выполнении снизу? Того движения, которое либо поднимает деловую карьеру, либо низвергает ее? Завалить производственный план, разбазаривать фонды, запустить лапу в казенный карман — это да, нанести ущерб государству. А украсть доброе имя честного труженика, воспользовавшись его заслуженной льготой, или обойти очередника, годами дожидающегося жилья,— это «частность», от которой интересов государства не убудет?..

Снова происходит подмена понятий: личного и общественного, долга и должности, того, что произносится с трибуны или пишется в газете для всех, и того, что говорится начальственным баском в телефонную трубку «своему» человеку или доверенному собеседнику за двойной дверью кабинета, охраняемого секретарем.

У Вишнякова многое было двойным и, как мы уже говорили, удобно меняемым в случае практической необходимости, то есть наживы. Принцип социальной справедливости Вишнякова и ему подобных не устраивает, потому что не дает лично им никакого приоритета. Тогда они начинают создавать свою систему кумовства и блата, сговоров «ты мне — я тебе». И не только создавать, но и активно вплетать в канву общепринятого порядка, стремясь так густо покрыть его стежками сделок, чтобы он перестал быть виден.

«Руководители, к которым я обращался с подобными просьбами (автомобильными, квартирными.— **Ю. Д. и А. Л.**), были либо моими друзьями, либо очень хорошими знакомыми, и поэтому мои обращения к ним никогда не носили характера обращения должностного лица, а были просто просьбами близкого человека или приятеля...»

Вишняков получает назначение в Москву, садится в кресло заместителя министра, и шлейф махинаций тянется вслед за ним. Друзей он не забывает: бывший шофер Сухомлинов сделан напоследок директором магазина «Дары Дона». Появились в Москве и новые — один из руководителей производственного объединения «Львовхимсельхозмаш», Мирослав Фикташ, подчиненный по министерству Сергей Славутский и другие. И опять спекуляция машинами, квартирами, повышения по службе «нужных» лиц и т. д. Прибавилось забот обустройства на новом месте—строительство двух дач с доставкой леса из Горного Алтая и степного саратовского края, а оборудования для баньсаун — из Валмиерского района Латвии...

Вишняков поставил нелегкую задачу перед Фикташем — достать лес из Закарпатья. Но нужного для дачного строительства бруса там не оказалось. Нашел он подходящий лесоматериал в далеком Бийске на Алтае. Оттуда пятнадцать кубометров первосортного хвойного бруса пропутешествовали во Львов под видом тары, а потом на нескольких грузовиках отправились в Москву, на шестидесятый километр Ярославского шоссе, где пришлись, наконец, к делу на вишняковской даче.

Таким же жульническим путем был привезен лес из Саратовской области. Там постарались угодить министерскому начальству руководители завода «Серп и молот», которые снарядили целую экспедицию из нескольких грузовиков и отряда грузчиков для похищения тринадцати кубометров соснового и березового бруса, заготовленного чужим мехлесхозом.

А за комплект бани «Кунгля-2» руководителям Валмиерского района были обещаны фонды дефицитных запчастей и агрегатов для сельскохозяйственных машин...

Просто диву даешься, с какой бесцеремонностью, с каким цинизмом выстраивал Вишняков цепочки своих комбинаций. Нужно было, скажем, прописать в Москве молодую ростовскую приятельницу Елену Б. Вызвал своего подчиненного Сергея Славутского, с которым занимался спекуляцией и вымогательством взяток, сказал строго: «Разводись с женой, оформляй фиктивный брак с Еленой...» Так Славутский и поступил, хотя его настоящая жена пришла поначалу в ужас от такого предложения. Уговорили...

В другой раз Вишняков решил продать свою машину марки «Вольво». Нашел в Куйбышеве некоего уроженца солнечной Грузии Руслана Джаркаву, отбывавшего там наказание за мошенничество, но расконвоированного. Хлопнули по рукам, отвалил южанин двадцать тысяч и принялся раскатывать на престижной иномарке. И приходило ли в голову прохожим, с уважением провожавшим взглядом проносившуюся мимо них автомашину, что это сверкающее никелем чудо один жулик продал другому? А взаимоотношения между ними углублялись и развивались: Джаркава попросил заместителя министра достать для своей жены квартиру в Подмосковье, чтобы потом поменять ее на столицу. Проделать такой фокус для Вишнякова не составило труда. Велел заготовить справку, что она окончила какой-то (несуществующий) техникум. От своего министерства «изобразил» фиктивное направление молодого специалиста на вентиляторный завод в подмосковном Домодедове. Потом телефонный звонок председателю горсовета и еще одно официальное письмо... Дело сделано.

Почему Вишнякову так долго удавалось творить свои грязные дела? Почему для тех, к кому он обращался с явно незаконными просьбами, закон уходил на второй план перед руководящим звонком? Ответ однозначен — из угодничества, из чинопочитания, из раболепия. Причем не столько лично перед ним, Вишняковым, сколько перед видимостью его начальственного положения. Трусость, подхалимство, угодничество, как говорится, бежали впереди этих людей, которых выслушивал суд в качестве свидетелей, и они, нервничая, пряча от стыда глаза, рассказывали, как при их беспринципном содействии удавалось Вишнякову проделывать свои махинации...

Исписав в тюремной камере полтора десятка страниц, Вишняков так и не смог, так и не дал честного ответа на вопросы о причинах своего морального падения, старался выгородить себя, сваливая вину на сообщников, выторговать снисхождение. Но может ли оно быть к тем, кто возвел в систему деятельное и отработанное «на совесть» отрицание важнейших основ социалистического общества?

Нет!

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки
Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

При расследовании дела об исчезновении профессора-химика Георгия Мартыновича Солитова выясняется, что на его даче, где он вел опыты над лекарственными растениями по древним рецептам, произошел взрыв. Следователь прокуратуры Гуров и сотрудник уголовного розыска Люсин на месте происшествия обнаруживают разбитую колбу со следами неизвестного вещества и множество записей, которые нуждаются в расшифровке. Гуров выдвигает версию о причастности домработницы профессора Солдатенковой к происшествию. Люсин посещает кафедру, на которой работал профессор, и встречается с его коллегой Натальей Андриановной Гротто, которая вводит его в круг научных интересов Солитова.

Тогда продолжим.— Заметив, что кассета кончается, Люсин перевернул ее на другую сторону. — Сформулируйте, пожалуйста, поточнее, — попросил он, поразмыслив под тихий шелест впустую прокручиваемой пленки,— какой научной проблемой занимался Солитов, какие опыты ставил, что надеялся получить?..

— Проблема у всех нас одна: получение новых биологически активных веществ. Разумеется, каждый, в меру сил и способностей, ковыряется на своем участке, — вперившись отрешенным взглядом в окно, за которым скучно темнели жестяные крыши и трубы соседних домов, объяснила Наталья Андриановна. — Георгий Мартынович предпочитал свободный поиск. Владея несколькими языками, в том числе обязательной для фармаколога латынью, он, вполне, я считаю, естественно, обратился к изучению старинной рецептуры. Поразительное чутье исследователя, плюс возможности современной аналитической техники позволили ему довольно скоро выделить препарат, эффективно снимающий экстрасистолию...

— Простите, как?

— Восстанавливающий сердечный ритм, одним словом.

— Ясно. А почему он все-таки занялся историческими, так сказать, изысканиями, не знаете?

— В значительной мере собственные недуги. Дело в том, что он прожил очень нелегкую жизнь. Во всех отношениях. Не берусь судить, как все это могло сказаться на состоянии здоровья, но оно, можете поверить, оставляло желать лучшего.

— Желчнокаменная болезнь, почки, немного печень? — слабо улыбнувшись, уточнил Люсин.

— Так вы знаете! — протянула она то ли разочарованно, то ли удивленно.— Значит, уже навели справки. Зачем?

— Пожилой человек ушел и не вернулся. Что прежде всего приходит на ум? Внезапный приступ и далее в том же роде. Нужно было изучить такую возможность?

— Вы совершенно правы. Я ведь просто так спросила, чтобы понять логику ваших поисков. К вашему сведению, Владимир Константинович, он начал с того, что вылечился. Знаете мудрую заповедь? «Врачу, исцелися сам». Георгий Мартынович исцелился. И знаете чем?

— Если я верно догадываюсь?..

— Абсолютно верно: травами.

— Не без помощи Аглаи Степановны, надо полагать? — повинуясь внезапному наитию, спросил Люсин.

— Не без помощи?.. Она-то его и вытащила! Теперь вы знаете, что послужило отправной точкой. Получив неопровержимое доказательство могущества фитотерапии, большего, как вы понимаете, и желать было нечего, шеф занялся этим делом всерьез. С присущими ему целеустремленностью и глубиной. Отсюда его интерес к алхимии и, как следствие, уникальные в наше время познания. Он задался грандиозной задачей: проверить древнее забытое знание методами современной науки. Не берусь судить, где тут кончается сугубо научный интерес и начинается нетерпеливая охота коллекционера, но за несколько лет ему удалось собрать уникальную библиотеку манускриптов, гравюр.

— Насколько я мог убедиться, это в основном фотокопии и перепечатки?

— О, есть и подлинники. И какие! Настоящие раритеты.

— На квартире, наверное?

— Да, он очень ими дорожит, буквально трясется над каждым листком. И редко кому показывает.

— Вам, например?

— Раньше, когда я еще бывала у них на Чкаловской... Он часами мог, хвастая, как ребенок, демонстрировать свои сокровища. Мне даже скучно делалось, но я, конечно, не показывала и вида.

— Вы сказали «раньше», Наталья Андриановна,— попытался уточнить Люсин.— Это случайная оговорка или за ней скрывается какая-то существенная перемена?

— Оговорка, — устало кивнула она, — на которой не стоит задерживаться. Вы не бойтесь: ничего из того, что действительно может иметь для вас интерес, я не утаю.

— Кто может знать, какому пустяку уготовано сыграть ключевую роль?.. Вернемся, однако, к сокровищам.— Люсин помедлил, многозначительно акцентируя каждое слово.— Сокровищам духа и сокровищам в денежном, так сказать, сугубо приземленном эквиваленте... Есть действительно ценные книги?

— И книги со знаком Альда Мануция, и розенкрейцерские тетради, и клочки подлинных египетских папирусов, и тибетские ксилографии — словом, чего только нет.

— Я успел навести кое-какие справки. Даже в наших букинистических магазинах какой-нибудь травник восемнадцатого века стоит огромных денег. Как минимум моя годовая зарплата. Кстати, и ваша тоже, досточтимый товарищ доцент.

— Вот как? — Наталья Андриановна озарилась мгновенной улыбкой.— И какое это может иметь для нас с вами значение?

— Мало ли, — неопределенно двинул плечом Люсин.— А вы случайно не знаете, где именно доставал Георгий Мартынович столь редкие вещи?

— Точно сказать не могу. По-видимому, покупал у кого-то, менялся... Как это обычно делается?

— Так и бывает,— подтвердил Люсин.— Поэтому и хочется знать точно: у кого именно и с кем? Может, Аглае Степановне известно? Что она за человек, на ваш взгляд, разумеется?

— Да мне-то откуда знать, Владимир Константинович? Видела ее раза два-три, контакта не получилось... Вам вполне достаточно, что Георгий Мартынович в ней души не чаял. Я-то тут при чем?

— Я просто так спросил, по инерции.— Почувствовав, что для нее эта тема чем-то неприятна, он поспешил вернуться на более проторенную дорогу.— Может быть, вы знаете кого-то из коллекционеров, одержимых той же страстью, что и Солитов, букинистов?

— О коллекционерах, признаться, даже не слышала, а вот каких-то книжников он поминал, было...

— А когда, при каких обстоятельствах?

— Давно, знаете ли. И не по специальному поводу, а так, между делом.

— Конкретных имен не называлось? Адресов букинистических магазинов?

— Едва ли ятрохимические трактаты попадают в букинистические магазины.— Она снисходительно улыбнулась.— По-видимому, вы даже не представляете себе, какая это редкость.

— Всяко бывает, Наталья Андриановна, уж вы мне поверьте... Кстати, что это значит — ятрохимические? Первый раз слышу.

— Лечебная химия, от греческого «ятрос» — врач.

— Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм? — доверительно подмигнул Люсин.

— Подумать только! — Наталья Андриановна даже руками всплеснула.— Примите мои поздравления, товарищ милиционер!

— Случайно в памяти застряло, — смущенно признался Люсин.

— Уж не проходил ли он у вас по какому-то делу? — пошутила она.— Я бы не удивилась.

— Очень может быть, Наталья Андриановна,— уронил он с нарочитой небрежностью, поймав себя на том, что ему приятно выглядеть в ее глазах в выгодном для себя свете.— Сейчас я припоминаю, что именно Парацельсу приписывали открытие эликсира бессмертия. Так?

— Если б ему одному! А Валентину? А Луллию? Амбруазу Паре, наконец, Макропулосу? Но вообще-то Парацельс был по-настоящему великим ученым. Хотя и не без заблуждений, свойственных эпохе. «Ятрохимик есмь,— говаривал он о себе,— ибо равно ведаю химию и врачевание».

— Химию или алхимию? — с тонкой улыбкой поинтересовался Люсин, немало почерпнувший из солитовских записей.

— Ятрохимию, — внесла необходимое уточнение Наталья Андриановна.— От иллюзий златоделания он решительно отказался, но полностью с алхимией не порвал. Да и чего вы хотите? Каждый человек — сын своего века. Стоя одной ногой в уже новом времени, Парацельс оставался, однако, в плену магических представлений о всеобщей симпатической связи... «Никто не докажет мне, что минералы безжизненны, ибо их соли, колчеданы и квинтэссенции жизнь человеческую поддерживают. Утверждаю решительно, что металлы и камни наделены жизнью, как и корни, травы и плоды»,— звучно прочитала она.— Между прочим, любимая цитата Георгия Мартыновича.

— И он разделял мнение доктора обеих медицин — хирургии и терапевтики? — подпустив нужную дозу иронии, спросил отличавшийся завидной памятью Люсин.

— С вами приятно беседовать, Владимир Константинович,— оценила Гротто.

— Так да или нет? — Он поблагодарил наклоном головы.

— Разумеется, нет, потому что все мы дети своего века... Но кое-какие рекомендации ятрохимиков ему здорово пригодились.

— В смысле эликсира бессмертия?

— К счастью, нет, потому что никаких точных указаний на сей счет история нам не оставила. Иначе бы Георгий Мартынович не замедлил про-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1, 2.

извести проверку... Даже я, невзирая на стопроцентный скепсис, не устояла бы перед таким соблазном.

— А это не страшно — бессмертие?

— Бессмертие — крайность, недостижимая мечта. Но продлить человеческую жизнь или хотя бы отодвинуть рубеж старости...

— Солитов тоже так считал?

— Как вы жестко выдерживаете курс! — протянула Наталья Андриановна то ли в одобрение, то ли, наоборот, осуждая.— Всякий раз возвращаетесь к одному... Да и сама я только про это думаю.— Она смахнула упавшую на лоб прядь.— Из головы не идет.

— У меня тоже.

— Нет, заведомыми сказками Георгий Мартынович не увлекался, хотя и скрупулезно записывал всю ту ересь, которой обставляли свои опыты всяческие адепты спагирического искусства. Он старался не пропустить ничего: ни лунных фаз, ни заклинаний. Как и вы, кстати, он считал, что может пригодиться любая мелочь.

— Даже заклинание?

— А вот представьте себе! Георгий Мартынович был глубоко убежден в том, что всякие таинственные формулы служили алхимикам для отсчета времени в темной лаборатории. Затем, вероятно, чтобы не пропустить нужный момент при дистилляции растительных соков, активность которых иногда быстро пропадает. Если требовалось, он выучивал наизусть какую-нибудь абракадабру и потом замерял длительность звучания по секундомеру.

— А вы случайно не знаете, какие конкретно исследования вел Георгий Мартынович в самое последнее время?

— Собираясь в отпуск, он говорил, что хочет продолжить свою работу над галлюциногенами-анальгетиками.

— Обезболивание?

— Совершенно верно. Последние два года он со свойственным ему терпением занимался анализами всевозможных бальзамов. По старинным прописям, разумеется: западноевропейским, славянским, тибетским, даже южноамериканским. Это вам не эликсир бессмертия, тут действительно можно сделать потрясающие открытия. Я почти не сомневаюсь в том, что именно этим он и занимался до самой последней минуты...

— Среди осколков колбы мы обнаружили фрагменты какого-то корневища. Не знаете, что это могло быть? Наши аналитики, к сожалению, не пришли к единому мнению. Вы нам не поможете?

— Надо посмотреть,— не слишком уверенно пообещала Наталья Андриановна. — Но боюсь, мне это не по зубам. Не лучше ли обратиться к ботаникам?

— Ботаники как раз и спасовали. Даже гистология не помогла. Трудный корешок попался, неизвестный для них.

— А по записям в лабораторном журнале установить нельзя? Георгий Мартынович все самым тщательным образом регистрировал.

— Журнал-то мы просмотрели.— Люсин по старой, до конца не изжитой привычке почесал макушку.— Да уж больно темное дело, Наталья Андриановна, эти лунные фазы, латинские сокращения и прочая алхимическая заумь.

— Я попробую облегчить ваши поиски, но мне нужно подумать, проконсультироваться.

— Такое название, как *Unguentum malaferum*, вам ничего не говорит?

— Что-то очень знакомое, — она словно бы прислушалась к себе. — Нет, извините, не могу вспомнить. Я не знаю латыни.

— «Мазь ведьм», — подсказал Люсин. — Или ведьмовская мазь.

— Ах, это!— Она просияла на миг.— Помню, помню... Георгий Мартынович что-то такое рассказывал. Даже обещал дать немного на пробу, если, конечно, получится. Мы еще смеялись по этому поводу.

— Смеялись?

— Ну, конечно! Коллектив как-никак на девяносто процентов женский. — Она растроганно вздохнула.— Всем хочется...

— Это в ведьмы-то? — непритворно поразился Люсин.

— Счастья хочется, красоты, молодости... Непонятно? Помните, как несчастная Катлина натерла волшебной мазью Неле и Тиля Уленшпигеля? Уже из одного описания можно судить, что в состав снадобья входили галлюциногены и другие наркотические вещества, вызывающие частичную анестезию.

— И у него была такая мазь?

— Насчет мази сильно сомневаюсь, а вот рецептов более чем достаточно, хоть отбавляй. Что не книга, то дюжина новых рецептов. Вас это в самом деле интересует?

— Самым живейшим образом. Дадите?

— Вам с молочаем, папоротником или предпочитаете белену?

— Если бы я мог хоть на минуту поверить! — невесело пошутил Люсин.

— Во что?— не поняла его Наталья Андриановна.

— Да в это, в вашу волшебную мазь. Ведь прелесть! Намажься с ног до головы и лети себе за тридевять земель... Смех, а такая версия многое объясняет. Вы не находите?

— Могу предположить другую, не менее интересную.— Она не приняла шутки.— Маг-чернокнижник забыл заклинание и был унесен дьяволом. Как вам понравится? По-моему, здорово. Сюда и взрыв укладывается, и разбитое окно.

— Вы сердитесь, Наталья Андриановна? Я вас чем-то обидел?

— Просто мне сейчас не до юмора. Не то настроение.

— Я понимаю. Еще раз простите великодушно, если меня занесло.

— При чем тут это?— Она красноречиво глянула на часы.— Я понимаю: случай сложный, не за что ухватиться, вы озабочены, растеряны даже, но зачем же дурака-то валять? Какое вам дело до корешков, мазей и прочей, извините, ерунды? Разве в том дело?

— Вы правы, надеюсь.— Люсин выключил магнитофон и встал с осточертевшего ему кресла.

Наталья Андриановна тоже не замедлила подняться.

— Тогда не смею вам мешать.— С видимым удовольствием она повела занемевшими плечами.— Там,— указала на комодик с алфавитными ящичками,— полная картотека растений, с которыми работал Георгий Мартынович. Остается лишь угадать, на какой карточке значится интересующий вас корешок. Желаю успеха, а мне, извините, пора: люди ждут.

Оставшись в одиночестве — он так и не понял, чем вызвана столь неожиданная реакция,— Владимир Константинович рассеянно выдвинул первый попавшийся ящик: ива, имбирь, ирис, иссоп... Сотня, если не больше растений, и на каждое — десятки отдельных карточек. «Что ж, если нет другого выхода, можно попробовать,— рассудил он,— методом исключения. Не квинквефолиум, не кервель, не крестовик... Может, калган? Надо искать клубень, крупное корневище».

Переписав названия, на что ушло около часа, он бережно задвинул последний ящик. Затем, чтобы получить более полное представление о столь необычном хранилище, достал, разумеется, наугад, картонку, озаглавленную «Репейник»:

«Кроме того, что трава за обилие славится качеств,
Пьется растертой, живот избавляя от боли
жестокой.
Если же телу нежданно железо враждебное раны
Вдруг причинило, тогда на себе испытать подобает
Помощь ее, приложив растолченную к месту
больному
Ветку травы,— и тотчас же вернем
мы прежнее здравье
Этим искусством, к припарке добавив
кусающий уксус».

На обороте карточки значилось следующее: «Валафрид Страбон (809—849 гг.). Из поэмы «О культуре садов», или «Садик». Источники: Квинт Серен, Самоник, Вергилий, Плиний Старший, Диоскорид, псевдо-Апулей, «Капитулярий» Карла Великого».

Куда как права была Наташа Гротто: утонуть тут ничего не стоило, сгинуть, что называется, с ушами.

Перед тем как уйти, Люсин еще раз оглядел застекленные полки, бегло перелистал блокнотики-семидневки. Адреса, телефоны, фамилии, часы встреч, аббревиатура учреждений. И цитаты, и формулы, и даже рожицы.

Глава шестая

РУИНЫ МОНСЕГЮРА

Посланная через МИД телеграмма уже не застала Людмилу Георгиевну. Вместе с мужем Игорем Александровичем Берсеневым она отбыла в поездку по легендарным городам Лангедока.

— Берсеневы уехали?— спросил экономический советник, показав телеграмму секретарю.

— Вчера вечером... Но я примерно знаю, где они намеревались остановиться. Может быть, дать знать?

— Нет, пожалуй, не стоит,— после долгого раздумья покачал головой советник.— Все равно ничего не изменишь. Только отравим людям уикэнд. Они ведь и без того собирались в Москву?

— Во вторник. Я сам в Аэрофлоте бронировал. Так что не позже понедельника будут здесь.

— Значит, так тому и быть. Днем раньше, днем позже... «Бедная Люда,— пожалел он,— невеселенький ей предстоит отпуск».

Берсеневы между тем со скоростью сто восемьдесят километров в час приближались к Тулузе. Как радовалась Людмила Георгиевна этой поездке! Отделанное красным деревом купе первого класса с отдельным входом и ванной, стремительная смена декораций, изысканная кухня, скорость, комфорт. А впереди ожидали новые радости: старинные соборы, феодальные замки, потемневшие от времени полотна и гобелены.

В Тулузе Берсеневы намеревались арендовать в агентстве Хертца малолитражку, запастись путеводителями и взять курс прямехонько на Альби, где семь столетий назад зародилось еретическое движение, потрясшее устои феодальной Европы.

— Все твои фантазии!— добродушно проворчал Игорь Александрович, получив из рук хорошенькой брюнетки желтый конверт с ключом от машины.— Почему не Лазурный берег?

— Нам туда!..— Людмила первой заметила на стоянке предназначенный им небесно-голубой «пежо».— Монсегюра никто не видел. Притом ты же знаешь, я обещала папе... Он так мечтал посмотреть катарский замок! Даже представить себе не можешь, какой будет ему сюрприз.

На ночь переполненные впечатлениями отпускники остановились в окруженном двойной линией крепостных стен Каркассоне, в старомодной гостинице «Голубой щит». Уютно прилепившись к каменной толще башни Сен-Лорен, она выходила окнами на самую древнюю часть города. От суровой, тронутой глянцем столетий кладки веяло магической мощью. Остроконечные шпили и стрельчатые арки казались сошедшими с рисунков Доре. Берсенева даже припомнила сизый декабрьский день, когда счастливый, пунцовый с мороза отец принес домой свернутую трубкой гравюру, которую разыскал у букиниста. На ней была изображена точно такая же прямоугольная зубчатка и колючие, устремленные в беспредельность пики. Сверившись с путеводителем, где остатки укреплений галлороманского периода смыкаются с внутренней стеной времен каркассонского виконтства, Людмила удовлетворенно, с сознанием выполненного долга опустила шторы. На рассвете им предстояло взять старт на Монсегюр.

Эта часть путешествия понравилась ей еще больше. Менялись не только ландшафты, но и времена года. Приморские пляжи млели в густо перетекающих волнах зноя. Здесь безраздельно царила ленивая праздность и вязкая, дремотная тишина. Зато, когда дорога свернула к Пиренеям, погода резко переменилась. Задул пронзительный, холодный мистраль. Небо заволоклось угрожающей темной завесой. Прямо на глазах потускнели обремененные плодами сады и даже белые стены крестьянских домов приобрели серовато-унылый оттенок. Лобовое стекло покрылось косыми строчками мелких капель. По мере подъема на плато дождь сменился мокрым снегом. Дворники едва справлялись с липучей завесой медленно таявших хлопьев, напрочь смазавшей горизонт.

Автомобильчик упорно взбирался по круто загибавшему вверх серпантину, отчаянно сигналя и сверля мглу воспаленным светом.

— Хватит валять дурака.— Игорь решительно притормозил у придорожного ресторанчика.— Себе дороже. Да и подзаправиться не худо как следует. Путь неблизкий.

— А здесь ничего,— одобрила Людмила, озирая современной работы витражи и грубо побеленные стены, декорированные косыми балками. К таким же благородно подморенным дубовым карнизам были прикованы бронзовые пятиугольники с рисунком пчелы.

Взъерошенный молодой человек в ковбойке отложил книгу и вышел из-за стойки навстречу гостям.

— Мадам, мсье.— Он величаво обвел рукой пустующий зал с накрытыми клетчатыми скатерками столиками.

— Нам бы пообедать слегка.— Игорь Александрович, щурясь на свет, потер руки.— Чего-нибудь местного, остренького?

— Рекомендую суп из раков по-ортезски. Кроме лангустов, мы кладем мелких омаров и крабов.

— Замечательно!— обрадовалась Людмила, готовая съесть что ни предложат.— А рыбы у вас нет? На горячее?

Игорь Александрович слегка поморщился, но ничего не сказал.

— Мы только что получили превосходных тюрбо. Наш повар метр Бриссо бесподобно готовит морскую рыбу в томатном соусе.

— Тюрбо?— Людмила неуверенно покосилась на мужа.

— Это такая камбала, дорогая,— объяснил он.

Пока Берсеневы устраивались за облюбованным столиком, выдергивая льняные салфетки из мельхиоровых колец, молодой человек обнаружил чудеса трансформации. Исчезнув за неприметной дверью, он вскоре возник в сиреневом фрачном пиджаке. С его шеи уныло свисала цепь с анодированной блямбой, на которой был изображен омар с бутылкой в клешнях.

— Аперитив?— поинтересовался импровизированный метрдевин, вручая карту напитков.

— За рулем.— Берсенев скорчил подобающую гримасу.

— А мне кока-колу,— попросила Людмила.

— Вино?

— Полбутылки белого,— кивнул Берсенев, памятуя о рыбном заказе.

В мгновение ока возникла пузатая бутылка «Видамессы де Монсегюр», установленная на лафете на манер артиллерийского ствола. Игорь Александрович пригубил, посмаковал и кивком знатока одобрил выбор.

— Урожая сорок седьмого года.— Молодой человек, уже без медали и фрака, но зато с белой крахмальной салфеткой на сгибе руки, умело разлил вино. А затем, облаченный в передник с кокетливыми рюшами, он предстал с супницей, окутанной умопомрачительным по вкусноте паром.

Вопреки размеренным пассажам Луиджи Боккерини, звучавшим из скрытых динамиков, обед протекал с веселой поспешностью.

— Как тюрбо, мадам?— полюбопытствовал парень, когда с нежной рыбой было покончено. Заложенная карандашом книга оказалась у него под мышкой. Сделав немыслимый вольт, он заменил ее хрустальным подносом с сырами под отуманенным колпаком.

Игорь Александрович придирчиво выбрал ананасного вида ломтик, к которому добавил пластиночку бри.

— Рыба чудесная,— благодарно улыбнулась Людмила, беря то же самое.— Далеко отсюда до Монсегюра?

— Господа едут в Монсегюр?— уважительно удивился официант.— Часа два или чуть больше.

— Там что?— спросил Игорь Александрович.— Музей или как?

— Никакого музея, мсье. Просто развалины на вершине горы. Остатки стен, но очень величественно.

— Как же мы сумеем достать проспекты?— огорчилась Людмила.

— Если хотите, я мог бы взглянуть,— услужливо предложил молодой человек.— У нас, кажется, остались нераспроданные экземпляры. Вам «Фуа», «Каркассон»? Может быть, «Кафедральный собор в Альби»?

— Нет, только «Монсегюр».

— К сожалению, есть лишь на немецком языке.— Парень принес тощий буклетик с изображением мрачной скалы, увенчанной руинами.— Очевидно, вас это не очень устроит?

— Если бы хоть по-английски...— Игорь Александрович вопросительно взглянул на супругу.

— Ничего, давайте,— решительно тряхнула кудряшками Людмила Георгиевна.— Папа же превосходно читает по-немецки,— шепнула она мужу.— Какая разница?

— Может, нам повернуть назад?— Игорь Александрович небрежно перелистал брошюру.— Главная цель достигнута, а всяческих развалин мы с тобой нагляделись.

— Но папа же спросит! Ему же интересно!

— Скажем, что были. Чего-нибудь напридумаем. Мало мы видели всего в Каркассоне? Всех вопросов не предусмотришь. Даже в страшном сне не приснится, что может ни с того ни с сего взволновать нашего дорогого папа́.

— Как тебе не стыдно!— обиделась Людмила, нервно засовывая салфетку в кольцо.

— Да шучу я, шучу,— досадливо махнул рукой Игорь Александрович.— Сейчас и поедем... Счет, будьте любезны.

На сей раз парень отсутствовал довольно продолжительно. Когда Берсеневы уже отчаялись дождаться, он вдруг объявился с золотой уткой в руках, которую водрузил с церемонным поклоном посреди стола и, словно в воздухе растворился, исчез.

— Это еще что за фокусы?— захлопал глазами Берсенев. Он надел очки и критически осмотрел диковину. Потом догадливо прояснел взором и тихо засмеялся:

— Сдается мне, что здесь спрятана нейлоновая шубка... Или сто пар колготок.

— Что ты городишь!

— А вот сейчас выясним.— Он раскрыл утку, приподняв плоский клюв. Внутри на бархатной красной подкладке лежал счет.

— И что я тебе говорил?— восторжествовал Берсенев, доставая бумажник.— Юмористы!

— Все-таки тут очень славно,— вздохнула, поднимаясь, Людмила.— Не находишь?

— Почему? Прелестный уголок.— Бросив купюры в утиное нутро, он поспешил за женой.

Снегопад кончился. Небо просветлело студеной голубизной. Мокрое шоссе сверкало, как полированный шведский гранит.

— Ну и холодище!— Людмила поежилась.

— То ли еще будет! Может, все же зададим лататы?

— Я своих решений не меняю.

— Тогда садись побыстрей.— Игорь Александрович включил зажигание и склонился над картой.— Пока прямо.

Окаймленная редколесьем гора с крутой лепкой известковых проплешин и складчатых жил возникла ошеломительно внезапно. Полускрытое завесой разорванных туч солнце заливало ее расходящимися струями, тонко высветив над хаосом карстовых ниш строгий прямоугольник крепостной стены. Легендарный замок, служивший альбигойцам чем-то вроде обсерватории, открылся сразу же после дорожного знака с изогнутой стрелкой. Поворотик оказался и вправду лихой, круче некуда. Судя по изрядно помятой металлической полосе ограждения, далеко не каждому удалось избежать здесь острых ощущений. Игорь Александрович и сам едва успел вывернуть руль. Даже дыхание перехватило от неожиданности. Прибавив газу, он уверенно повел машину по безупречно прямой асфальтовой ленте. Только полосатые столбики зарябили, словно риски стальной рулетки. Сужаясь в иглу где-то у самого подножия, она то колюче вспыхивала, выходя из пятнистой тени, то угасала свинцовым перстом.

Что-то заранее предначертанное мнилось в этом последнем отрезке и неизбежное, как судьба. Заслонившая волнистые дали громада излучала неодолимую притягательность. Властно выпрямив окружающее пространство, а вместе с ним и дорогу, она само солнце удерживала на привязи струнных лучей. Оттого, наверное, и длился нескончаемый день, полыхая тяжелым сиянием, надрывно и монотонно позванивая в ушах.

— Полезешь?— Игорь Александрович остановился у обочины и, приоткрыв дверцу, критически оглядел пропыленный склон. Теряясь в бурьяне, светлой жилкой вилась над обрывом узенькая тропа.

— А ты?— неуверенно разминаясь, Людмила вылезла из машины и тоже посмотрела наверх.

— Чего я там не видел? Изъеденных кирпичей? Отсюда вполне можно наиподробнейше все разглядеть.— Он извлек из футляра бинокль.— Хочешь? Или тебе необходимо отметиться на верхотуре?

— Просто мне интересно.— Она обиженно свела брови.— Хочется посмотреть, как жрецы в древности наблюдали за солнцем. Это же второй Стонхендж... Грех упустить такой случай.

— Ты-то откуда знаешь? Разве можно слепо верить туристским проспектам? Они тебе чего хочешь насочиняют ради рекламы... Не советую, Люда, право слово. Да и солнце зайдет, пока ты вскарабкаешься.— Игорь Александрович лихо отпасовал банку из-под пива, которая, громыхая и крутясь, понеслась по асфальту.— Не будь дурочкой. Что тебе, больше всех надо?

Разбросанные вокруг бутылки и картонные стаканчики молчаливо подтверждали его правоту. Наезжавшие к Монсегюру туристы предпочитали упиваться древностью, не утруждая ног.

— Нет ощущения присутствия, все равно, что по телевизору,— произнесла Людмила Георгиевна, озирая циклопическую кладку, скупо прорезанную непроглядными амбразурами.— А я руками потрогать хочу, погладить... Понимаешь? — Она вернула бинокль и, упершись в бампер, потуже зашнуровала кеды.— Не скучай.

Подъем оказался не столь трудным, как ей сперва показалось. Тропинка была протоптана со знанием дела, в обход скальных выступов и опасных крутостей. А уж пахло на высоте так, что каждая клеточка переполнялась неизбывным блаженством. Ради одного этого стоило забраться в такую даль. Травы тут росли пучками, пробиваясь из-под ноздреватых камней. Она с первозданным волнением узнавала памятные по Синеди пижму и клевер, невольно прощая отцу чудачества, так осложнявшие всем им жизнь. Впрочем, чаще все же попадались незнакомые виды: какая-то седая полынь да пропыленные насквозь колючки посреди шиферных осыпей. Встретились и мандрагоры, тоже белые от пыли. Она привозила нечто подобное в прошлом году. Игорь еще ругался тогда из-за перевеса. Пытался доказать, чудак, что не всем слабостям старых людей следует потакать. А если нет выбора, как тогда? Если налицо мания, чисто внешне проявляющая себя в различных формах? При мысли о том, какую физиономию скорчит муж, когда она возвратится с корневищем в руках, Людмиле Георгиевне стало совсем весело. Конечно же, она не намерена снова копать вонючую мандрагору, которая вовсе не кричит при этом, как пишут вруны травознаи, но пучок травы нарвать стоит. Во-первых, совершенно немыслимый запах, а во-вторых, уж больно красиво. Куда там всяким розам да лилиям! В них нет такого волшебства, которое незаметно источают эти малюсенькие багряно-сиреневые цветки. Неповторимые в скромном своем совершенстве.

Карабкаться с зажатым в потном кулаке букетиком оказалось не очень ловко. С крутизной шутки плохи. Припав раз-другой к земле, Людмила вскоре убедилась, что свободные руки отнюдь не роскошь, и выбросила цветы. Благо их кругом вон сколько и можно нарвать на обратном пути.

Незаметно она забралась на такую высотищу, что дух захватывало. Лакированным жучком, божьей коровкой виделся отсюда автомобиль. До каменной кромки, казалось, совсем близко, но нечего и мечтать было залезть по меловому откосу. Да и заросли ежевики защищали подходы лучше любой колючей проволоки. Оставалось искать обход по узенькому карнизу.

Людмила втайне уже жалела, что ввязалась в столь рискованную авантюру, но вернуться с полдороги мешало самолюбие. На счастье, тропа понемногу расширилась, и сковавший ее было ужас слегка разжал ледяные тиски. Она сама не знала, как одолела последние метры, и, перебравшись через глыбу, чуть ли не на четвереньках, вползла на мощеный двор.

Как тихо тут было, как солнечно и безмятежно покойно! Ни единый стебелек не колыхался. От сглаженного веками булыжника, заросшего жесткой травой, излучалось разнеживающее тепло. Людмила легла на спину и, раскинув руки, устремилась в сверкающую беспредельность. Не только взглядом из-под тяжелеющих век — всем существом. Она спала считанные минуты, но пробудилась бодрая, отдохнувшая, без тени захолодившего ее страха.

Стряхнув с застиранных джинсов въедливую, как пудра, пыль, побрела осматривать замок. Немногое могли поведать ее душе вещие камни. Не вычленяя в опутанных лебедой и чертополохом нагромождениях прихотливого рисунка когда-то возвышавшихся здесь портиков и галерей, она прыгала с кучки на кучу, вспугивая чутких ящерок.

Еще плыл зной над квадратными башнями и стенами, замкнутыми в каре. Сухо стрекотала цикада. Из главной солнечной двери, глядящей на засneженную макушку святого Варфоломея, косой предзакатный луч, проскользнув сквозь визир глубокой бойницы, каплей расплава стекал по грубо обтесанным плитам. Замечая лишь разрозненные фрагменты молчаливой мистерии, Людмила Георгиевна была бесконечно далека от того, чтобы прочувствовать ее навеки утраченную суть. Боясь признаться себе, что разочарована, она следила, как находит на землю вечерняя тень. Затрепетали жухлые былинки под совиным ее крылом. Отсчитав секунды давным-давно минувших веков, погасли одна за другой слюдяные чешуйки в ядрах. Гробовой прохладой потянуло от стен, и сыростью подземелий дохнули засыпанные руины.

«Все-таки Гоша был почти прав,— подумалось с запоздалым раскаянием.— Скоро станет совсем темно».

Беспокоясь о том, как будет спускаться, она уже и не вспоминала о тайных знаках, которые ненароком надеялась отыскать. Метившие известковые блоки где-то под мхом, а может, и в толще земной, они померкли с последним лучом канувшего в горный провал светила. Зябким шелестом крапивы и лопухов встрепенулся оживший ветер. Зашуршало, завыло в аркадах на басовитой тоскливой струне, ожило в невидимых глазу пустотах ворчливое барабанное эхо. И зацарапал песок по брусчатке, и затрещали кусты, осыпаясь колючими семенами.

Стараясь не смотреть на летучих мышей, чертивших холодеющий воздух, Людмила Георгиевна кинулась к пролому в стене. Больше всего на свете она боялась остаться в этом прибежище ночных призраков. Шарахнувшись от зловещего просверка сигаретной фольги, она больно подвернула ногу и вдруг заплакала, преисполняясь жалостью к себе, смутным раскаянием и обидой.

И тут же смолкла, подавившись испуганным всхлипом, когда заметила, как обозначились в скуповатых бликах какие-то фигуры во мраке грота.

Продолжение следует.

Борис РЯЗАНЦЕВ

«НАТУРАЛИСТ» ИЗ КУНЦЕВА

ПРИМИТИВНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Впору диву даваться деловой смекалке иных плутов: намереваясь словчить, они пользуются древней, как мир, истиной о простоте всего оригинального. Вот и на этот раз именно такой случай.

Некий молодой «испытатель природы», не чуждый новомодных пороков, решил взрастить на московской земле... коноплю. И место для посева подобрал замечательное. Чернозем от старого сада, участок открытый,— стало быть, солнца много, влажность подходящая... Посеял — взошло. Поспела конопля — снял урожай, наркотик изготовил. И на предстоящую весну семена припас...

Хорошее место, словом. От него по морозному асфальту я насчитал двести восемь шагов до ступенек Кунцевского райисполкома.

Пожалуй, нет нужды сомневаться в том, что в апреле страстный природолюб, как и надлежит истинным исследователям, нахально продолжил бы свои опыты и расширил участок под возделываемую культуру. Но не успел...

Он, старший инженер ПТО «Оптика» Дмитрий Александрович Дмитриев, отправился в командировку в Смоленск. Разлука с близкими, видимо, так сильно повлияла на командированного специалиста, что добрался он только до Белорусского вокзала. Точнее, до его туалета, где и был обнаружен уборщицей в малопривлекательном виде.

Как и водится в таких случаях, личные вещи Дмитриева были осмотрены. И вот тут произошло небольшое событие, которое объясняет, во-первых, что он, каким бы пьяным ни был, кое-что еще соображал. А во-вторых, знал, что выращивать наркотическое сырье и изготавливать дурман, мягко говоря, безнравственно и законом запрещено. За это наказывают статьи 224 и 225 Уголовного кодекса РСФСР. А потому неуклюже попытался спрятать смятую пачку из-под сигарет "Ява", в которой и был серо-зеленый, специфически пахнущий порошок, который в южных республиках называют анаша.

В общем, в Смоленск Дмитриев не поехал. И домой тоже не вернулся. У него появилось зарешеченное место жительства. А у следователя ЛОВД на станции Москва-Белорусская Михаила Прокофьевича Полтавца возникли вопросы, на которые мог ответить только Дмитрий Александрович. И он начал рассказывать о том, что курит анашу с 1980 года. Что никаких проблем, связанных с приобретением «продукта», не было, поскольку жил он в городе Фрунзе. Но в прошлом году родителей перевели в Москву. Вот и решил он перейти на самоснабжение, благо семена загодя захватил.

Ходил по Москве, искал подходящее местечко. И обнаружив, разбросал горстями семена на сырую апрельскую землю. До пустыря позади кинотеатра «Кунцево» дела явно никому не было. Трава тут росла самосевом, сорняки и бурьян тоже заботились о себе сами. Поди определи в их зарослях несколько стеблей конопли. Да и кто знает, как она выглядит?

Переселенка между тем неплохо прижилась на местной почве. Дмитриев ходил, отмечал, как тянется растение в высоту. Когда пришла пора, собрал урожай и по ночам, тайком от домашних, с помощью подручных кухонных средств изготовил наркотик. Круг замкнулся — Дмитриев стал полным универсалом: от производства до потребления — все сам...

На обыске он добровольно показал все укромные и хитроумные уголки, где хранил зелье, где прятал семенной фонд. Не сделай он этого — все нашла бы собака. Столь же чистосердечным был и на «плантации». Есть в уголовном деле фотографии, на которых он зафиксирован в такие моменты, имеются на них и пожухлые стебли дурман-травы. Обнаружены в грунте и корни.

Признание, чистосердечное раскаяние, факт того, что делал он гашиш не для сбыта, а для себя, повлияли на приговор суда: Дмитриев наказан лишь двумя годами принудительных работ. В лечении он, по заключению медиков, не нуждается. Не завяз, значит. И из всего этого как будто следует, что простенькое дело закончилось вроде бы благополучно. Ведь спасен для общества молодой двадцатипятилетний человек. Да еще с высшим образованием.

Но кто может гарантировать, что он не стал бы в дальнейшем приторговывать анашой, если б не попался и обладай он избытком в теперь уже перечеркнутой перспективе? Кто может гарантировать, что подобных «опытов» не производит кто-нибудь другой? На последний вопрос теперь практически придется отвечать милиции, у которой после кунцевского дела прибавится много работы.

Но самый печальный вопрос в другом — в нашем отношении к земле. Случай-то примитивен по исполнению и расследованию, но исключителен по сути. Курам на смех — наркотическое растение, как на газоне, достигает полной зрелости в неполных двухстах метрах от исполкома — главного хозяина земли, о которой он обязан заботиться. Стоимость каждого участка территории, поскольку речь о Москве, достигает немалой суммы. И потому пустыри, пожалуй, должны быть на особом учете и под особым вниманием. Тем более в одном из самых живописных районов столицы. Справедливости ради стоит отметить, что часть этого пустыря ныне стала строительной площадкой.

Что же до исполкома, то, безусловно, никто не упрекнет его аппарат в незнании ботаники. Но у районной мэрии имеются соответствующие отделы, которые в силу прямых служебных обязанностей должны заниматься благоустройством и озеленением. Не полагаясь лишь на могучие силы природы и помощь непрошеных «натуралистов».

СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ!

«Счастье — это путешествие. Необязательно с переменой мест. Путешествие может быть в душу другого человека — в мир писателя, поэта. Но не одному, а с человеком, которого ты любишь, мнением которого дорожишь».

Это говорил в одном из интервью Владимир Высоцкий, о котором на наших страницах расскажет его близкий друг Вадим Иванович Туманов. (На фотографии, сделанной Анатолием Касиловым, артист снят на Пятигорском телевидении в 1979 году.)

ИСТОРИЯ ЧАШКИ С ОТБИТОЙ РУЧКОЙ

«...Уже давно Вальтер перестал плакать; Юлиус сидит с газетой у печки, а сын устроился у отца на коленях и наблюдает, как во мне оттаивает замерзший мыльный раствор,— соломинку он уже вытащил. И вот я, старая, перепачканная чашка с отбитой ручкой, стою в комнате среди множества новеньких вещей и преисполняюсь чувством гордости оттого, что это я восстановила мир в доме...»

Рассказ Генриха Бёлля — в ближайшем номере журнала.

СТАРЕЙШИНА ЦЕХА

Отыскать человека для Тункеля — это открыть в нем чистоту и глубину души, богатство переживаний, мудрость мысли, щедрость — те светлые и лучшие стороны, которые и позволяют нам именоваться людьми.

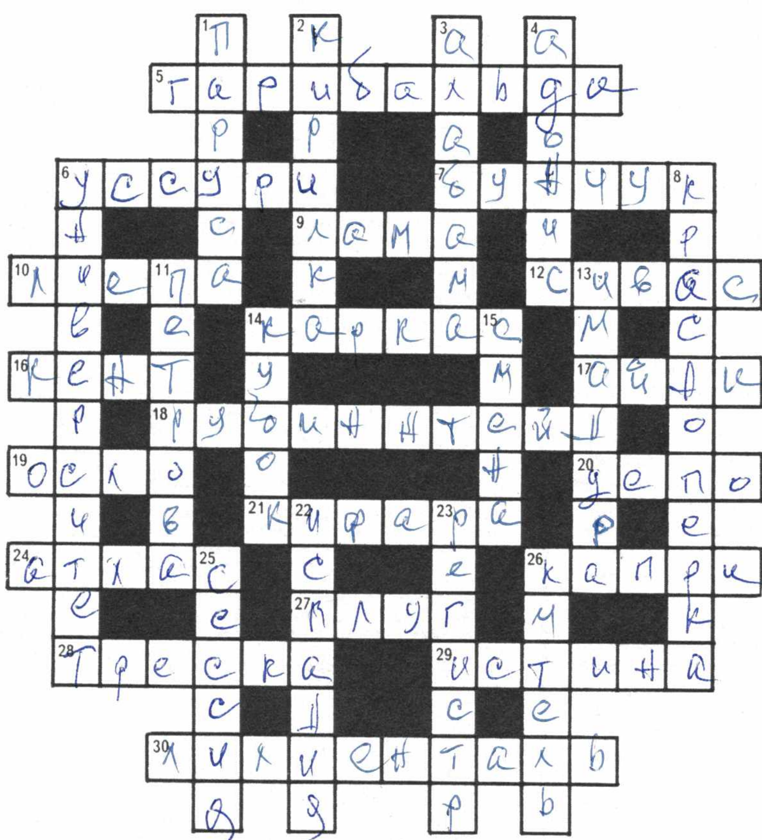
Вернисаж известного фотомастера Исаака Тункеля смотрите в ближайшем номере.

РАСПАД

«...Он поставил чемодан (где, между прочим, лежали подарки, в том числе новенький тельник для отца), оправил форму и позвонил в дверь. И, как тогда, много лет назад, вслед за звонком услышал голоса, и ему почудилось, что он вдруг обратился в худенького семиклассника. И, как и тогда, непонятная тревога охватила его».

О трагедии семьи, считавшейся совсем недавно вполне благополучной, повествует судебный очерк Олега Шмелева «Распад».

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Народный герой Италии. 6. Приток Амура. 7. Персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 9. Южноамериканское вьючное животное. 10. Артист балета, лауреат Ленинской премии. 12. Город в Турции. 14. Остов здания, сооружения. 16. Американский художник, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 17. Ученый, основоположник таджикской советской литературы. 18. Композитор, дирижер, основатель консерватории в Петербурге. 19. Столица скандинавского государства. 20. Здание для стоянки и ремонта локомотивов, вагонов. 21. Древнегреческий струнный музыкальный инструмент. 24. Систематическое собрание карт. 26. Остров в Тирренском море. 27. Сельскохозяйственное орудие для вспашки. 28. Промысловая морская рыба. 29. Правда. 30. Немецкий инженер, один из первых конструкторов планеров.

По вертикали: 1. Южное созвездие. 2. Рассказ М. Горького. 3. Река на юго-востоке США. 4. Малая планета. 6. Высшее учебно-научное заведение. 8. Пресноводная промысловая рыба. 11. Русская певица, первая исполнительница партии Вани в опере М. И. Глинки «Иван Сусанин». 13. Озеро на Кольском полуострове. 14. Переходящий приз в спортивных состязаниях. 15. Молодежный журнал. 22. Государство на юго-западе Европы. 23. Узел цифровой вычислительной машины. 25. Период сдачи экзаменов в вузах, техникумах. 26. Форменная куртка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали: 3. Тактакишвили. 7. Сорго. 8. Пони. 9. Барда. 11. Печора. 13. Кулиса. 15. Баланс. 17. Модерато. 18. Четверть. 19. «Галька». 22. Курага. 24. Яначек. 25. Аорта. 27. Рота. 28. Нонет. 30. Бессмертнова.

По вертикали: 1. Аксиома. 2. Витебск. 3. Титр. 4. Альпака. 5. Шеридан. 6. Икар. 7. Стереотруба. 10. Ассортимент. 12. Отметка. 14. Ливенка. 15. Битюг. 16. Сфера. 20. Афоризм. 21. Кобальт. 23. Анапест. 24. «Ягненок». 26. Румб. 29. Нива.

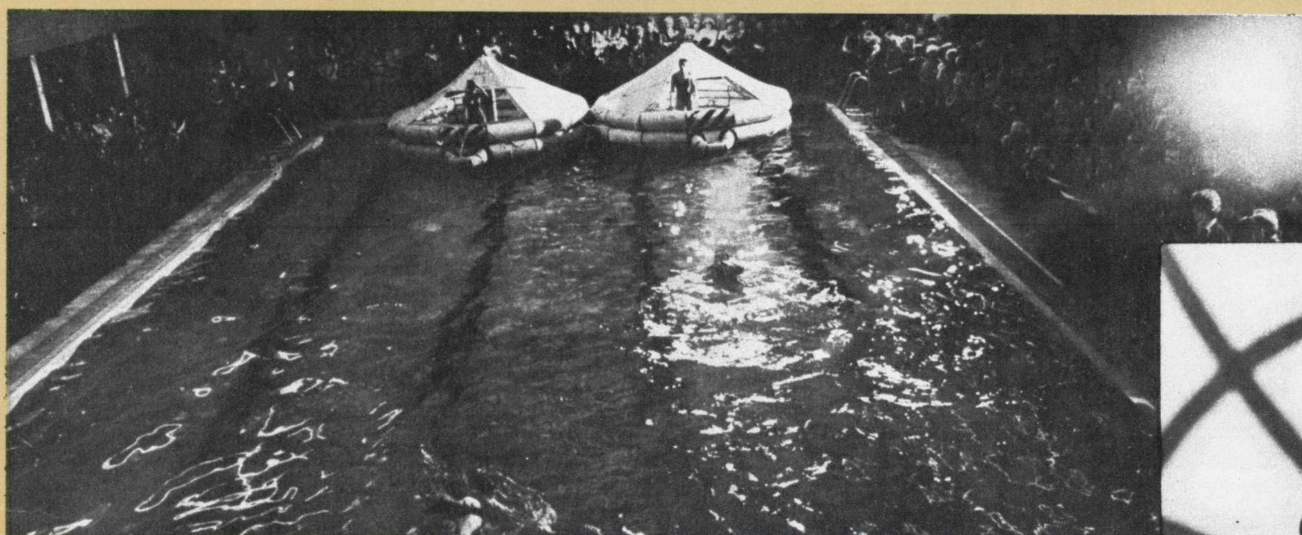
ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

ХОЗЯЙКИ ПОДНЕБЕСЬЯ

Владимир КОВАЛЕВ, Александр МИХАЙЛОВСКИЙ

Фото Игоря ФЛИСА

Разнообразной и насыщенной была программа конкурса, в котором победила Ирина Бургарт («Аэрофлот») — она на нижнем снимке.

-Ну что ж, будем прыгать...— Симпатичная Марианна Дюркович, стюардесса венгерской авиакомпании «Малев», долго не раздумывала. Надела спасательный жилет и по надувному трапу из «самолета» соскользнула вниз, в воду. На синей глади бассейна уже плавали ее подруги и «спасенные пассажиры», а секундомеры в руках судей бесстрастно отсчитывали: минута, вторая, третья... Фу-у-у! Кажется, в контрольное время уложились, никто из «пассажиров» и «экипажа» не пострадал. Теперь бы успеть высушиться, переодеться — и на сцену, где готово новое испытание.

«Взлетаем!» Все ли пристегнули ремни? Кто там возится с коробками и саквояжем огромных размеров? Ах, этот пассажир не желает расставаться со своими вещами! Другому — в противоположном конце — похоже, требуется вода, только изъясняется он на каком-то странном наречии. Впрочем, и с ним найден общий язык... Одно к одному! Побледнела пассажирка возле иллюминатора, без кислорода ей не обойтись...

А в зале смех, шутливые комментарии обо всем, что происходит в «салоне», то бишь на сцене, имитирующей салон авиалайнера. Жюри своим строгим видом не выдает эмоций, хотя, видно, кое-кому из судей тоже хочется рассмеяться, глядя, к примеру, как наперегонки пеленают «ребенка» Ева Канакова из Чехословакии и Светлана Уфимцева из СССР. Были и телекамеры, и ведущий с приятной наружностью — совсем как в

популярной телепередаче «А ну-ка, девушки!».

С девушками здесь, в подмосковном молодежном спортивном центре «Олимпиец», все в порядке. В последние дни прошлого года сюда приехали ровно десять (не считая ассистентов, консультантов и тренеров команд) стюардесс, по-иному бортпроводниц, из авиакомпаний Болгарии и Чехословакии, Венгрии и Польши. Свой профессиональный конкурс они провели по приглашению «Аэрофлота». Конечно, можно было усилить команды ребятами, есть ведь бортпроводники-мужчины, и немало, но традиции оказались сильнее, а за своих жен можно горячо болеть и в зале...

В «летных паспортах» каждой из участниц — сотни проведенных в воздухе часов, десятки тысяч километров. Ивона Чарнецка, стюардесса польской авиакомпании «ЛОТ», призналась нам, что в день соревнования ей недоставало трехсот километров, чтобы гордиться личной трассой, равной расстоянию от Земли до Луны и обратно.

— Желаем в будущем «долететь» до Марса!— ободрили мы девушку.

— Пожелайте мне для начала выиграть конкурс!— выступила со встречным предложением Ивона.

...При всей романтике профессии труд стюардессы легким не назовешь. И как бы ни было тяжело, что бы ни случилось, хозяйке лайнера желательно не расставаться с улыбкой, быть готовой в любую минуту прийти на помощь.

Право, нам стало жаль, что этот конкурс вдруг взял да и закончился. Ведь смекалки и изобретательности, юмора и веселья здесь хватило бы еще надолго. В какой-то момент все почувствовали себя одной большой семьей, а когда жюри определило первую тройку — в нее вошли команды СССР, Чехословакии и Болгарии,— огорченных не было.

СЕГОДНЯ В ГОРКАХ

Январь, мороз. Застыли в карауле деревья старого парка в Горках. Здесь, как нигде, остро переживаешь тяжесть невосполнимой утраты. Здесь умер Ленин.

Давно сказаны слова французским коммунистом Полем Вайян-Кутюрье: «Ленин — это законченный тип нового человека, он являлся для нас прообразом будущего... Владимир Ильич был и остался олицетворением беспрерывного действия и в то же время марксистом с головы до ног...»

Прямой провод соединял Горки с Москвой. Немало бесед провел Владимир Ильич у аппарата, немало продиктовал писем, записок, которые служили и будут служить для партии и государства руководством к действию, напутствием.

Именно здесь он прорабатывал план электрификации РСФСР. План, казавшийся тогда, в начале двадцатых, фантастическим...

Шли тогда и будут всегда приезжать в Горки люди со всех концов земли. Такова сила признательности потомков Владимиру Ильичу Ленину за сделанное им.

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

Фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА